

ВОКІЛ
СВЕТА

1 1992

ИСКАТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

1 1992 (187)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дэвид МОРРЕЛЛ

РЭМБО
Роман

3

БЕЛЬКАМПО

КРОВАВАЯ
БЕЗДНА
Рассказ

108

© «Вокруг света» («Искатель»)

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

**Вниманию организаций,
желающих провести
в своем регионе подписку
на приложение
приключений и фантастики
«ИСКАТЕЛЬ»,
а также участвовать
в его розничной продаже.
С предложениями обращаться
по адресу:
300004, г. Тула, ул. Зорге, 19б,
НПО «Тулбытсервис».
Телефон: (0872) 44-39-25.
Звонить с 10 до 13 часов.
Минимальная заявка на поставку
«Искателя» — 2 тысячи экземпляров.**

ЧАСТЬ I

Глава 1

Его звали Рэмбо, и он был с виду вполне обыкновенным парнем с длинной густой бородой и спадающими на шею волосами. Он стоял у бензоколонки на окраине города Мэдисон, штат Кентукки, вытянув вперед руку в надежде, что его подберет машина, и потягивал кока-колу из большой бутылки; возле его ног лежал спальный мешок, и кто бы мог подумать, что через день, во вторник, на него будет охотиться вся полиция округа Бэээлт. И уж никак нельзя было предположить, что к четвергу он будет скрываться от Национальной гвардии штата Кентукки, полиции шести округов и множества частных лиц, любящих пострелять по живой мишени.

Впрочем, Рэмбо знал, что его ожидают неприятности. Крупные неприятности, если он не будет начеку. Машина, в которую он просился, чуть было не сбила его, отъезжая от бензоколонки. Потом из потока автомобилей выскочила полицейская машина и подкатила прямо к нему — он уже знал, что будет дальше, и весь напрягся. «Нет, черт возьми. Только не в этот раз. Больше я не уступлю».

На машине крупными буквами было написано: «НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ, МЭДИСОН». Она остановилась рядом с Рэмбо, покачивая радиоантенной, и полицейский, перенувшись через переднее сиденье, открыл дверцу для пассажира. Он смотрел на залепленные грязью сапоги, мятые джинсы с заплатой на одной штанине, голубой свитер с пятнами чего-то, похожего на засохшую кровь, и куртку из оленьей шкуры. Его взгляд задержался на бороде и длинных волосах. Нет, не это его беспокоило, а что-то другое, но начальник полиции не мог понять, что именно.

— Ну, полезай сюда, — сказал он.

Рэмбо не шелохнулся.

— Я сказал, полезай сюда. Должно быть, жарко под солнцем в такой куртке.

Рэмбо отпил кока-колы, взглянул на проходившие мимо машины, посмотрел сверху вниз на полицейского — и... остался на месте.

— У тебя что-то со слухом? — поинтересовался полицейский. — Садись в машину, пока я не разозлился.

Теперь Рэмбо изучал его, как только что тот изучал Рэмбо: небольшого роста и плотный, морщинки у глаз и не-

глубокие оспины на коже, из-за которых его лицо казалось грубым.

— Не глазей па меня.

Рэмбо продолжал его изучать: серая форма, верхняя пуговица рубашки расстегнута, узел галстука ослаблен, рубашка спереди промокла от пота. Какое у него оружие — Рэмбо видно не было. Кобура была пристегнута слева, с противоположной от пассажира стороны.

— Я тебе говорю, — сказал полицейский. — Мне не нравится, когда на меня глазят.

— А кому нравится?

Рэмбо еще раз глянул по сторонам, потом поднял свой спальный мешок. Садясь в машину, положил мешок между собой и полицейским.

— Давно ждешь? — спросил полицейский.

— Целый час.

— Мог бы прождать и дольше. Здешние обычно никого не подвозят. Особенно таких, как ты. Это незаконно.

— Быть таким, как я?

— Не умничай. Я хотел сказать, что подвозить незнакомых у нас не разрешается. Многие из тех, кто останавливается кого-то подвезти, расстаются с кошельком, а то и с жизнью. Закрой дверь.

Рэмбо не спеша отпил кока-колы, а потом сделал то, что ему было велено.

— Не беспокойтесь, — сказал он полицейскому. — Я не собираюсь вас грабить.

— Очень смешно. Кстати, если ты не обратил внимания на надпись на машине: я здешний начальник полиции. Тисл. Уилфред Тисл.

Они пересекли центральный перекресток города, где светофор переключался на желтый. По обе стороны улицы вплотную стояли магазины — аптекарский, бакалейный, оружейный, скобяной, а также десятки других. Вдали виднелись холмы, высокие, зеленые, кое-где тронутые красноватой желтизной умирающей листвы.

— Куда направляешься? — спросил Тисл.

— Это имеет значение?

— Нет. Честно говоря, никакого значения это не имеет. И все же — куда ты направляешься?

— Может быть, в Луисвилл.

— А может быть, нет?

— Вот именно.

— Где спишь? В лесу?

— Именно.

— Сейчас, я думаю, в лесу безопасно. Ночью холодает, и змеи залезли в свои норы.

Рэмбо отпил кока-колы.

— Тебя подвез сюда кто-то из нашего города? — поинтересовался Тисл.

— Я шел пешком. Встал на рассвете и шел пешком.

— Ну, я тебе очень сочувствую. Значит, недаром я взял тебя в свою машину.

Рэмбо ничего не сказал. Он знал, что случится дальше. Они проехали по мосту над ручьем, миновали здание суда.

— Полицейский участок рядом с судом, — показал Тисл. Однако не свернул к участку, а повел машину дальше, к выезду из города. И только за щитом с надписью «ВЫ ПОКИДАЕТЕ МЭДИСОН. СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!» остановился у обочины.

— Будь осторожен, — сказал Тисл.

— И не напрашивайся на неприятности, — закончил за него Рэмбо. — Вы это хотели сказать?

— Правильно. Ты это уже слышал. Поэтому мне не надо объяснять, почему из-за похожих на тебя парней часто бывают неприятности. — Он положил спальный мешок на колени Рэмбо и потянулся, чтобы открыть дверцу. — Ну, будь осторожен.

Рэмбо медленно вышел из машины.

— Еще увидимся, — сказал он, захлопывая дверцу.

— Нет, — покачал головой Тисл. — Думаю, не увидимся.

Он развернул машину и поехал обратно в город, посигналив на прощание.

Рэмбо смотрел вслед удалявшейся машине. Потом допил кока-колу, швырнул бутылку в канаву и, перекинув ремень спального мешка через плечо, направился в город.

Глава 2

Воздух был густ от чада — что-то жарилось на жире. Старуха за стойкой уставилась на Рэмбо через свои бифокальные очки, рассматривая его одежду, шевелюру, бороду.

— Два гамбургера и кока-колу, — сказал Рэмбо.

— Сделай это на вынос, — услышал он сзади.

Глянув в зеркало за стойкой, Рэмбо увидел в проеме входной двери Тисла.

— И сделай это побыстрее, Мерль, ладно? — добавил Тисл. — Парень очень спешит.

Старуха недоуменно склонила набок голову.

— Да, да, Мерль, а пока ты этим занимаешься, как насчет чашки кофе для меня?

— Как скажете, Уилфред, — проговорила она, по-прежнему недоумевая, и пошла налить кофе.

Рэмбо смотрел в зеркало на Тисла, а Тисл смотрел на Рэмбо. На рубашке у Тисла красовалась булавка Американского легиона. Интересно, на какой войне ты был, подумал Рэмбо. Для второй мировой ты слишком молод.

Он повернулся.

— Корея? — спросил Рэмбо, показывая на булавку.

— Правильно, — ответил Тисл без всякого выражения.

Они продолжали смотреть друг на друга.

Рэмбо перевел взгляд на левый бок Тисла, где висела кобура. И удивился — там был не стандартный полицейский револьвер, а полуавтоматический пистолет, судя по его большой рукоятке — 9-миллиметровый браунинг. Рэмбо доводилось пользоваться браунингом. Рукоятка большая потому, что там тринадцать патронов, а не семь или восемь, как в большинстве пистолетов. Рэмбо отметил, что пистолет чертовски идет Тислу, в котором было пять футов и шесть или семь дюймов, а на невысоком мужчине такой большой пистолет должен выглядеть неуклюже — но не выглядел.

— Я тебе говорил, не глазей на меня. — Прислонившись к музыкальному автомату, Тисл достал из пачки в кармане рубашки сигарету и зажег. — Ну, ты меня обдурил?

— Не нарочно.

— Конечно, не нарочно. И все же ты меня обдурил?

Хозяйка принесла Тислу кофе и повернулась к Рэмбо.

— Какие вам сделать гамбургеры? Простые или огородные?

— Что?

— Одно мясо или с зеленью?

— Побольше луку.

Старуха ушла жарить гамбургеры.

— Вот обдурил так обдурил, — сказал Тисл и как-то странно улыбнулся. — Я хочу сказать, на вид ты умный. И говоришь вроде как умный, вот я и решил, что ты все понял. А ты взял и вернулся. Может, у тебя с головой не все в порядке, а?

— Я голоден.

— Ну, это меня не интересует, — сказал Тисл, затягиваясь сигаретой. — Такому парню, как ты, должно хватать мозгов носить еду с собой. На тот случай, если он спешит, как ты сейчас.

Он поднял кувшинчик со сливками, собираясь налить их себе в кофе, но заметил сгустки на дне и брезгливо скривился.

— Тебе нужна работа? — тихо поинтересовался он.

— Нет.

— Значит, у тебя уже есть работа?

— Нет, работы у меня нет. Мне не нужна работа.

— Это называется бродяжничеством.

— Черт возьми, называйте это как хотите.

— Укороти язычок! — Тисл резко хлопнул рукой по стойке.

Немногочисленные посетители забегаловки сразу же устремили взгляды на Тисла. Он оглядел их и улыбнулся, будто сказал что-то смешное, потом прислонился к стойке и начал пить кофе.

— Теперь им есть о чем поговорить. — Он зло улыбнулся. Шутки кончились. — Послушай, я тебя не понимаю.

Все это — одежда, волосы и прочее. Неужели ты не знал, что стоит тебе появиться на главной улице, ты будешь там выделяться, как чернокожий? Да мои патрульные сообщили о тебе по радио через пять минут после того, как ты вернулся.

— Им понадобилось так много времени?

— Язычок, — сказал Тисл. — Я тебя предупреждал.

Похоже, он хотел добавить что-то еще, но тут старуха принесла Рэмбо еду в бумажном пакете и сказала:

— Доллар тридцать один цент.

— За что? За эти крохи?

— Вы сказали, вам с зеленью.

— Заплати ей, — сказал Тисл.

Она не выпускала из рук пакет, пока Рэмбо не отдал ей деньги.

— О'кэй, поехали, — сказал Тисл.

— Куда?

— Туда, куда я тебя повезу. — Он осушил чашку четырьмя глотками и положил на стойку монету в двадцать пять центов. — Спасибо, Мерль. — Когда они шли к двери, все взоры были устремлены на них.

— Чуть не забыл, — спохватился Тисл. — Эй, Мерль, как пасчет того, чтобы почистить у кувшинчика дно?

Глава 3

Машина стояла у выхода.

— Полежай, — велел Тисл, оправляя свою потную рубашку. — Черт возьми, жарковато для первого октября. Как ты можешь ходить в этой куртке.

— Я не потею.

После полумрака закуской у Рэмбо болели на солнце глаза, он закрыл их, откинулся на сиденье машины. А когда снова открыл, увидел щит с надписью «ВЫ ПОКИДАЕТЕ МЭДИСОН». Тисл резко остановил машину на щебеночном крае дороги и повернулся к Рэмбо.

— Пойми наконец, — я не хочу видеть в своем городе парней, которые выглядят как ты и у которых нет работы, — сказал он. — А то не успеешь оглянуться, тут появится целая куча твоих друзей — будут попрошайничать, может, даже воровать или продавать наркотики. Я и так уж подумываю, не посадить ли тебя за решетку за то неудобство, которое ты мне причинил. Но я так понимаю: парень вроде тебя имеет право на ошибку. У тебя ум еще не такой развитой, как у людей постарше, на что я и делаю скидку. Но если ты вернешься снова, я оторву тебе задницу. Я выражаюсь ясно? Ты меня понял?

Рэмбо подхватил пакет с едой, спальный мешок и выбрался из машины.

— Я у тебя спрашиваю: ты слышал, что я велел тебе не возвращаться?

— Слышал, — ответил Рэмбо, захлопывая дверцу.

Тисл утопил педаль газа, и машина рванула с места, метнув в Рэмбо две пригоршни щебенки. Потом круто развернулась, визжа покрывками, и уехала в сторону города, на этот раз не погнав Рэмбо.

Когда машина скрылась из вида, Рэмбо опустился в придорожную канаву, вытянулся на длинной пыльной траве, открыл пакет с едой.

Черт знает что за гамбургер. Он просил побольше луку, а получил одну чахлую стрелку. Кружок помидора был тонкий и желтый. Булочка оказалась жирной, рубленый бифштекс в ней — жестким.

Запив эту еду кока-колой, он сложил вощеную бумагу от гамбургеров в бумажный пакет и поджег его. Потом растоптал пепел сапогом и рассеял в разные стороны, удостоверившись, что искр нет. Черт возьми, уже шесть месяцев, как он вернулся с войны, а все еще по-прежнему тщательно уничтожает следы своего пребывания — чтобы никто не мог его по ним вычислить.

Он тряхнул головой. Не нужно думать о войне. И тут же вспомнил другие привычки, оставшиеся у него с войны: привычка к бессоннице, пробуждение при малейшем шорохе, потребность спать на открытом месте — это все после долгого пребывания в плену...

— Да, лучше думай о чем-нибудь другом, — сказал он вслух и понял, что разговаривает сам с собой. — Ну и как? В какую сторону пойдешь? — Он посмотрел в направлении города, в противоположную сторону, куда вела такая же дорога, и принял решение. Подхватив спальный мешок, повесил его на плечо и зашагал в город.

На дороге валялись повсюду животные, задавленные машинами. Сначала кошка, полосатая как тигр, — похоже, красивая была кошка, — потом коккер-спаниель, кролик, белка... Это тоже осталось у него с войны — теперь он больше замечал мертвых, испытывая при этом не ужас, а любопытство — как они расстались с жизнью.

Он шел мимо этих трупиков по правой стороне дороги, безмолвно голосуя в надежде, что его подвезут. Одежда Рэмбо была желтоватой от пыли, длинные волосы на голове и борода свалились, и все, кто проезжал мимо, окидывали его взглядом. Но никто не остановился. Ну, думал он, что ж ты не приведешь себя в порядок? Постригись и побрейся. Почисти одежду. Тогда тебя охотно будут сажать в машину. Все это так, возражал он себе, но бритва — одна из тех вещей, которые ограничивают свободу, а стрижка стоит денег, которые лучше потратить на питание. И вообще невозможно спать в лесу и выглядеть принцем. Но тогда зачем бродить вот так, зачем спать в лесу? На этой мысли круг замкнулся, возвращая его к войне. Думай о чем-нибудь другом, велел он себе. Почему бы не повернуться и не уйти прочь? Зачем возвращаться в

этот город? Что в нем особенного? А вот зачем, я сам имею право решать, оставаться мне здесь или нет. Я никому не позволю решать за меня.

Этот полицейский оказался дружелюбней большинства из них. Разумнее. Может, не стоит задирать его? Сделать, как он говорит, и...

Нет, если кто-то улыбается, давая тебе мешок дерьма, это еще не значит, что ты должен этот мешок принять. Плевал я на его дружелюбность. Главное — это поступки.

Но ты выглядишь не очень-то мило, и от тебя можно ждать неприятностей. Он в чем-то прав.

И я тоже в чем-то прав. Со мной произошло одно и то же в пятнадцать городах. Этот последний. Больше не позволю себя толкать.

Но почему бы не объяснить ему все, не привести себя в порядок? Или ты жаждешь этих неприятностей? Надоела спокойная жизнь, а? Хочешь доказать ему, на что ты способен?

Я не обязан объясняться ни перед ним, ни перед кем-то. После того, через что я прошел, я имею право никому ничего не объяснять.

Тогда по крайней мере расскажи ему про свою медаль, про то, чего она тебе стоила.

И снова его мысли вернулись к войне.

Глава 4

Тисл его ждал. Развернувшись и проехав мимо него, он увидел парня в зеркало. Тот стоял на месте, глядел вслед удаляющейся машине и вроде бы никуда не собирался уходить.

Боже мой, а ведь ты собираешься вернуться, вдруг понял Тисл и от неожиданности расхохотался. Ты искренне хочешь вернутся. И выражение у тебя на лице такое...

Вот Тисл и ждал. Улица, на которой стояла его полицейская машина, пересекала главную наподобие буквы Т.

Где же парень?

Возможно, он не появится. Возможно, он ушел.

Нет, я видел, какое у него было лицо. Он придет.

— Тисл вызывает участок, — проговорил он в микрофон радиопередатчика. — Есть какие-нибудь новости?

Как всегда, Шинглтон, дневной радист, отозвался сразу же — его голос потрескивал в атмосферных разрядах.

— Нет, шеф. Ничего интересного.

— Ладно. Я задержусь.

Этот парень раздражал Тисла — его еще и приходится ждать. Он зажег сигарету, огляделся по сторонам. Потом включил двигатель и выехал на главную улицу — посмотреть, где же парень, черт бы его побрал.

Парня нигде не было видно.

Конечно. Он взял и ушел, а такое лицо сделал специально, чтобы я подумал — он вернется.

Тисл ехал по главной улице, уже уверенный в том, что парень где-то далеко отсюда, и когда тремя кварталами дальше вдруг увидел его на левом тротуаре, прислонившегося к провололочной изгороди у ручья, то от удивления так резко нажал на педаль тормоза, что следовавшая за ним машина врезалась ему в задний бампер.

Человек, налетевший на него, от неожиданности прикрыл рот рукой. Тисл открыл свою дверцу и несколько секунд смотрел молча на провинившегося водителя, а потом направился к парню у изгороди.

— Каким образом ты попал в город?

— Волшебным образом.

— Садись в машину.

— Не думаю, что мне туда хочется.

— Тогда подумай еще раз.

Позади машины, которая смяла ему бампер, уже выстроилась очередь из других машин. Водитель стоял сейчас посреди дороги, рассматривал разбитую заднюю фару и качал головой. Открытая дверца Тисла перегораживала встречную дорожку, замедляя движение. Гудки звучали все раздраженнее, начала собираться толпа.

— Послушай, — сказал Тисл, — я пойду разберусь с этим делом, а когда закончу, ты чтоб сидел в машине.

Они несколько секунд смотрели друг на друга. Потом Тисл отошел к человеку, который стукнул его машину. Тот все еще качал головой, глядя на причиненный ущерб.

— Пожалуйста, удостоверение водителя, карточку страховки, документы на машину, — проговорил Тисл и закрыл дверцу своей машины.

— Но я не имел возможности остановиться.

— Вы ехали слишком близко.

— Но вы слишком резко затормозили.

— Это не имеет значения. По правилам всегда виновата задняя машина. Вы не соблюдали дистанцию, положенную на случай экстренной ситуации.

— Но...

— Я не собираюсь с вами спорить, — оборвал его Тисл. — Пожалуйста, дайте мне свое удостоверение водителя, карточку страховки и документы на владение машиной. — Он повернулся взглянуть на парня — его, конечно, уже не было.

Глава 5

Рэмбо нарочно шел по открытому месту, тем самым показывая, что он вовсе не прячется. На этом этапе Тисл мог бы окончить игру и оставить его в покое — а если не оставит, что же, значит, это Тисл хочет неприятностей, а не он.

В центре города он свернул влево, очутился на большом оранжевом мосту и дошел до его середины, ведя

рукой по гладкой теплой краске на перилах. Там он остановился, стал смотреть на воду. День был жаркий, вода — быстрая и прохладная на вид.

Рядом с ним оказался автомат с шариками жевательной резинки, приваренный к перилам. Он вытащил из кармана джинсов пенни, собираясь сунуть его в прорезь, но вовремя остановился. В автомате были не шарики жевательной резинки, а рыбьего корма. Маленькая металлическая пластинка на автомате гласила: «ПОКОРМИТЕ РЫБ. 10 ЦЕНТОВ. ДОХОДЫ ИДУТ МОЛОДЕЖНОМУ КОРПУСУ ОКРУГА БЭЗЭЛТ. ЗАНЯТАЯ МОЛОДЕЖЬ — СЧАСТЛИВАЯ МОЛОДЕЖЬ».

Ну конечно, подумал Рэмбо. А кто рано встает, тому боженька пинка дает.

Он опять стал смотреть на воду. Скоро услышал чьи-то шаги за спиной, но даже не побеспокоился взглянуть, кто это.

— Садись в машину.

Рэмбо не отвел взгляда от воды.

— Взгляните на рыб. Их, наверное, тысячи две. Как называется большая золотистая? Вряд ли это настоящая золотая рыбка. Слишком она большая.

— Форель «паломино». Садись в машину.

Рэмбо продолжал смотреть на воду.

— Наверно, новая разновидность. Никогда о ней не слышал.

— Эй, парень, я с тобой говорю. Смотри на меня.

Но Рэмбо его не послушался.

— Я когда-то тоже ловил рыбу. Когда был маленький. Сейчас-то мало осталось рыбных ручьев — слишком грязная вода. А что, за этим следит город и рыбу в него специально запускают? Ее потому так много?

Именно потому. Сколько Тисл помнил себя, город всегда запускал рыбу в этот довольно глубокий ручей. Отец часто приводил его смотреть, как рабочие с рыбопроизводного завода штата выпускали сюда молодь. Рабочие несли от грузовика к воде ведра, ставили их в воду и наклоняли — рыбы скользили через край, иногда они радужно поблескивали.

— Черт возьми, смотри на меня! — велел Тисл.

Рэмбо почувствовал, как его схватили за рукав. Он высвободился.

— Не трогать, — произнес он, глядя на воду. Потом снова почувствовал, что Тисл схватил его. На этот раз он резко обернулся. — Я вам сказал! Не трогать!

Тисл пожал плечами.

— Ладно, ты сам на это напросился. — Он отцепил висевшие на ремне наручники. — Давай сюда руки.

— Я серьезно вам говорю. Оставьте меня в покое.

Тисл рассмеялся.

— Ты серьезно мне говоришь? Тогда пойми наконец, что я тоже говорю тебе серьезно. Рано или поздно ты сядешь в машину. Вопрос только в том, сколько силы мне придется на это употребить. — Он положил левую руку на пистолет и улыбнулся. — Это такой пустяк — сесть в машину. Может, не будем делать из мухи слона?

Мимо шли люди, с любопытством поглядывавшие на них.

— А ведь вы эту штуку вытаскиваете, — сказал Рэмбо, глядя на руку Тисла на пистолете. — Сначала я думал, что вы другой. Но теперь вижу, что психов вроде вас уже встречал раньше.

— Тогда за тобой преимущество, — заметил Тисл. — Потому что я таких, как ты, еще не встречал. — Он перестал улыбаться и крепко вцепился в рукоятку пистолета. — Ну, пошевеливайся.

Теперь все, решил Рэмбо. Одному из них придется уступить, иначе Тисл пострадает. Сильно пострадает. Он смотрел на руку Тисла, сжимавшую пистолет в кобуре, и думал: глупый ты легаш, да прежде чем ты успеешь вытаскивать свою пушку, я оторву тебе обе руки и ноги. Я могу вырвать тебе горло и бросить тебя через перила. У рыб в таком случае окажется много корма.

Но разве можно делать с человеком подобное за такие пустяки? Мысль о том, что он способен с Тислом сотворить, умерила его гнев, позволила взять себя в руки. Еще совсем недавно он не умел себя контролировать. Шесть месяцев назад его отпустили из госпиталя как выздоровевшего. Месяцем позже, когда он спал ночью у озера, громадный негр напал на него с ножом. Он перерезал этому негру горло его же ножом, потом погнался за его товарищем, гнался через весь парк и, конечно, поймал, когда тот уже пытался завести двигатель своей машины.

Нет, нельзя, сказал он себе. Сейчас с тобой все в порядке.

Настала его очередь улыбаться.

— О'кэй, давайте снова прокатимся, — сказал он Тислу. — Хотя — какой смысл? Я все равно приду обратно.

Глава 6

Полицейский участок располагался в старом школьном здании. Да еще красном, подумал Рэмбо, когда они въезжали на стоянку для машин. Он даже чуть не спросил у Тисла — что это, шутка, что ли, выкрасить школьное здание красным — он знал, что все это не шутка, — просто ему захотелось выйти из этой ситуации, не пролив крови, с помощью языка, что ли...

Тебе даже не правится этот городишко. Он тебя не интересует. Если бы Тисл к тебе не прицепился, ты бы так и прошел дальше, убеждал он себя.

Какая теперь разница?

Цветные ступени, ведущие к передней двери участка, показались ему новыми, блестящая алюминиевая дверь тоже явно была новой, а внутри он увидел ярко освещенную белую комнату во всю ширину здания и в половину его длины. В комнате стояло много столов, но только за двумя из них сидели полицейский, печатавший на машинке, и еще один, разговаривавший по приемопередатчику. Увидев его, они побросали свои дела, и он уже знал, что сейчас будет.

— Какое печальное зрелище, — сказал сидевший за пишущей машинкой.

Так было всегда.

— Разумеется, — ответил Рэмбо. — А теперь вы должны спросить у меня: «Кто ты, мальчик или девочка?» Потом должны сказать, что если я такой бедный и мне не на что принять ванну и постричься, вы устройте для меня сбор пожертвований.

— Лично меня раздражает не его внешность, — заметил Тисл, — а его язык. Шинглтон, есть какие-нибудь стоящие новости?

Полицейский у приемопередатчика был высокий и массивный, с почти прямоугольным лицом, аккуратными бакенбардами.

— Машину украли, — сказал он.

— Кто занимается этим делом?

— Уорд.

— Хорошо. — Тисл повернулся к Рэмбо. — Ладно. Давай кончим с тобой.

Они пересекли комнату и направились по коридору в заднюю часть здания. Тисл открыл дверь в конце холла, и Рэмбо на мгновение приостановился. Он спросил себя: а ты совершенно уверен в том, что хочешь пройти через это? Еще не поздно перевести все в шутку.

Что перевести в шутку? Я не сделал ничего плохого.

— Ну, давай, входи сюда, — сказал Тисл. — Сам ведь на это напрашивался.

Было ошибкой, что он не вошел туда сразу же. Секундная заминка у двери давала повод думать, что он боится, а он не хотел, чтобы так думали. Если же он войдет после того, как Тисл приказал ему, это будет выглядеть так, будто он подчиняется, а Рэмбо этого не хотел. Поэтому пошел прежде, чем Тисл успел приказать ему еще раз.

Ему казалось, что потолок кабинета давит ему на голову, захотелось пригнуться, но он себе это не позволил. На полу был ковер, зеленый и потертый, похожий на подстриженную слишком коротко траву.

— Садись на скамейку, парень, — сказал Тисл. — Как твое имя?

— Называйте меня просто парнем, — ответил Рэмбо.

Скамья стояла у правой стены. Он прислонил к ней

свой спальный мешок и сел — очень прямо и напряженно.
— Это уже не смешно, парень. Так как же тебя зовут?
— Парень.
— Ладно, я тебя так и буду называть, — кивнул Тисл. — Ты довел меня до такого состояния, когда я готов называть тебя любым именем, каким мне вздумается.

Глава 7

Ну что ж, придется все делать по правилам. Этот парень не хочет назвать свое имя — а единственной причиной, по которой люди не хотят называть свое имя, обычно оказывается то, что они где-то что-то под этим именем натворили. И теперь боятся, что их могут найти, справившись в картотеке розыска. Возможно, перед ним не просто парень, который никак не хочет уяснить себе истину.

Прекрасно, все равно рано или поздно он ее уяснит. Тисл сел на краешек стола, напротив парня, и спокойно прикурил сигарету.

— Хочешь закурить? — предложил он парню.

— Я не курю.

Тисл кивнул и неторопливо затянулся сигаретой.

— А не попробовать ли нам еще раз? Как тебя зовут?

— Вас это не касается.

Боже мой, подумал Тисл, невольно он оттолкнулся от стола и сделал несколько шагов в сторону парня. Не спеши, сказал он себе. Спокойно.

— Ты этого не говорил. Я не могу поверить своим ушам.

— Придется. Мое имя — это мое дело. Какие у вас причины знать его?

— Я начальник полиции.

— Это недостаточно веская причина.

— Это самая веская причина в мире, — сказал Тисл и подождал, пока от лица отхлынет жар. — Покажи мне свой бумажник.

— Не пошу.

— Покажи свои документы.

— Тоже не пошу.

— Ни удостоверения личности, ни карточки социального страхования, ни призывной карточки, ни свидетельства о рождении, ни...

— Совершенно верно, — прервал его парень.

— Ты мне не пудри мозги. Предъяви документы.

Парень даже не удостоил его взглядом. Он смотрел на висевшую на стене медаль.

— Медаль за Корею. Вы им там дали жару, а?

— Хватит, — сказал Тисл. — Встать.

Медаль он заслужил в жестоких боях. Тогда ему было

двадцать лет, и он не позволит мальчишке, который выглядит не старше двадцати, смеяться над ним.

— Встать. Мне надоело все повторять тебе дважды. Встань и выверни карманы.

Парень пожал плечами и очень медленно встал. Вывернул карманы джинсов, в которых ничего не оказалось.

— Ты не вывернул карманы куртки, — заметил Тисл.

— Боже мой, вы правы. — В карманах куртки оказались два доллара двадцать три цента и пакетик со спичками.

— Зачем тебе спички? — спросил Тисл. — Ведь ты сказал, что не куришь.

— Мне нужно разводить костер, чтобы приготовить пищу.

— Но у тебя нет ни работы, ни денег. Где ты берешь пищу?

— Какого ответа вы от меня ждете? Что я ее краду?

Тисл посмотрел на спальный мешок парня, прислоненный к скамье, недоумевая, где могут быть документы. Он развязал мешок и развернул его на полу. Внутри оказались чистая рубашка и зубная щетка. Когда он начал прощупывать рубашку, парень сказал:

— Эй, я эту рубашку долго гладил. Постарайтесь не помять.

И тут Тисл вдруг почувствовал, что чертовски устал от этого парня.

Он нажал на кнопку интеркома на столе.

— Шинглтон, ты видел этого парня, когда он проходил. Передай по радио его описание полиции штата. Скажи, я хочу, чтобы его идентифицировали как можно быстрее. Потом взгляни, не соответствует ли он какому-нибудь описанию в наших досье. У него нет ни работы, ни денег, но выглядит он упитанным. Я хочу знать, как ему это удастся.

— Значит, вы решили пойти на обострение, — сказал парень.

— Ошибаешься. Это не я решил.

Глава 8

В кабинете мирового судьи стоял кондиционер. Время от времени он жужжал и погромыхивал и так сильно охлаждал воздух, что Рэмбо начал дрожать. На человеке за столом был просторный голубой свитер. Человека звали Добзин, о чем свидетельствовала табличка на двери. Он жевал табак, но, увидев Рэмбо, перестал.

— Ну, будь я... — сказал он, скрипнув вращающимся креслом. — Когда ты мне звонил, Уилл, ты должен был сказать, что в город приехал цирк.

Ну началось. Везде одно и то же. Всегда. Дело прини-

мало поганный оборот, и он понимал, что ему следует уступить, иначе эти люди могут причинить ему массу неприятностей. Однако ж ему снова швыряют в лицо дерьмо, снова не дают житья, и будь он проклят, если снова смирится с этим.

— Послушай, сынок, — сказал Добзин. — Я должен задать тебе один вопрос, я просто не могу его не задать. — У него было очень круглое лицо. Когда Добзин говорил, он языком запихивал табак за одну щеку, отчего она вспухала. — Я вижу ребят по телеку, они демонстрируют, бунтуют и вообще...

— Я не хожу на демонстрации.

— Интересно, у тебя не чешется от волос шея?

Всегда они спрашивают одно и то же.

— Раньше чесалась.

Добзин почесал бровь, обдумывая свой ответ.

— Да, наверное, ко всему можно привыкнуть, если конечно, очень захочешь. А борода? Чешется под ней в такую жару?

— Бывает.

— Тогда зачем ты ее отрастил?

— Мне нельзя бриться из-за раздражения на лице.

Стоявший у двери Тисл хихикнул.

— Погоди секунду, Уилл, быть может, он говорит нам правду.

Рэмбо не устоял перед искушением.

— Нет.

— Тогда зачем ты все это сказал?

— Надоели вечные расспросы насчет бороды.

— А почему ты отрастил бороду?

— У меня раздражение на лице, и мне нельзя бриться.

Добзин словно получил пощечину.

— Ну, пожалуй, я сам на это напросился, — сказал он через некоторое время, медленно растягивая слова. — Верно, Уилл? — Он коротко хихикнул. — Взял и сел в лужу. Это уж точно. Да, да. — Он пожевал табак. — Так какое у тебя обвинение, Уилл?

— Их два. Бродяжничество и сопротивление аресту. Но это для начала, просто чтобы его задержать, пока я выясню, не разыскивают ли за что-нибудь этого парня. Лично я думаю, что его разыскивают за кражу.

— Займемся сначала бродяжничеством. Это так, сынок?

Рэмбо сказал, что нет.

— У тебя есть работа? Ты располагаешь суммой больше десяти долларов?

Рэмбо сказал, что нет.

— Тогда ничего не поделаешь, сынок. Ты бродяга. За это полагается пять суток тюрьмы или пятьдесят долларов штрафа. Что выберешь?

— Я только что сказал, что у меня нет десяти, где же, черт возьми, я возьму пятьдесят?

— Ты находишься в зале суда, — сказал Добзин, резко наклонившись вперед. — Не потерплю бранных выражений в моем суде. Еще одно нарушение, и я накажу тебя за неуважение к суду. — Он умолк и принялся с задумчивым видом жевать табак. — Мне так будет трудно сохранить бесстрастность, когда придется выносить приговор по второму обвинению. Я имею в виду сопротивление аресту.

— Невиновен.

— Я тебя еще не спрашивал. Подожди, когда спрошу. Что там с сопротивлением аресту, Уилл?

— Я его подобрал, когда он пытался сесть в попутную машину, и сделал одолжение, вывезя за город. Я подумал, для всех будет лучше, если он у нас не задержится. — Тисл помолчал. — Но он вернулся.

— У меня на то есть право.

— Я опять увез его из города, а он снова вернулся, а когда велел ему сесть в мою машину, он отказался. И подчинился только под угрозой применения силы.

— Думаете, я сел в машину, потому что испугался вас?

— Он не хочет назвать свое имя.

— А зачем оно вам?

— Говорит, что у него нет документов.

— За каким чертом они мне нужны?

— Хватит, хватит, я не могу сидеть тут вечно и слушать, как вы препираетесь, — прервал их Добзин. — Моя жена больна, и я должен был в пять уже быть дома и готовить детям обед. Тридцать суток тюрьмы или штраф двести долларов. Что выбираешь, сынок?

— Две сотни? Господи, я же только что сказал, что у меня и десяти нет.

— Тогда тридцать пять суток тюрьмы, — объявил Добзин, поднимаясь и расстегивая свитер. — Я хотел отменить пять суток за бродяжничество, но ты ведешь себя хуже некуда. Мне пора. Я опаздываю.

Кондиционер зажужжал и загрохотал пуще прежнего, и Рэмбо теперь не знал, отчего он дрожит — от холода или от ярости.

— Эй, Добзин, вы еще не спросили, виновен ли я в сопротивлении аресту, — сказал он.

Глава 9

Рэмбо направился было обратно в кабинет Тисла.

— Ну нет, теперь сюда, — сказал Тисл и указал на последнюю дверь справа, с решеткой в маленьком окне сверху. Он хотел отпереть ее ключом, но тут заметил, что дверь приоткрыта на четверть дюйма. Недовольно покачав голо-

вой, Тисл распахнул дверь, Рэмбо увидел лестницу с железными перилами и цементными ступенями. На потолке горели люминесцентные лампы. Рэмбо вошел, Тисл тут же последовал за ним и запер дверь. Они стали спускаться, сопровождаемые двойным эхом.

Рэмбо издали услышал шум льющейся воды. Цементный пол был мокрый и отражал флюоресцентные огни, у дальней стены тощий полицейский поливал из шланга пол камеры. Увидев Тисла и Рэмбо, он перекрыл воду.

— Голт. — Голос Тисла отозвался гулким эхом. — Почему верхняя дверь опять отперта?

— Разве я?.. Но ведь у нас нет сейчас заключенных. Последний недавно проснулся, и я его выпустил.

— Не имеет значения, есть у нас заключенные или нет. Стоит тебе привыкнуть оставлять дверь незапертой, когда у нас никого нет, и ты можешь забыть запереть ее, когда у нас кто-то будет. Так что изволь запирайте дверь всегда.

Рэмбо было здесь так же холодно, как и в кабинете Добзина, он дрожал. Ему казалось, что лампы на потолке чуть ли не касаются его головы, но все равно было слишком темно. Железо и цемент. О Господи, напрасно он позволил Тислу привести его сюда. Когда они шли от судьи, надо было вломить Тислу и убежать. Уж лучше спастись бегством, чем провести здесь тридцать пять дней.

Но, сказал он себе, какого же черта ты ожидал? Сам напросился, разве нет? Не захотел уступить.

Вот именно — не захотел. И сейчас не хочу. Если меня запрут, это еще не значит, что мне конец. Буду сопротивляться. Чтобы когда придет время отпустить меня на свободу, Тисл вздохнул бы с облегчением.

Конечно, ты будешь сопротивляться. Смех да и только. Посмотри на себя. Ты уже дрожишь. Ты же знаешь, что тебе никак нельзя сидеть в камере. Двое суток в тесной камере — и ты свихнешься.

— Вы должны понять, что мне здесь нельзя оставаться, — это сорвалось с языка против его воли. — Сырость. Я не выдержу пребывания в сыром месте.

Когда Рэмбо попал в плен, его долго держали в камере, где земляной пол был вечно сырой.

Вот и расскажи ему об этом, черт возьми.

Но он еще решит, будто я его умоляю.

Ну вот, подумал Тисл, сейчас, когда уже поздно, парень пришел в чувство и пытается выкрутиться. Тисла ужасно раздражала такая непутевость — ведь парень фактически сам запертал себя сюда.

— Скажи спасибо, что здесь влажно. Что мы все моем из шлангов. По уик-эндам здесь сидят пьяные, и когда мы в понедельник их вышвыриваем, со всех сторон свисает блевотина.

Тисл окинул взглядом камеры, блестящие лужицами воды.

— Хотя ты, Голт, и оставляешь ту дверь наверху открытой, моешь ты прекрасно, — заметил он. — Немедленно принеси парню все, что полагается. — Эй ты, — повернулся он к Рэмбо, — думаю, средняя камера тебе подойдет. Иди туда, снимай сапоги, брюки, куртку. Оставь на себе носки, трусы, свитер. Сними все украшения, цепочки, если есть, часы... Голт, на что ты там уставился?

— Ни на что.

— Я ж вроде бы послал тебя за постелью и всем остальным.

— Я просто смотрел. Сейчас принесу.

Он поспешил наверх.

— Может, напомните, чтобы он запер дверь? — поинтересовался Рэмбо.

— Нет надобности.

Тисл прислушивался к звяканью отпираемой двери. Потом стало слышно, как Голт ее запер.

— Начинай с сапог.

Интересно, чего он ждет? Парень снял куртку.

— Ну вот, опять за старое. Я же велел начать с сапог.

— Пол мокрый.

— А я тебе сказал войти туда.

— Я войду туда не раньше, чем это будет необходимо. — Рэмбо сложил куртку, покосился на лужицы воды на полу и положил куртку на ступеньках. Сапоги он поставил рядом, снял джинсы, сложил их и аккуратно пристроил поверх куртки.

— Что это у тебя за шрам над левым коленом? — спросил Тисл. — Что с тобой случилось?

Рэмбо молчал.

— Похоже на пулевое ранение, — не унимался Тисл. — Где ты его получил?

— У меня носки промокли на этом полу.

— Тогда сними их.

Тислу пришлось отойти в сторону, чтобы в него не попали летящие носки.

— Теперь снимай свитер.

— Зачем? Только не говорите, что все еще ищите мои документы.

— Я произвожу тщательный обыск, чтоб убедиться в том, что ты ничего не спрятал под мышками.

— Что? Наркотики, что ли?

— Кто знает? Все может быть.

— Ну, только не я. Я давно с этим завязал. Черт возьми, это же противозаконно.

— Очень смешно. Снимай свитер.

В порядке исключения парень сделал то, что ему было

сказано. Как можно медленнее, разумеется. У него на груди было три прямых шрама.

— А это откуда? — удивился Тисл. — Ножевые ранения. Чем ты вообще занимался?

Парень щурился на лампы у потолка и молчал. Посреди груди у него был большой треугольник черных волос. Два из трех шрамов пересекали его наискосок.

— Подними руки и повернись, — велел Тисл.

— Это не обязательно.

— Если бы существовал более быстрый способ тебя обыскать, я бы его нашел. Повернись.

На спине у парня был небольшой, но глубокий шрам.

— Чем тебя протыкали?

Штыком, подумал Рэмбо, штыком.

— Ладно, теперь опусти трусы.

Парень повернулся и измерил Тисла долгим взглядом.

— Спокойно. Я должен проверить, нет ли у тебя скрытого оружия. Мало ли что...

Рэмбо медленно приспустил трусы. Голт отпер верхнюю дверь и вошел.

— О'кей, ты чистый, — сказал Тисл.

Тисл слушал, как Голт запирает дверь, потом по цементу зашаркали его шаги. Он нес выцветший хлопчатобумажный комбинезон, тонкий матрас, прорезиненную простыню и серое одеяло.

Голт прошел в камеру. Парень последовал было за ним, шлепая по лужам босыми ногами.

— Не спеши, — остановил его Тисл.

— Ну, решайте наконец. Сначала вы хотели, чтобы я вошел в камеру. Теперь вы этого не хотите. Как мне быть?

— Прежде всего ты должен пройти вон туда, в душ. Помойся очень тщательно. И хорошенько промой волосы. Я не хочу прикасаться к грязным.

— То есть как это — прикасаться?

— Я должен их обстричь.

— Этого еще не хватало. У вас ничего не выйдет. Я попросту не подпущу вас к себе ни с какими ножницами, ясно?

— Это обязательная процедура. Через нее проходят все от автомобильных воров до пьяных, их обыскивают, как тебя, ставят под душ и обрезают волосы, если они у них длинные. Мы даем тебе чистый матрас и хотим получить его обратно тоже чистым, а не полным клещей и блох — ведь ты спал где попало, в лесу, в сараях и еще черт знает где.

— Волосы обрезать не дам.

— Если ты меня снова разозлишь, я устрою тебе еще тридцать пять суток отсидки. Ты сам очень хотел сюда сесть и теперь получишь все, что получают другие. Может,

успокоишься и перестанешь усложнять жизнь нам обоим? Голт, принеси ножницы, крем для бритья и бритву.

— Я согласусь только на душ, — сказал парень.

— Вот и хорошо. Не все сразу.

Парень медленно пошел к душе, а Тисл взглянул на часы. Около шести — вероятно, скоро полиция штата сообщит ему что-нибудь об этом парне.

Глава 10

Ему не хотелось туда возвращаться, и он сколько мог оттягивал эту минуту. Он знал, что ни за что не вынесет, если Тисл начнет обрезать ему волосы. Выглянув из душа, он увидел Голта — тот держал в руках ножницы, крем для бритья и опасную бритву. Внутри у него все сжалось в тугую комок. Он в ужасе следил за Тислом, который показал на стол и стул рядом с лестницей, сказал что-то Голту — что именно, он не расслышал из-за шума воды. Голт поставил стул перед столом, вытащил из стола несколько газет и разложил их под стулом. На все это у него ушло совсем немного времени. Тисл подошел к Рэмбо, громко стуча ногами.

— Закрой кран, — велел он.

Рэмбо притворился, что не слышит.

Тисл подошел еще ближе.

— Закрой кран, — повторил он.

Рэмбо продолжал мыть руки и грудь. Ему дали огромный желтый кусок мыла, сильно пахнущий дезинфектантом. Потом он начал намыливать ноги — он намыливал их уже в третий раз. Тисл кивнул и отошел налево, где, наверное, был общий вентиль, потому что через секунду вода кончилась. Рэмбо замер, с него капала вода — и тут опять появился Тисл и протянул ему полотенце.

— Оттягивать нет смысла, — заметил Тисл. — Только протудишься, и все.

У Рэмбо не было выбора. Он медленно вышел из-под душа, зная, что если не выйдет, Тисл вытащит его оттуда, а он не хотел, чтобы к нему кто-то прикасался. Он несколько раз вытер себя полотенцем.

— Еще немного, и полотенце все пойдет дырками, — усмехнулся Тисл.

Рэмбо продолжал вытирать себя полотенцем. Тисл попытался подтолкнуть его к стулу, но Рэмбо уклонился. Он пятился к стулу, держась лицом к Тислу и Голту. С этой минуты события развивались в стремительной последовательности.

Вначале Тисл коснулся ножницами его головы сбоку и выстриг клочок волос. Рэмбо постарался сдержаться, но все же дернулся.

— Сиди смирно, — сказал Тисл. — А то пораню нечаянно.

Затем Тисл отстриг большой клоч волос, и открывавшемуся левому уху стало холодно в сыром воздухе подвала.

— У тебя тут больше, чем я думал, — сказал Тисл, стряхивая волосы на газету. — Скоро твоей голове станет легче. — Газета впитывала воду и становилась серой.

Потом Тисл отстриг еще, и Рэмбо снова дернулся. Тисл отступил за его спину, и Рэмбо напрягся: ему не было видно, что делается сзади. Он повернул голову, а Тисл надавил на нее сбоку, возвращая на прежнее место. Рэмбо высвободил голову резким движением.

Тисл снова щелкнул ножницами, и Рэмбо снова дернулся, его волосы запутались в шарнире ножниц, причинив ему боль. Все, хватит. Он вскочил со стула и резко повернулся к Тислу.

— Хватит.

— Садись.

— Я больше не позволю вам себя стричь. Если это так необходимо, позовите парикмахера.

— Сейчас уже вечер, и парикмахерские не работают. А униформу я тебе не дам, пока не обрежешь волосы.

— Тогда я обойдусь без нее.

— Ты сейчас сядешь на этот стул. Голт, приведи Шинглтона. Я долго шел у него на поводу. Мы быстро приведем его в божеский вид, хотя у нас и нет ножниц для стрижки овец.

Казалось, Голт был бы рад уйти. Рэмбо слушал, как он отпирает дверь наверху. Теперь все происходило куда быстрее. Рэмбо никому не хотел причинять вреда, чувствовал, как его гнев растет и выходит из-под контроля. В следующую минуту он увидел, как вниз по лестнице бежит мужчина, а на полпролета сзади него Голт. Это был тот, кто сидел у передатчика в большой комнате, Шинглтон. Сейчас он казался огромным и чуть не касался головой ламп на потолке. Он смотрел на Рэмбо, и тот почувствовал себя еще более голым.

— Неприятности? — спросил Шинглтон у Тисла. — Я понял, что у вас неприятности.

— Нет, но неприятности у него, — ответил Тисл. — Ты и Голт посадите его на стул.

Шинглтон подошел к Рэмбо. Голт, поколебавшись, последовал за ним.

— Я человек покладистый, — сказал Голт Рэмбо. — Даю тебе выбор: сам пойдешь или тебя отнесут?

— Думаю, вам лучше меня не трогать. — Рэмбо был полон решимости сохранить над собой контроль. Пять минут — и все останется позади.

Он направился к стулу. Позади него Шинглтон сказал:

— Какой-то у тебя шрам на спине странный. Где ты его получил?

— На войне. — Напрасно он ответил на этот вопрос.

— О, конечно. Я не сомневаюсь. В какой армии?

В это мгновение Рэмбо готов был его убить.

Но Тисл опять занялся его волосами и тем самым отвлек от себя внимание. Длинные лохмы волос валялись на серой мокрой газете, прилипали к голым ногам Рэмбо. Обрезая бороду, Тисл поднес ножницы слишком близко к правому глазу, и Рэмбо инстинктивно отклонил голову влево.

— Сиди тихо, — велел Тисл. — Шинглтон и Голт, поддержите его.

Шинглтон коснулся его головы, и Рэмбо ее резко отвел. Тисл хватил ножницами по бороде и уколол ему щеку.

— Иисусе! — Рэмбо шевельнул плечами. Эти люди были слишком близко. Они теснили его со всех сторон, и ему хотелось кричать.

— Это может продолжаться всю ночь, — сказал Тисл. — Голт, подай со стола бритву и крем.

Рэмбо снова шевельнул плечами.

— Брить я не дамся. С бритвой не подпущу никого.

Голт уже протягивал Тислу бритву. Рэмбо видел, как блестит длинное острое лезвие, — так блестит оружие, и это был конец. Он потерял контроль, схватил бритву и встал, оттолкнув их. Он не хотел на них нападать. Только не в полицейском участке, черт возьми. Он хотел всего лишь отнять у них бритву. Побелевший от страха Голт смотрел на бритву и уже схватился за кобуру, пытаясь достать револьвер.

— Нет, Голт! — крикнул Тисл. — Не стрелять!

Но Голт уже вытащил револьвер. Похоже, он совсем недавно на этой работе, сам не верит в то, что в его дрожащей руке револьвер, на спусковой крючок которого он вот-вот нажмет. Увидев это, Рэмбо полоснул Голта по животу бритвой. Голт непонимающе уставился на глубокий разрез, кровь быстро пропитала рубашку и уже стекала по брюкам, внутренности выпирали, словно автомобильная камера в разрез покрышки. Он попытался зафиксировать внутренности обратно, но они не поддавались. Голт с легким стоном завалился на стул, свалив его своей тяжестью.

Рэмбо уже бежал вверх по лестнице. Он взглянул на Тисла и Шинглтона — один стоял возле входа в камеру, другой у стены — и понял, что они слишком далеко друг от друга и он не успеет зарезать обоих: кто-то наверняка опередит его выстрелом. Когда он был на площадке посредине лестницы, сзади раздался выстрел. Пуля шмякнулась в цемент.

Верхняя половина лестницы располагалась под углом к нижней, и он теперь оказался вне поля зрения полицей-

ских, выше их голов. Впереди был главный холл. Он слышал позади крики, потом топот бегущих ног на нижней половине лестницы. Дверь. Он забыл про дверь, Тисл напомнил Голту, что ее всегда нужно запирать. Рэмбо бежал, молясь в мыслях, чтобы Голт забыл запереть эту дверь, когда спешил назад с Шинглтоном.

— Стой! — услышал он позади, потом щелкнул курок. Он резко повернул ручку — и дверь открылась! Пригнув голову, он заворачивал за угол, когда в стену напротив впились две пули. Он толкнул на ходу малярные козлы, и на пол повалились доски, кисти, банки с краской.

— Что происходит? — услышал он за спиной и обернулся. Совсем близко стоял полицейский, смотрел в удивлении на голого Рэмбо и уже тянулся к кобуре. Четыре стремительных шага, и Рэмбо ударил полицейского ребром ладони в переносицу, и когда тот начал падать, подхватил его револьвер. Кто-то уже пробирался через разбросанный на полу хлам, и Рэмбо дважды выстрелил. Услышав вскрик Тисла, он подумал, что его преследователи теперь наверняка замешкаются и он успеет добраться до передней двери.

И он успел, по пути еще раз выстрелив в преследователей, — и очутился совсем голый под яркими косыми лучами вечернего солнца. Закричала старуха на тротуаре, мужчина в машине притормозил и разинул рот. Рэмбо бросился вниз по ступенькам. Проскочил мимо кричащей старухи, подбежал к мужчине в рабочей одежде, проезжавшему мимо на мотоцикле. Мужчина сделал ошибку, замедлив ход, чтобы посмотреть, в чем дело. Когда он собрался дать газу, Рэмбо схватил его и сбросил с мотоцикла. Мужчина с грохотом стукнулся о мостовую головой в желтом шлеме. Рэмбо вскочил в седло, обжигаясь о его нагретую на солнце кожу, и мотоцикл с ревом понесся по улице. Рэмбо еще успел выпустить в Тисла, который как раз выскочил на крыльцо, последние три пули.

Он вел мотоцикл зигзагом, чтобы Тисл не смог в него прицелиться. На углу стояли люди, и Рэмбо надеялся, что Тисл не станет стрелять из боязни попасть в них. Он слышал позади себя крики, кто-то кричал впереди. На мостовую выбежал какой-то мужчина и попытался его задержать, но Рэмбо пнул его ногой и завернул налево. Дорога впереди была пустая, и он выжимал из мотоцикла все, что можно.

Глава 11

Шесть выстрелов, сосчитал Тисл. Теперь револьвер у парня пуст. Он бежал на улицу и, щурясь от солнца, успел увидеть, как парень исчезает за углом. Шинглтон целился из револьвера. Тисл резко пригнул его руку.

— Иисусе, ты видишь, сколько народу?

— Я мог в него попасть!

— И не только в него! — Он быстро вернулся в участок, мысленно отметив три пулевые дыры в двери. — Скорее сюда! Посмотри, что с Голтом и Престоном! Вызови врача! — Сам он уже бежал к радио.

Хлопнула входная дверь — появился Шинглтон; Тисл включил передатчик и быстро заговорил в микрофон. У него дрожали руки, в животе, казалось, переливается горячая вода!

— Уорд! Где ты, черт побери, Уорд! — кричал он в микрофон. Наконец Уорд ответил, и Тисл быстро рассказал о случившемся, обрисовал тактику. — Он знает, что по Центральной дороге можно выехать из города! Сейчас он едет на запад! Перехвати его!

В комнату влетел Шинглтон.

— Голт мертв. Господи, да у него кишки наружу вылезли, — запинаясь, пробормотал он и сглотнул, стараясь перевести дыхание. — Престон жив. Не знаю, сколько протянет. У него течет из глаз кровь!

— Возьми себя в руки! Вызови по телефону «Скорую помощь»! Врача! — Тисл что-то переключил в передатчике. У него все еще дрожали руки. В животе происходит черт знает что. — Полиция штата! — крикнул он в микрофон. — Мэдисон вызывает полицию штата. Срочно. — Ответа не было. Он повторил громче.

— Я не глухой, Мэдисон, — слышался мужской голос. — Что там у вас?

— Побег арестованного. Один полицейский убит. — Тисл быстро рассказал суть дела, жалея время, которое ушло на это. Потребовал перекрыть дороги.

Шинглтон положил трубку телефона.

— «Скорая помощь» уже едет, — доложил он.

— Разыщи по телефону Орвала Келлермана. — Тисл снова переключил передатчик, вызвал другую патрульную машину.

— Келлерман вышел. Я говорю с его женой. Она не хочет за ним идти, — доложил Шинглтон.

Тисл взял трубку.

— Миссис Келлерман, это Уилфред. Мне срочно нужен Орвал.

— Уилфред? — Голос у нее был тонкий и ломкий. — Какой сюрприз, Уилфред. Ты так давно не давал о себе знать. — Ну почему она говорит так медленно?

Он был вынужден ее прервать:

— Миссис Келлерман, я должен поговорить с Орвалом. Это очень важно.

— Ох, мне ужасно жаль. Он поблизости, занимается своими собаками, а ты знаешь, что я не могу его беспокоить, когда он занимается с собаками.

— Вы должны пригласить его к телефону. Пожалуйста. Поверьте мне, это важно.

Она молчала, и он слышал ее дыхание.

— Хорошо, я ему скажу, но не обещаю, что он подойдет. Ты же знаешь, какой он, когда занимается собаками.

Тисл услышал, как она положила трубку рядом с аппаратом, и быстро зажег сигарету. За те пятнадцать лет, что он служил полицейским, он еще ни разу не упускал арестованного, и у него не убивали напарника. Он бы с удовольствием разможил этому парню голову о стену.

— Почему он это сделал? — спросил Тисл у Шинглтона. — Дикость какая-то. Забрел в город неизвестно зачем и за какой-то час из бродяги стал убийцей. Эй, ты в порядке? Совсем белый. Сядь и опусти голову между колен.

— Я никогда не видел, как режут человека. Голт. Черт возьми, я с ним сегодня вместе обедал.

— Дело не в том, сколько раз это видишь. В Коре я раз пятьдесят видел, как людей вспарывали штыком, и каждый раз меня выворачивало.

Трубку на том конце снова подняли. Хорошо, если бы это оказался Орвал.

— Ну, в чем дело, Уилл? Надеюсь, ты побеспокоил меня не из-за пустяка.

Слава Богу, это он. Орвал был лучшим другом его отца, и они часто ходили вдвоем охотиться. Потом, когда отец Тисла погиб, Орвал стал для него вторым отцом. Он давно ушел на пенсию, но был в лучшей форме, чем мужчины вполжизни его моложе, к тому же у него была самая обученная свора гончих в округе.

— Орвал, у нас только что сбежал арестованный. Мне некогда объяснять все в подробностях, но мы сейчас разыскиваем этого парня. Я не думаю, что он задержится на дороге. Уверен, что парень пойдет в горы, а потому надеюсь, что вам захочется проветрить ваших собак.

Глава 12

Рэмбо с ревом несся на мотоцикле по Центральной дороге. Ветер резал ему лицо и грудь, глаза слезились, и он боялся, что придется сбавить скорость, — ему было плохо видно, что делается впереди. Машины резко тормозили, водители глазели на него, голого на мотоцикле. Люди оборачивались и показывали на него пальцами. Далеко позади завывала сирена. Он выжал из мотоцикла все, что мог, проскочил на красный свет, едва не столкнувшись с бензовозом. Вторая сирена послышалась где-то слева. Мотоциклу никогда не уйти от полицейских машин. Зато он способен пробраться туда, куда нет дороги для полицейских машин: в горы.

Вырнувшись в ложбину, дорога стала подниматься на холм. Сзади подгоняли сирены, и Рэмбо взлетел на вершину холма так стремительно, что мотоцикл чуть было не опрокинулся.

Миновав щит с надписью «ВЫ ПОКИДАЕТЕ МЭДИСОН», Рэмбо свернул на грунтовую дорогу и теперь был вынужден ограничиться пятьюдесятью мпами в час. Сирены быстро нагоняли. Если он останется на этой грунтовой дороге, то его настигнут до того, как он доберется до гор. Нужно свернуть куда-то, куда они не смогут проехать. Он взял влево и выехал через распахнутые ворота на узкую дорожку для телег с глубокой желтой колеей.

Впереди была прочная деревянная изгородь. Он приближался к ней, морщась от вопля сирен и разглядывая скот. Около сотни голов. Коровы были на поле впереди Рэмбо и понемножку выходили через открытые ворота на лесистый склон. Рев мотоцикла заставил их перейти на галоп. Это были упитанные коричневые коровы джерсейской породы, они протискивались в ворота по три в ряд и неслись вверх по склону. Он миновал ворота вместе с последними коровами и тоже помчался вверх по склону. Подъем был крутой, и пришлось наклониться вперед, чтобы не опрокинуться. Наконец подъем кончился. Он перескочил через ручей, чуть не свалившись на другом берегу. Горы были уже совсем близко, и он, с трудом удержав равновесие, выжал максимальную скорость. Впереди были редкие деревья, дальше чаща, камни, кустарники. Наконец он увидел то, что искал — лощину между двумя каменистыми грядками, — и повернул туда. Сирены звучали все тише.

Это означало, что машины остановились. Полицейские выскочили из них и теперь целятся в него. Выстрел, пуля свистнула рядом с головой. Еще один выстрел, но свиста пули он не слышал. Замелькали деревья, и он скрылся из виду. В тридцати футах впереди дорогу преграждал завал из камней и упавших деревьев, он соскочил с мотоцикла — тот напоролся на камень — и стал карабкаться по густо заросшему склону. Острые ветки больно кололи голое тело. Скоро за ним кинутся полицейские. Много полицейских. Очень скоро. Но он к тому времени успеет подняться высоко в горы. Направится в Мексику. Обоснуется в маленьком мексиканском городишке на побережье и каждый день будет купаться в море. Но лучше ему не видеть больше этого сукина сына Тисла — он пообещал себе, что не будет трогать людей, а этот сукин сын вынудил его убить еще раз. Если Тисл не отступится, Рэмбо устроит ему бой. Тисл еще пожалеет, что заварил эту кашу.

ЧАСТЬ II

Глава 1

У Тисла было мало времени, ибо он хотел собрать и отправить в лес своих людей до появления полиции штата. Он свернул машину

с дороги на траву и проехал по следам двух машин и мотоцикла к открытым воротам в деревянной изгороди в конце поля. Сидевший рядом с ним Шинглтон упирался руками в приборный щиток, чтобы не разбить голову о стекло, — рывины были такие глубокие, что машина с трудом их преодолевала.

— Ворота слишком узкие, — предупредил Тисла Шинглтон. — Вы не проедете в них.

— Другие проехали.

Он резко затормозил перед самыми воротами, оставив не больше дюйма со своей стороны, медленно проехал в них, потом прибавил газу и стал подниматься по склону, где на четверть пути к вершине стояли две полицейские машины. Судя по всему, у них заглохли двигатели. Когда он к ним подъехал, его мотор тоже начал чихать. Он включил первую передачу и утопил педаль акселератора — задние колеса вгрызлись в землю, и машину рывком вынесло на вершину.

Там ждал Уорд, весь красный в лучах заката. Он оказался возле машины еще до того, как Тисл ее остановил.

— Вон туда, — Уорд указал на лощину. — Осторожно, ручей, Лестер уже упал.

У ручья стрекотали кузнечики. Выйдя из машины, Тисл услышал шум мотора, приближающийся со стороны проселочной дороги. Он резко повернул голову, надеясь, что это еще не полиция штата.

— Орвал.

Старый фургончик «фольксваген», тоже красный в лучах заката, переваливался с ухаба на ухаб, потом остановился, заведомо зная о своей неспособности преодолеть подъем. Из него вышел Орвал, высокий и худой полицейский. Тисл решил, что собак в фургончике нет — он не слышал их лая. Правда, он знал, что у Орвала собаки дрессированы очень хорошо и без необходимости никогда не лают.

Орвал и полицейский быстро поднимались по склону. Полицейскому было двадцать шесть лет — самый молодой у Тисла. Орвал легко работал своими длинными ногами и без труда оставил его далеко позади. Его лысина, обрамленная по бокам белыми волосами, блестела под солнцем. Он был в очках, в зеленой пейлоновой куртке, зеленых хлопчатобумажных брюках и полевых сапогах со шнуровкой.

Полиция штата, снова подумал Тисл и посмотрел вниз, дабы убедиться, что их еще нет. Потом перевел взгляд на приближающегося Орвала. Теперь были видны глубокие морщины на его лице и дряблая кожа шеи; Тисл ужаснулся тому, как постарел Орвал за те три месяца, которые он его не видел. Но если судить по движениям, то Орвал

несколько не постарел. На холм он поднялся почти без одышки, намного раньше молодого полицейского.

— Собаки, — крикнул ему Тисл. — Вы привезли собак?

— Конечно, только к чему такая спешка? Посмотри на солнце. Через час стемнеет.

— Можно подумать, я не знаю.

— Я думаю, ты знаешь, — спокойно ответил Орвал. — Не собирался тебя учить.

Тисл пожалел, что раскрыл рот. Сейчас никак нельзя ссориться со стариком. Слишком серьезная ситуация. Орвал всегда обращался с ним так, будто ему все еще тринадцать лет, поучал его на каждом шагу — совсем как раньше, когда Тисл мальчишкой жил в его доме.

Тисл сделал усилие и выдавил из себя улыбку.

— Ну, Орвал, не обращайтесь на меня внимания, просто я нервничаю. Рад вас видеть. — Он протянул ему руку. Тисл искренне любил этого человека, хоть он и часто его раздражал, и сейчас ему больно было смотреть на новые морщины, седые волосы, ставшие тонкими и легкими, как паутинки.

Их рукопожатие было неловким. Тисл намеренно не встречался с Орвалом три месяца — после того, как в ярости покинул его дом. А спор вышел из-за пустяка: как пристегивать кобуру, рукояткой вперед или назад. С тех пор он к Орвалу не ходил, хотя и понимал, что все дело не стоит выведенного яйца.

— Так что с парнем? — спросил Орвал. У него был глубокий, звучный голос. — Куда он направился?

— Вот, смотрите, — сказал Уорд и повел обоих через ручей, по камням и вверх по лощине. Под деревьями было сумрачно и прохладно. Мотоцикл лежал на опавших листьях. Кузнечики уже не пели.

Орвал кивнул на завал из камней и вывернутых с корнем деревьев, на кустарник по обе стороны.

— Да, видно, что он карабкался справа, — вон там.

Его голос словно послужил сигналом. Наверху в кустах что-то громко зашуршало, и Тисл на всякий случай отступил назад и выхватил пистолет.

— Никого нет, — сверху посыпались камешки и земля — это был Лестер, с трудом удерживавший равновесие при спуске. Он насквозь промок, упав в ручей. При виде Тисла с пистолетом он выкатил свои и без того выпученные глаза. — Эй, эй, это я. Хотел проверить, нет ли парня поблизости.

Орвал задумчиво почесал подбородок.

— Напрасно вы это сделали. По всей вероятности, вы пербили запах. Уилл, у тебя есть что-нибудь от парня, чтобы дать понюхать собакам?

— В багажнике. Одежда, сапоги.

— Тогда нам требуется пища и хороший ночной отдых. А на рассвете пойдем за ним.

— Нет. Сегодня.

— Как это?

— Мы пойдем за ним сейчас.

— Я только что сказал, что через час станет темно. Луны этой ночью не будет. Нас много, мы потеряем друг друга в темноте.

Тисл так и думал, что Орвал захочет отложить погоню до утра. Что ж, вполне резонно. Однако к черту резон: он не может так долго ждать.

— Будет луна или нет, мы должны идти за ним сейчас, — сказал Тисл Орвалу. — Парень уже вышел за пределы нашей юрисдикции и за пределы города, и если мы хотим оставить его себе, то должны продолжить преследование. Если будем ждать до утра, то придется передать все это дело полиции штата.

— Вот и передай. В любом случае это грязная работа.

— Нет.

— Ну какая тебе разница? Стоит хозяину этой земли пожаловаться по телефону, что по его полям разъезжают машины, — и полиция штата будет здесь. Так или иначе, придется им все передать.

— Не придется, если я уйду в лес еще до их появления.

Орвал покачал головой:

— Извини, Уилл, но я должен тебя разочаровать. Я бы для тебя многое сделал — но эти горы труднопроходимы даже днем, и я не поведу туда собак ночью из-за твоей прихоти командовать парадом.

— Вы не совсем правильно меня поняли. Я прошу только, чтобы вы с собаками вошли в лес, а как только решите, что уже слишком темно, мы сделаем привал до утра. Мне нужно, чтобы формально считалось, что я преследую беглого преступника. Ну же, нам ведь с вами уже доводилось ночевать в лесу. Будет совсем как раньше, когда еще был жив отец.

Орвал вздохнул и оглядел лес. Стало темнее, прохладнее.

— Неужели ты не понимаешь, как все это глупо? У нас нет снаряжения, чтобы охотиться за ним. Ни винтовок, ни пищи, ни...

— Шинглтон может остаться и организовать все, что нам нужно. Мы дадим ему одну из ваших собак, чтобы утром он смог прийти по нашему следу. Шинглтон приведет еще четверых из моих полицейских. У меня есть друг в аэропорту округа, он говорит, что может одолжить нам свой вертолет — перебросит нас куда-нибудь, а потом полетит на разведку. А вы вот упрямитесь. Я спрашиваю вас: можете?

Орвал опустил глаза и стал водить кончиком сапога по земле.

— У меня мало времени, Орвал. Если я смогу быстро углубиться в лес, полиции штата придется оставить руководство операцией за мной. Они будут страховать меня, поставят машины, чтобы понаблюдать за дорогами, предоставив нам ловить его в горах. Но я серьезно говорю: без ваших собак у меня нет ни единого шанса.

Орвал поднял глаза и полез в карман за кисетом и папиросной бумагой. Он обдумывал услышанное, и Тисл знал, что его нельзя торопить. Наконец он сказал:

— Может быть, я соглашусь, если буду знать, что этот парень тебе сделал, Уилл?

— Он разрезал одного из моих людей чуть ли не пополам, а второй после его удара может ослепнуть,

— Ясно, Уилл. Но ты мне так и не ответил. Что этот парень сделал тебе?

Глава 2

Местность была гористая, дикая, густо поросшая лесом, рассеченная ущельями и лощинами, испещренная впадинами. Совсем как холмы Северной Каролины, где он проходил военную подготовку. И очень напоминает холмы, в которых он воевал. Рэмбо бежал изо всех сил, пользуясь последним светом утасяющего дня, все вверх и вверх, выше в горы. Его голое тело покрылось разводами крови от поцарапавших его веток, босые ноги разбиты о камни.

Увидев пологий болотистый участок, он свернул в ту сторону, зная, что выйдет на ручей. И действительно, скоро показался питавший это болотце ручей. Рэмбо направился вдоль него по мягкой почве, но уже не бежал, а шел. По собственным подсчетам он проделал пять миль, и это расстояние его утомило: он был еще не в такой форме, как перед пленом, еще не пришел в себя после проведенных в госпитале недель. Тем не менее помнил все, чему его учили, а его учили выживать в любых условиях, и хотя дальше бежать ему было бы труднозато, эти пять миль он пробежал прекрасно.

Ручей извивался и изгибался, и Рэмбо следовал за его руслом. Он знал, что скоро за ним будут идти собаки, но он даже не стал заходить в ручей, чтобы попытаться сбить их со следа. Это бы замедлило его продвижение, а поскольку рано или поздно ему все же придется выйти из воды, человек, ведущий собак, просто разделит свою свору и пустит по обоим берегам ручья.

Стемнело быстрее, чем он ожидал. Стояла тишина, нарушаемая лишь журчанием воды и пением ночных птиц, и он решил криками привлечь к себе внимание. Крикнул несколько фраз по-вьетнамски, потом по-французски, который учил в школе, потом громко заговорил на английском с южным акцентом, западным, негритянским... Наконец выпустил залп

самых жутких ругательств... Люди, которых он ищет, наверняка заинтересуются, кто кричит что-то непонятное и ругается...

Ручей нырнул в небольшую ложбинку сбоку склона. Там никого не было. Он продолжал время от времени выкрикивать какие-то фразы. Если в самое ближайшее время он никого не встретит, то окажется возле вершины холма, у самого истока ручья, и таким образом потеряет ориентир. Так и случилось. Он подошел к роднику, из которого брал начало ручей.

Ну ладно. Он опять прокричал что-то на вьетнамском — и пошел дальше. Когда он оказался в тридцати футах от источника, разом включились два фонаря, справа и слева. Он замер как вкопанный.

При любых других обстоятельствах он бы вышел из-под фонарей стремительным прыжком и уполз в кусты. Ходить ночью по этим холмам значило рисковать жизнью — скольких непрошенных визитеров здесь уже застрелили и оставили на съедение почным животным.

Свет одного фонаря бил ему прямо в лицо, другого — освещал голое тело. Он по-прежнему не двигался, стоял, подняв голову, и смотрел куда-то в сторону, смотрел очень спокойно, будто гуляет тут каждую ночь.

— Ну-ка, бросай револьвер и бритву, — хрипло проговорил старик справа.

Рэмбо облегченно вздохнул: они его не убьют, во всяком случае не сразу, ибо он разбудил в них любопытство. И все же есть риск в том, что он держит в руках револьвер и бритву, — эти люди могут решить, что он представляет опасность, и застрелить его. Но он не мог ходить по лесу без оружия.

— Да, сэр, — ровно сказал Рэмбо и выронил револьвер и бритву. — Не беспокойтесь. Револьвер не заряжен.

— Так я тебе и поверил.

Если справа старик, подумал Рэмбо, то слева должен быть молодой. Вероятно, отец с сыном. Или дядя с племянником. Так всегда бывает: старики командуют, молодежь делает работу. Рэмбо чувствовал, что эти двое с фонарями его оценивают. Старик молчал, Рэмбо тоже не собирался ничего говорить, пока его не спросят.

— Па, пусть он скажет, чего голый-то ходит, — произнес тот, что слева. Судя по голосу, он был намного моложе, чем ожидал Рэмбо.

— Заткнись, — приказал старик. — Я ведь предупреждал, чтоб ни звука.

Рэмбо услышал, что старик взводит курок.

— Подождите, — быстро проговорил Рэмбо. — Я один. Мне нужна помощь. Не стреляйте, пока не выслушаете меня.

Старик молчал.

— Это правда. Я ни на кого не собираюсь нападать, хотя и знаю, что один из вас мальчик.

Он действовал интуитивно. Конечно, старик в конце концов может выстрелить. Голый и окровавленный, Рэмбо, несомненно, казался ему опасным.

— Я скрываюсь от полиции. Они забрали мою одежду. Я убил одного из них. А кричал для того, чтобы кто-нибудь услышал и пришел мне на помощь.

— Да, помощь тебе нужна, это верно, — сказал старик. — Только — чья?

— Они пошлют за мной собак. Они найдут вашу самогонную установку, если мы им вместе не помешаем.

Момент был критический. Если они его убьют, то немедленно.

— Самогонную установку? — переспросил старик. — А почему ты думаешь, что она тут есть?

— Что еще могло привести вас ночью к ручью? Она у вас чертовски хорошо спрятана. Даже не видно пламени от очага.

— Ты думаешь, если бы я знал, что тут есть самогонная установка, то стал бы прохлаждаться с тобой вместо того, чтобы идти к ней? Черт возьми, я охочусь на енотов.

— Без собак? К чему тратить время на эти разговоры? Нужно успеть все сделать до того, как завтра появятся собаки.

Старик вполголоса выругался.

— Да, вы в сложном положении, — сказал Рэмбо. — Мне очень жаль, что в этом виноват я, но у меня не было другого выхода. Мне нужна пища, одежда и винтовка, и я вас не отпущу, пока не получу все это.

— Давай его застрелим, па, — сказал мальчишка слева. — Он хочет нас обдурить.

Старик не ответил, Рэмбо тоже молчал. Он давал старику время подумать. Если он будет наседать, старику может показаться, что его загнали в угол, и он выстрелит.

Рэмбо услышал, как мальчишка взводит курок.

— Опусти ружье, Мэтью, — сказал старик.

— Но он что-то задумал. Разве ты не видишь? Наверное, его прислали федеральные власти.

— Я тебе уши оборву, если ты не опустишь ружье. — Старик хихикнул. — Федеральные власти. Чепуха. Посмотри на него — где бы он мог спрятать свою бляху?

— Слушай своего папашу, — сказал Рэмбо. — Он все правильно понял. Если вы меня убьете, полицейские, которые найдут меня утром, поинтересуются, кто это сделал. И пошлют собак по вашему следу. Где бы вы меня ни закопали, они...

Он помолчал, предоставив им возможность обдумать его слова.

— Если вы не дадите мне пищу, одежду и винтовку, я

отсюда не уйду, пока не отыщу вашу самогонную установку, а утром по моему следу придет полиция.

Помолчав несколько секунд, старик снова выругался.

— А если вы мне поможете и дадите все необходимое, я сразу уйду подальше, и полиция не найдет ваш тайник.

Становилось все холоднее, и Рэмбо уже не мог сдерживать дрожь.

Наконец старик заговорил:

— Мэтью. Наверное, тебе лучше сбежать домой и принести то, что он просит. — Голос у него был не очень-то довольный.

— И еще принеси канистру керосина, — сказал Рэмбо. — Раз уж вы мне помогаете, я позабочусь, чтобы вы не пострадали. Я смочу одежду керосином и высушу, прежде чем одеть. Керосин не мешает собакам отслеживать меня, но мешает уловить ваш запах и пойти по вашему следу.

Мальчик продолжал светить в Рэмбо фонарем, его рука не дрогнула.

— Я сделаю, как говорит па, а ты мне не указывай.

— Ладно, можешь делать, как он сказал, — неохотно проговорил старик. — Мне он тоже не нравится, но он хотя бы понимает, во что нас втравил.

Мальчик продолжал светить в Рэмбо, как будто раздумывал, подчиниться или нет, а может, просто из упрямства. Потом луч переместился с Рэмбо на кусты и погас. Рэмбо услышал, как мальчишка с шумом пробирается сквозь заросли.

— Спасибо, — сказал Рэмбо старику, чей фонарь продолжал светить ему в лицо. Фонарь погас. — И за это спасибо, — сказал Рэмбо, у которого от яркого света уже начали болеть глаза.

— Берегу батарейки.

Рэмбо слышал, как он сделал несколько шагов в его сторону.

— Лучше не подходите близко. Нельзя смешивать ваш запах с моим.

— Я и не собирался. Здесь бревно. Я хочу сесть.

Старик зажег спичку и поднес ее к трубке. Рэмбо успел разглядеть копну спутанных волос, обветренное лицо и верхнюю часть рубашки в красную клетку.

Оба молча ждали.

Глава 3

Тисла разбудило пение утренних птиц.

Он лежал в темноте у костра, завернувшись в одеяло и глядя на поздние звезды над верхушками деревьев. Будить остальных не было смысла — еще не пришел Шинглтон с припасами и людьми. Тисла плотнее обернул вокруг себя одеяло.

Его внимание привлек новый запах. Он огляделся по сто-

ропам и увидел Орвала, который сидел в стороне и курил самодельную сигарету.

— Я не знал, что вы проснулись, — прошептал Тисл, не желая беспокоить остальных. — Давно?

— Раньше тебя.

— Но я не сплю уже целый час.

— Знаю. Сам-то я теперь сплю мало. Не потому, что не могу. Времени жаль.

Подхватив одеяло, Тисл перебрался к Орвалу и прикурил сигарету от горящей ветки у костра.

— Ну и все-таки, что тебе сделал этот парень? — помолчав, спросил Орвал. — Почему для тебя так важно его поймать?

Тислу очень не хотелось отвечать.

— Ну... вы же знаете мою работу. В городе спокойно, пока я контролирую всякие мелочи. Что касается ограбления или убийства, то этого не предотвратишь. Если кто-то очень хочет это сделать, он сделает. Но именно мелочи позволяют оставаться городу таким, каков он есть, поэтому за мелочами необходимо следить. Если бы я улыбался и спустил все это парню с рук, я и другим парням мог бы что-нибудь спустить, а потом перестал бы обращать внимание и на более серьезные вещи. Я беспокоился об этом парне как о себе. Я не могу себе позволить расслабиться. Нельзя поддерживать порядок в одном случае и все пускать на самотек в другом.

— Но ты уж больно стремишься его преследовать, хотя уже выполнил свою часть работы. Теперь дело за полицией штата.

— Но он убил моего человека, поэтому я сам должен его арестовать. Все мои люди должны знать: я пойду напролом, чтобы отомстить за каждого из них.

Орвал посмотрел на окурок своей сигареты, швырнул его в огонь и кивнул.

Где-то вдалеке послышался собачий лай, и это взбудоражило собак, привязанных к дереву рядом с Орвалом. Их было пять, они тоже не спали, лежали на животе и не сводили глаз с Орвала. Теперь они вскочили и подняли лай.

— Ш-ш-ш, — велел Орвал, и они, взглянув на него, умолкли.

Лежавшие по другую сторону костра Уорд, Лестер и молодой полицейский забеспокоились во сне.

Вдалеке опять залаяла собака — она была уже ближе. Собаки Орвала залаяли в ответ. Орвал прикрикнул на них поостроже.

Проснулся Уорд.

— В чем дело? Что случилось?

— Самое время вставать, — сказал Тисл.

— Что? — спросил Лестер, поеживаясь. — Холодно, черт возьми.

— Пора вставать.

— Минуту.

— Как раз через минуту они будут здесь.

Через кустарник кто-то продирался, приближаясь в их сторону. Тисл зажег еще одну сигарету, отчего в пересохшем рту появился неприятный вкус. А ведь это может быть полиция штата, вдруг подумал он и быстро встал, вглядываясь в лес.

— Холодно-то как, — пожаловался Лестер. — Хорошо, если бы Шинглтон принес горячую пищу.

Тисл надеялся, что это Шинглтон и его люди, а не полиция штата. Вдруг показались пятеро мужчин. В бледном утреннем свете они быстро шли между деревьями. Тисл не мог разглядеть, какого цвета на них форма. Люди переговаривались между собой, один споткнулся и выругался, но Тисл не узнал их голосов. Если это полиция штата, то ему во что бы то ни стало нужно придумать что-то такое, чтобы остаться во главе погони.

Они уже совсем близко — Тисл разглядел Шинглтона, которого тащила собака на поводке, а за ним шли его люди, которых он, как никогда, был рад видеть. Они несли набитые холщовые мешки, винтовки, веревку, а у Шинглтона через плечо висел полевой радиопередатчик.

— Ты принес горячую пищу? — сразу спросил Лестер.

— Сэндвичи с ветчиной и яйцами, — ответил Шинглтон, тяжело дыша. — Термос с кофе.

Лестер потянулся к его мешку.

— Не здесь. У Митча.

Митч с ухмылкой открыл свой мешок и вытащил завернутые в вощенку сэндвичи. Все жадно набросились на еду.

— А вы здорово продвинулись в темноте, — прислонившись к дереву, сказал Шинглтон Тислу. — Я думал нагнать вас за полчаса, но пришлось потратить вдвое больше.

— Что там происходит?

Шинглтон усмехнулся.

— Полиция штата в ярости от того, что вы выкинули такой фэнт. Как вы и велели, я остался ждать их в том поле. Они появились минут через десять после того, как вы углубились в лес, и прямо-таки взбесились, что вы решили воспользоваться сумерками, чтобы преследовать парня. Меня удивило, что они с ходу вас раскусили.

— Ну и дальше?

Шинглтон гордо улыбнулся.

— Я провел с ними полночи в участке. Наконец они согласились поступить по-вашему. Будут блокировать ведущие вниз дороги, а сюда не сунутся. Можете мне поверить, угонять их пришлось долго.

— Спасибо. — Тисл знал, что Шинглтон ждет благодарности.

Шинглтон кивнул.

— Окончательно убедило их вот что: я сказал, что вы

знаете парня, поэтому скорее угадаете, что он отмочит.

— А они не знают, кто он и числится ли за ним что-нибудь противозаконное.

— Скоро будут знать — они этим занимаются. Велели держать связь по радио. Придут при малейшем осложнении во всеоружии.

— Осложнений не будет.

Послышался рокот мотора. Тисл не мог понять, что это, но рокот все приближался. Наконец над верхушками деревьев показался вертолет, огромный, блестящий на солнце.

— Как он узнал, где мы?

Залаяли встревоженные шумом собаки. К реву мотора примешивался свист рассекающих воздух лопастей.

— Полицейские штата, — сказал Шинглтон, вытаскивая похожий на портсигар предмет, — вручили мне кое-что новенькое. Эта штука испускает радиосигнал. Они хотят каждую минуту знать, где вы находитесь, поэтому дали мне этот импульсатор, а приемник оставили человеку, который предоставил по вашей просьбе свой вертолет.

— Кто из наших в вертолете? — спросил Тисл.

— Лэнг.

— По твоему радио с ним можно поговорить?

— Разумеется.

Шинглтон положил радиопередатчик в низкой развилке дерева. Тисл щелкнул переключателем и, глядя на зависший вертолет, проговорил в микрофон:

— Лэнг. Портис. Вы готовы?

— Ждем команду, шеф. — Голос был скрипучий. Казалось, что он доносится издалека.

Тисл оглядел своих людей. Орвал торопливо собирал бумажные стаканчики и вощенку от сэндвичей и бросал в костер. Остальные укрепляли на себе снаряжение, вешали через плечо винтовки. Когда Орвал начал забрасывать костер землей, Тисл сказал:

— Ладно, выступаем.

Он был очень взволнован.

Глава 4

Все утро, пока Рэмбо бежал и шел, бежал и шел, он слышал отдаленный

гул мотора и редкие приглушенные выстрелы из винтовок, а порою низкий мужской голос, что-то бормотавший в громкоговоритель. Потом звуки стали ближе, он различил рев вертолета — а с вертолетами он хорошо познакомился на войне — и прибавил шагу.

Теперь уже почти двенадцать часов Рэмбо носил одежду, но после подъема в холмы голышом холодной ночью он с особенным чувством воспринимал сберегаемую одеждой теплоту. На нем были тяжелые старые башмаки, которые мальчишка принес где-то около полуночи в ложбину

у ручья. Башмаки оказались чересчур большими, тогда он напихал в них листьев. Но все равно жесткая кожа натирала ему ноги, и он пожалел, что мальчишка не принес носки. А может быть, он их нарочно не захватил. Брюки же, наоборот, оказались слишком узкими — поняв, что это было сделано специально, он рассмеялся. Ботинки велики, брюки малы — над ним хорошо подшутили.

Рубашка оказалась белая, хлопчатобумажная, потрепанная на обшлагах и воротнике; старик отдал ему свою толстую шерстяную рубашку в красную клетку, которую можно было натянуть поверх белой. Он удивился, что старик вдруг стал таким дружелюбным. Наверно, здесь сыграло роль виски. Когда они съели холодную жареную курицу, которую принес сын, старик открыл кувшинчик самодельного виски. Все трое вышли, и старик в конце концов отдал свою винтовку и завязанные в платок патроны.

— Когда выпутаешься из этого дела, пришли мне деньги за винтовку, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты дал мне слово. Не то чтобы меня волновали деньги. Благодаря виски я зарабатываю столько, что могу позволить купить себе другую. Но если ты уцелеешь, мне будет интересно узнать, как тебе это удалось, а винтовка, думаю, напомнит тебе, что я жду твоего рассказа. Это хорошая винтовка.

Рэмбо с ним согласился. Из такой винтовки можно было прострелить человека, как кусок сыра на расстоянии в полмили. Старик сделал кожаную нащепку на прикладе, чтобы смягчить отдачу, а на мушке имелось пятнышко светящейся краски, чтобы легче было целиться в темноте.

Потом Рэмбо сделал то, что обещал: прошел вниз по ручью, прочь от того места, где старик держал бойлер, змеевики и кувшины. Вскоре он повернул на запад, позже собираясь свернуть на юг, в сторону Мексики. Он понимал, что добраться туда будет нелегко. Поскольку он не мог украсть машину — это всегда оставляет след — придется несколько месяцев идти пешком и кормиться подножным кормом.

Солнце уже стояло высоко. Он успел проделать несколько миль и сейчас бежал вверх по длинной широкой лощине. Выстрелы становились все громче, голос из громкоговорителя звучал разборчивее, и Рэмбо знал, что скоро вертолет зависнет над этой лощиной. Он как раз пересекал открытое место — там не было деревьев, только трава и паперотники — и где-то в самом начале пути услышал чуть ли не над головой свист лопастей вертолета. Он метнулся в сторону. Поблизости была только упавшая сосна, вероятно, разбитая молнией, вернуться в лес он бы не успел. Рэмбо нырнул под толстые ветви сосны, оцарапав спину. Сквозь сосновые иголки увидел вертолет — он быстро увеличивался в размерах, поднимаясь вверх вместе с лощиной.

— Это полиция, — проревел голос из громкоговорителя. — У вас нет никакого шанса, сдавайтесь. Все, кто в ле-

су. Возможно, вблизи вас опасный преступник. Покажитесь. Помашите, если вы видели одинокого молодого человека. — После короткой паузы голос зазвучал вновь, в точности с той же интонацией, как если бы читали по написанному: — Это полиция. У вас нет никакого шанса, сдавайтесь. Всем, кто в лесу. Возможно, вблизи вас опасный преступник. Покажитесь. Помашите, если вы видели одинокого молодого человека.

И снова и снова, одни и те же слова. Рэмбо неподвижно лежал под прикрытием веток, зная, что его не видно с земли. Но вдруг его видно с воздуха? Вертолет кружил так низко, что можно было заглянуть в застекленный кокпит. Там сидели два человека и смотрели в окна каждый со своей стороны, гражданский пилот и полицейский в серой форме. Как и все люди Тисла, этот целился из мощной винтовки с телескопическим прицелом, выставив ее из окна. Грохнул выстрел, пуля ушла в завал из камней и кустарника на краю леса — вертолет только что пролетел над этим завалом.

Господи, выходит, Тислу он очень нужен, если тот приказал своему человеку стрелять по всем подозрительным местам, не боясь попасть в невинного человека. Все невинные, услышав объявление, конечно же, выйдут, чтоб показаться; по-своему Тисл прав — Рэмбо убил полицейского, и его нельзя выпустить из рук. На его примере нужно показать, что бывает с тем, кто поднимает руку на полицейского. Но даже при этом Тисл был слишком хорошим полицейским, чтобы просто взять и прикончить Рэмбо, не дав ему шанса сдаться, — вот почему все время передают это объявление. А стрельба по всем подозрительным местам — больше для того, чтобы его напугать. И тем не менее вполне возможно, что одна из пуль в него попадет, поэтому совсем не важно, с какой целью они стреляют.

Еще один выстрел — по зарослям кустов у края леса. Сейчас вертолет уже летит над лугом и скоро окажется над ним. Почти наверняка последует выстрел в лежащую на земле сосну. Рэмбо прицелился сквозь ветки, метясь в лицо стрелка, готовый превратить в месиво его лицо, как только тот прильнет к прицелу. Он не хотел никого убивать, но у него не было выбора. Более того, если он застрелит полицейского, пилот успеет броситься на пол, где его уже не подстрелишь, и уведет вертолет в сторону, а потом вызовет по радио помощь. И все будут знать, где он. Разве что он остановит пилота, взорвав у вертолета бензобак, — но думать об этом глупо. Конечно, он может в него попасть. Но взорвать? Только в плохих кинофильмах взрывают бензобаки обычными пулями.

Он напрягся как струна и ждал с колотящимся сердцем, а вертолет ревел над его головой. Вот стрелок быстро склонился к телескопическому прицелу своей винтовки, и

Рэмбо сам уже хотел было нажать на спусковой крючок, но тут увидел, куда тот прицелился. Хорошо, что увидел — еще было время ослабить палец. Ярдах в пяти-десяти слева, рядом с большой лужей, в зарослях кустарника лежали валуны. Когда вертолет приближался, он чуть было не спрятался там, но это место оказалось слишком далеко. Сейчас вертолет неся в ту сторону. Выстрел — и он не мог поверить собственным глазам, ибо кусты зашевелились. Но это не было обманом зрения — из зарослей поднялся во весь рост большой олень с огромными рогами. Он стал неуключе карабкаться через валуны, упал, снова встал, покакал по траве к лесу, а вертолет его преследовал. По ноге оленя стекал ручей густой крови, но, казалось, это не имеет значения — олень бежал без видимых усилий.

Сердце Рэмбо бешено колотилось. Они вернутся. Олень — всего лишь игрушка. Как только он скроется в лесу, они прилетят сюда. Если кто-то прятался в кустах у лужи, они решат, что кто-нибудь может спрятаться и под упавшей сосной. Нужно убираться отсюда как можно быстрее.

Но ему пришлось ждать, когда вертолет развернется к нему хвостом. Каждая секунда ожидания была невыносима. Но вот наконец пора, и он побежал в сторону леса, выбирая те места, где короткая трава, чтобы не оставлять следов. Он приближался к кустам — когда понял по звуку, что вертолет разворачивается. Значит, олень уже успел скрыться в лесу. Пригнувшись, Рэмбо бросился в кусты, готовый, если нужно, выстрелить.

Ка-рак! Ка-рак! Два выстрела в лежавшую сосну, над которой вертолет ненадолго завис. Опять прозвучало объявление, зачитанное по бумажке. От напряжения Рэмбо вырвало, во рту появился противный горький вкус. Он сейчас находился в узком конце лощины. Дальше скалы плотно смыкались. Он лежал на траве, ослабевший после рвоты и смотрел, как вертолет кружит над скалами, потом удаляется, голос затихает, рез мотора тоже...

Рэмбо не мог стоять — так сильно дрожали ноги. Вертолет не должен был так напугать его. На войне он бывал в ситуациях куда более опасных и выходил из них потрясенный, но не настолько, чтобы тело отказывалось ему подчиняться. Кожа стала липкой от пота, очень хотелось пить, но вода в луже была гнилая, и от нее стало бы еще хуже.

Ты слишком долго не воевал, вот и все, сказал он себе. Потерял форму. Но ничего, скоро привыкнешь.

Схватившись за валун, он медленно встал и осмотрелся — нет ли кого поблизости. Поначалу он не был уверен, что услышал все, как есть: налетевший порыв ветра искажил звуки. Потом ветер стих, и он отчетливо расслышал дальний лай собак со стороны широкого конца лощины. Сно-

ва по его ногам пробежала дрожь. Он повернулся направо, туда, где начинались скалы и стояли одинокие деревья, и, напрягая мышцы, побежал.

Глава 5

Парень не так уж и далеко успел от них оторваться, размышлял Тисл, пробираясь вместе со своими людьми сквозь деревья и кустарник. Сбежал он в шесть тридцать, стемнело в восемь тридцать. Не мог он покрыть ночью в этих холмах большое расстояние. У него, наверное, был час, максимум два. Как и они, он вышел с рассветом, так что получается, что у него всего четыре часа форы. А если учесть кое-какие другие факторы, то еще меньше, всего около двух часов: он голый, и это замедляет продвижение, не знает этих мест, поэтому ему приходилось иногда заходить в расщелины, не имеющие выхода и тратить время на то, чтобы выйти и найти другой путь. К тому же у него нет пищи, а голодный человек устает быстрее и идет медленнее.

— Он опередил нас меньше, чем на два часа, — сказал на бегу Орвал. — Похоже, не больше, чем на час. Посмотри на собак. След такой свежий, что они даже не опускают нос к земле.

Орвал был впереди Тисла и остальных и бежал вместе с собаками, держа их на общем поводке, Тисл старался изо всех сил не отстать от него. Собственно говоря, это было смешно: темп устанавливал семидесятидвухлетний старик, и они еле за ним поспевали. Однако Орвал каждое утро пробегал пять миль, выкуривал всего четыре сигареты в день и никогда не пил, а он, Тисл, выкуривал полторы пачки, без конца пил пиво, а физических упражнений не делал уже много лет. Правда, в морской пехоте он занимался боксом и кое-чему полезному для тела научился, но сейчас все приходилось вспоминать заново. Собаки лаяли где-то впереди, Орвал быстро перебирал своими длинными ногами, пытаясь не отставать от них. Полицейские надрывались, дабы не отстать от Тисла, а тот лишь каким-то чудом поспевал за Орвалом. Когда он бежал по траве и все его тело работало в одном слаженном ритме, ему показалось на какое-то мгновение, что он может бежать вот так вечно. Но вдруг Орвал рванул вперед, и Тисл отстал. Его ноги отяжелели, ощущение ритма и легкости исчезло.

— Не так быстро, Орвал!

Глава 6

Когда Рэмбо добежал до того места, откуда начинались деревья и камни, пришлось слегка замедлить шаги и ставить ступни осторожно, чтобы не поскользнуться и не сломать ногу. У под-

пожия скалы он нашел расщелину, которая вела вверх, и стал карабкаться по ней.

С вершины скалы лай собак был слышен лучше. Он огляделся — нет ли поблизости вертолета. Его не было — даже не доносился рокот мотора. Казалось, его никто не выследил. Он нырнул в заросли кустов и деревьев вблизи скалы и залег там, наблюдая, что делается внизу. Примерно в миле он увидел людей, перебегавших по открытому месту. Издали они казались совсем маленькими. Он насчитал десять, но не был уверен, что эта цифра точная. Собак он вообще не видел, но, судя по шуму, их было много. Однако его беспокоило не их число, а то, что они, очевидно, взяли его след и быстро идут по нему. Пятнадцать минут — и они будут здесь. Непонятно, как Тислу удалось столь быстро его догнать. Очевидно, кому-то из преследователей хорошо известны эти места и он ведет их кратчайшим путем.

Рэмбо вернулся к расщелине: он не позволит Тислу подняться в этом самом доступном месте. Он положил винтовку на траву, так, чтобы в нее не попала земля, и стал толкать валун, лежавший у края скалы. Валун был большой и тяжелый, но все же он откатил его к нужному месту. Теперь он перекрывал выход из расщелины вверх. Человек, наткнувшись при подъеме на валун, не сможет ни перелезть через него, ни обойти сбоку. Людям Тисла придется долго мучиться, прежде чем они найдут способ убрать валун, а он к тому времени будет далеко. Во всяком случае, он на это надеялся.

Глянув вниз, в лощину, он удивился, как далеко вперед успели продвинуться его преследователи, пока он передвигал валун. Сейчас они были уже около лужи и кустов, в которых он прятался. Человечки остановились там и смотрели на собак, нюхавших землю и отчаянно лаявших. Наверное, что-то перебило его запах. Раненый олень, вдруг понял Рэмбо. Когда он нырнул в кусты, на него попало немного оленьей крови, и теперь собаки пытались решить, по чьему следу им идти — его или оленя. Выбрали они чертовски быстро. В ту секунду, когда собаки устремились по его следу к скале, он схватил винтовку и побежал прочь.

Кусты были густые, колючие, и он заработал немало царапин. Но вот наконец выбежал на открытое место и увидел обрыв. Под ним был лес, весь в красных, оранжевых и коричневых листьях. Обрыв был почти отвесным, и спуститься здесь было невозможно.

Итак, впереди обрыв и почти такой же, только с валуном, сзади. Оставались два других пути. Если он пойдет на восток, то опять приблизится к широкому концу лощины. Но там скорее всего идет страховочная группа Тисла. Оставался путь на запад, куда улетел вертолет, — в ту

сторону он и побежал. Оказавшись на краю нового обрыва, он понял, что сам загнал себя в ловушку.

Иисусе. Собаки лаяли все громче. Он стиснул винтовку, проклиная себя за то, что нарушил одно из основных правил: никогда не идти по пути, который может тебя завести в ловушку. Иисусе. Неужели у него не только тело, а и мозги размякли, когда он валялся в госпитале? Он не должен был влезать на скалу по той расщелине. Он заслуживал того, чтобы его поймали. Он заслуживал всего, что сделает с ним Тисл, если Рэмбо позволит себя поймать.

Теперь собаки лаяли еще ближе. Он провел рукой по лицу и увидел на пальцах кровь — так сильно исцарапал его кустарник. При виде этой крови Рэмбо разозлился на себя. Он думал, что убежать от Тисла будет легко и просто, что, пройдя закалку войной, ему все нипочем. Теперь приходилось многое пересмотреть. То, как он дрожал и трясся после инцидента с вертолетом, должно было стать серьезным предупреждением. Он же был столь уверен в том, что убежит от Тисла, что взял и сам загнал себя в угол. Теперь вся надежда на везение, иначе ему не удастся отделаться лишь той кровью, которая сочится из царапин на его коже. Остается только одно. Он пробежал по краю обрыва, прикидывая высоту, выбрал место, где скала казалась самой низкой. Двести футов.

Ладно, сказал он себе. Сам ошибся, сам расплачивайся.

Посмотрим, какой ты смелый на самом деле.

Он засунул винтовку между ремнем и брюками, закрепил ее так, чтобы приклад упирался в подмышку, а дуло касалось колена. Лег на живот, спустил ноги и повис на руках. Опора для пальцев ног, он никак не мог найти опору для ног... Собаки истерично залаяли — вероятно, добрались до заблокированной расщелины в скале.

Глава 7

Тисл, очевидно, сразу же вызвал по радио вертолет, чтобы воспользоваться лебедкой для подъема валуна или же осмотреть сверху склоны на тот случай, если Рэмбо все еще там скрывается. Рэмбо уже спустился по откосу примерно на десятикратную длину тела, когда услышал приближающийся гул вертолета. На каждую длину тела ушло, по его оценке, около минуты: все трещины и выпуклости приходилось осторожно ощупывать и постепенно переносить вес... Частое он повисал в воздухе, не зная, найдет ли опору для ног, как это было в самом начале. Если он захочет подняться наверх, чтобы скрыться от вертолета, на это уйдет столько же времени. Значит, он не успеет. Нет смысла

карабкаться вверх, тогда как продвижение вниз может еще спасти его.

Теперь он спускался быстрее, потому что все время прислушивался к гулу вертолета и не так тщательно ощущал скалу ногами. А значит, рисковал. И вот вертолет появился, двигаясь в сторону этого обрыва и быстро увеличиваясь в размере. Шерстяная рубашка Рэмбо была красной, а камень серым. Рэмбо молча молился, чтобы стрелок его не заметил.

Но он знал, что стрелок заметит его рубашку.

Тупой толчок пули в камень поблизости от его правого плеча оглушил Рэмбо и так напугал, что он чуть было не разжал руки. Тряхнув головой, чтобы прийти в себя, он с лихорадочной быстротой стал спускаться вниз.

Ка-ранг! Вторая пуля с визгом скрипела от скалы чуть выше его головы, напугав его не меньше, чем первая, — теперь его можно считать покойником. Пока его спасало только то, что вертолет в движении, а это мешает стрелку целиться. Но через несколько секунд вертолет зависнет, и тогда...

А тут еще ноги никак не могли найти опору. Он висел на руках, цепляясь за камни окровавленными пальцами, а вертолет насакивал на него, как чудовищная бабочка. Ка-ранг! Тупой удар, резкий визг осколков камня и расплавленных кусочков пули, впившихся ему в щеки. Он посмотрел на камни внизу — до них было футов сто. Пот заливал глаза, и он с трудом мог разглядеть пышное хвойное дерево, верхние ветки которого были всего в десяти футах от его ног. Может быть, в пятнадцати или двадцати, это трудно было определить на глаз.

Вертолет завис рядом с ним, струи воздуха от лопастей били в лицо. Рэмбо нацелил тело на верхушку дерева и разжал руки. Он падал долго, невероятно долго, но наконец пробил крону и застрял между толстой веткой и стволом.

Удар его ошеломил.

Он даже дышать по-настоящему не мог. Судорожно раскрывал рот, кривился от боли — болели грудь и спина. Ему казалось, что его ранила пуля.

Но пулевого ранения не было. Грохот вертолета над головой и пробившая густую крону дерева пуля заставили его выйти из оцепенения. Он лежал довольно высоко на дереве. Винтовка по-прежнему была засунута между ремнем и брюками, но от удара сбилась набок. Он потянул ее, она не поддалась. А наверху кружил вертолет, готовясь к новому выстрелу. Рэмбо сильно дернул винтовку, и она высвободилась. От этого резкого движения ветка, на которой он сидел, закачалась. Он потерял равновесие, заскользил бедром по жесткой коре и с трудом зацепился рукой за верхнюю ветку. Она треснула, и он перестал

дышать. Если ветка сломается, падать ему очень далеко. Ветка треснула еще раз, потом все стихло, и он снова стал дышать.

Но звук вертолета стал теперь иным. Ровным. Пилот сообразил, в чем дело, и завис над ним. Рэмбо не знал, видно ли его сквозь хвою, но это не имело значения. Рано или поздно з него попадут даже вслепую. Он поспешно раздвинул ветки, высматривая вертолет.

Напротив него. Примерно на расстоянии с обычный дом. Стрелок высунул голову из кабины. Рэмбо отчетливо видел его круглое лицо с большим носом. Полицейский готовился к следующему выстрелу. Одного взгляда ему вполне достаточно. Он положил одним движением дуло винтовки на ветвь над головой и прицелился в круглое лицо, в кончик носа.

Легкое прикосновение к спусковому крючку. Попадание точно в цель.

Полицейский машинально прижал руки к изуродованному лицу. Он умер сразу, даже не успев вскрикнуть. Пилот еще мгновение удерживал вертолет на одном месте, словно ничего не случилось, потом до него дошло, что кабина вся забрызгана кровью и мозговой тканью и что у его партнера исчезла верхняя часть черепа. Рэмбо видел, как он в ужасе смотрит на кровь, залившую его рубашку и брюки. Глаза пилота полезли на лоб, он схватился одной рукой за пристежной ремень, другой — за рычаг управления и нырнул на пол.

Рэмбо попытался поймать его на мушку. Сейчас он не видел пилота, но довольно хорошо представлял, в каком месте он съезжился на полу, и прицелился в ту часть пола. Но тут вертолет качнуло к краю обрыва, он задел за что-то хвостом. Рэмбо показалось, что он расслышал сквозь рев мотора резкий металлический треск, но не был в этом уверен. Казалось, вертолет завис там навечно, как вдруг он перевернулся кверху брюхом и рухнул вниз: грохот, визг металла, хруст ломающихся лопастей, тупой удар вращу, взрыв и ослепительный шар огня. Осколки металла пронизали крону дерева, потом все стихло.

Рэмбо уже карабкался вниз по стволу дерева. Собаки лаяли громче, яростнее — вероятно, уже преодолели баррикаду и выбежали на гребень. Рэмбо не мог понять, как Тислу и его людям удалось взобраться так быстро. Валуны должен был отнять у преследователей больше времени. Он крепко сжимал винтовку, протискиваясь вниз между веток и почти не замечая, что иголки колют ему лицо. Болела грудь от падения на дерево — похоже, несколько ребер треснули или сломались, но сейчас ему некогда об этом думать. Собаки лаяли совсем близко, и ему пришлось торопиться. В двадцати футах от земли он обнаружил, что дальше спускаться нельзя: кончились ветки. Прыгать. Ина-

че никак. Он мрачно улыбнулся: именно этому его учили когда-то, он в течение нескольких недель прыгал с башен в парашютной школе. Зажав в одной руке винтовку, он обхватил другой самую нижнюю ветку, повис, потом опустил руку и упал. Приземлился идеально. Колени согнулись как нужно, тело обмякло, он мягко прокатился и вскочил на ноги — как делал это тысячи раз. И только через несколько минут, когда бежал по камням, ощутил, что боль в груди стала сильнее. Намного сильнее. Черт возьми, так можно и проиграть.

Он бежал вниз по склону, в сторону леса. Каменистая почва осталась позади, и сейчас под ногами была трава. Собаки наверху вдруг зашлись безумным лаем. Значит, они были там, где он слезал по откосу; следовательно, через несколько секунд в него будут стрелять. На открытом месте у него нет ни единого шанса, он должен добежать до леса, пригибаясь и петляя. Он напряг тело, готовясь принять первую пулю и не упасть, а бежать дальше... Кусты. Лес. Он задел за что-то ногой и упал, но не стал подниматься, а просто лежал, тяжело дыша, на мягкой лесной траве, от которой пахло так сладко.

В него не стреляли. Он не мог понять, почему. Но вдруг понял: да просто потому, что на вершине скалы никого нет. Они еще не дошли до этого места. А он попросту обманулся. Что с ним? Раньше слух никогда так его не подводил.

Мексика. Он представил солнечный пляж и ласковые волны прибоя. Надо двигаться. Встать и идти. С трудом поднялся и уже сделал несколько шагов, когда сзади послышались крики, лай собак — вот теперь погоня была на вершине скалы.

Он свернул налево, приближаясь к кромке леса, где его никак не могли ожидать. Когда деревья стали редеть, он пополз и вскоре, спрятавшись за кустом, увидел нечто для себя интересное: в сотне ярдов были люди и собаки. Они все бежали к тому месту, откуда он начал спускаться. Собаки лаяли, один человек держал их на общем поводке, за ним бежали остальные преследователи. У края все остановились, глядя на догоравший вертолет. Рэмбо еще не видел их ближе, чем сейчас, с начала охоты на него, а ярко светившее солнце, казалось, еще увеличивало фигуры. Шесть собак, сосчитал он, и десять человек, девять в серой полицейской форме, десятый в зеленой куртке и брюках. Он и держит на поводке собак.

Больше всех интересовал его тот, кто ходил взад-вперед, похлопывая рукой по бедру. Тисл. Никак нельзя не задержать свой взгляд на этом коротком плотном торсе, выпяченной груди, осанке бойцовского петуха. Именно петуха. Вот ты кто, Тисл, — петух.

Он улыбнулся. Потом тщательно прицелился в Тисла, разговаривавшего с человеком в зеленом. Вот Тисл удивится, если ему сейчас пробьет горло пуля. Вот будет шутка. Он так увлекся этой игрой, что чуть было не нажал на спусковой крючок.

Это будет ошибкой. Конечно, ему хочется убить Тисла: после того, что он пережил, оказавшись зажатым между вертолетом и отрядом преследователей, он способен на все, только бы скрыться от погони. Думая о тех двух, погибших в вертолете, Рэмбо заметил, что волнуется меньше, чем после того, как убил Голта. Он опять стал привыкать к смерти.

Но здесь все сложнее. Скала не остановит Тисла, лишь задержит на час-полтора. А если он убьет Тисла, это вовсе не обязательно остановит погоню — у них останутся собаки, умеющие быстро выслеживать. Гончие. Это не такие злые собаки, как немецкие овчарки, с которыми он имел дело на войне, но все же прирожденные охотники. И если они его догонят, то вполне могут напасть, а не просто загнать в угол, как их учат. Значит, нужно застрелить их в первую очередь. Потом Тисла. Или человека в зеленом, если представится такая возможность. По тому, как этот человек обращается с собаками, видно, что он хорошо умеет ходить по следу, а если и он и Тисл погибнут, остальные растеряются и разбегутся по домам.

Конечно, эти люди понятия не имеют, как вести себя в подобных условиях, — стоят и сидят на виду у противника. Он презрительно фыркнул. Очевидно, им и в голову не приходит, что он еще может быть поблизости. Человеку в зеленом никак не удастся успокоить собак. Он разделил общий поводок и передал троих полицейскому. Лежа в прохладной тени кустарника, Рэмбо прицелился в ту тройку, которую человек в зеленом оставил себе, и без особого труда застрелил двух из них. Он бы попал и в третью, но человек в зеленом успел рвануть за поводок и оттащить ее от края обрыва. Полицейские кричали, бросаясь в укрытие. Вторая тройка собак бесилась, натягивая поводок и пытаясь освободиться от державшего их полицейского. Рэмбо быстро пристрелил одну из них. Другая испугалась, метнулась в сторону и сорвалась с края обрыва. Державший поводок полицейский попытался вытащить ее наверх, но потерял равновесие и полетел вниз, увлекая за собой последнюю собаку. Прежде чем его тело ударилось о камни у подножия скалы, он успел вскрикнуть.

Глава 8

В следующее мгновение они рассластились на земле и лежали под палящим солнцем. Ни звука, ни дуновения ветерка. Это тянулось очень долго. Потом Шинглтон вдруг направил винтовку

в сторону леса и начал стрелять. Он успел сделать четыре выстрела, когда к нему присоединился кто-то еще, потом третий, и вот уже все, кроме Тисла и Орвала, стреляли без перерыва — словно в костер бросили коробку патронов, которые беспорядочно взрываются.

— Хватит! — приказал Тисл.

Никто не подчинился. Полицейские палили непрерывно.

— Я сказал хватит! — рявкнул Тисл. — Прекратить!

Его никто не слышал. Виптовки были разных систем и различных калибров. Грохот получался разноголосый и оглушающий. Орвал, удерживавший последнюю оставшуюся в живых собаку, тоже кричал:

— Перестаньте!

Тисл, приподнявшись из ложбинки, пригрозил:

— Кто еще выстрелит, тот потеряет двухдневную зарплату!

Это возымело свое действие. Полицейские затихли, сжимаемая нагретые стволы винтовок.

— Иисусе, — прошептал Шинглтон. Он был бледен, кожа обтянула скулы, как на барабане.

Уорд облизнул пересохшие губы.

— Вот именно, Иисусе.

— Никогда еще я не был в таком переплете, — пробормотал кто-то.

— Ну что, кто-нибудь попал в парня, а? — спросил Митч.

— Кто-нибудь ранен? Все о'кэй? — поинтересовался Уорд.

— Все в порядке, — ответил Лестер.

Тисл смерил его взглядом.

— Это не так. Нас только девять. Джереми упал вниз.

— И с ним три моих собаки. А две другие застрелены, — сказал Орвал. Он говорил монотонно, точно автомат, и все обратили на него удивленные взгляды. — Пять. Пятеро погибли. — Лицо Орвала было серым, как цементный порошок.

— Мне очень жаль, Орвал, — проговорил Тисл.

— Что тебе еще остается делать? Ведь это была твоя дурацкая идея. Ты бы мог подождать, пока за это возьмется полиция штата.

Последняя собака дрожала, прижавшись к земле, и скулила.

— Ну-ну, ну-ну, — успокаивал ее Орвал, поглаживая по спине, он глядел на двух мертвых собак у края обрыва. — Мы с ним рассчитаемся, можешь быть спокоен. Если он еще жив, мы с ним рассчитаемся. — Он перевел взгляд на Тисла, и его голос стал громче. — Ты просто не мог дожидаться полицию штата, да?

Полицейские смотрели на Тисла, ожидая, что он ответит. Тисл пошевелил губами, но никто ничего не услышал.

— Что такое? — спросил Орвал. — Если тебе есть что сказать, то наберись мужества и скажи.

— Я говорю, вас никто не заставлял сюда идти. Вы наслаждались собой, демонстрируя всем нам, какой вы крепкий, бежали впереди всех, а чтобы мы видели, что вы умнее всех, быстренько поднялись по трещине в скале и сдвинули тот валун. Вы сами виноваты в том, что ваши собаки погибли. Вы так много знаете, вот и могли бы держать их подальше от края.

Орвал затрясся от гнева, и Тисл пожалел, что раскрыл рот. Он уставился в землю. Не надо было ему высмеивать стремление Орвала превзойти всех. Тем более что Тисл был благодарен, когда Орвал сообразил, как сдвинуть валун, — влез на него, обвязал концом веревки, а остальным велел тянуть за другой конец, сам же использовал как рычаг толстую ветку. Валун свалился вниз, кроша мелкие выступы скалы.

— Ладно, Орвал, мне очень жаль, — примиряюще сказал Тисл. — Это были прекрасные собаки. Поверьте, я очень сожалею.

Он почувствовал, как кто-то рядом с ним внезапно дернулся. Это Шинглтон, прицелившись из винтовки, выстрелил вниз, в заросли кустов.

— Шинглтон, я сказал не стрелять!

— Там кто-то двигался.

— Тебе это стоило двухдневной зарплаты. Жена будет очень рада.

— Но я видел, там что-то шевелилось.

— Да брось ты — видел, видел... Слушай. Кстати, это всех касается. Слушайте. Никто из вас даже не оцарапал парня. Вы с такой задержкой ответили на его огонь, что он мог прочитать молитву подлиннее и спокойно уйти.

— Ну чего там, Уилл, двухдневная зарплата? — обиженно протянул Шинглтон. — Вы шутите.

— Я еще не закончил. Посмотрите, сколько валяется гильз. Вы истратили половину патронов.

Полицейские посмотрели на землю — гильз было на удивление много.

— Что же вы будете делать, если снова на него наткнетесь? Расстреляете последние патроны и станете швырять в него камнями?

Все подавленно молчали.

Послышалось жалобное повизгивание. Одна из собак, подстреленных Рэмбо и лежавших на краю обрыва, была еще жива. Очевидно, пуля ее оглушила, теперь же она из последних сил пыталась встать.

Орвал вскочил и сделал несколько шагов по направлению к собаке. Вдруг он пошатнулся, уронил винтовку, каким-то странным жестом схватился за спину и рухнул на

землю лицом вниз. Уже когда он падал, снизу донесся выстрел. В этот раз никто не открыл огонь.

— Ложись! — скомандовал Тисл. — Всем лежать! — Полицейские вытянулись на земле. Последняя собака бросилась к тому месту, где лежал Орвал. Ее сшибла следующая пуля. Вжимаясь в землю и стискивая кулаки, Тисл дал себе слово, что будет гнаться за парнем вечно, схватит его и убьет собственными руками. Он никогда не отступит. И не потому, что он должен отомстить за одного из своих людей, Голта. Теперь это было нечто личное. Убит его приемный отец. Только сейчас, размышляя о том, как спуститься со скалы и добраться до парня, Тисл понял, какую большую ошибку он совершил. Не он гнался за парнем, а наоборот. Он позволил парню завлечь их в засаду. И, Господи, какую засаду! До ближайшего города тридцать миль по пересеченной местности, вертолет разбился, собаки мертвы. Парень, если захочет, может перестрелять их всех. Потому что местность позади них неровная. Потому что в восьми футах от обрыва начинается подъем. Чтобы отступить, им придется бежать вверх по открытому месту, а парень будет стрелять в них из леса. Интересно, где он достал винтовку и где научился устраивать засады?

В небе появились черные тучи. Над лесом прокатился гром.

Глава 9

Орвал. Тисл не мог отвести от него глаз. Старик лежал лицом вниз у обрыва, и у Тисла так теснило в груди, что он с трудом мог дышать. Из-за меня, думал он. Единственный раз в жизни он проявил неосторожность, а я ему не напомнил, что подниматься нельзя. Он пополз к Орвалу.

— Парень нас обойдет, — упавшим голосом проговорил Лестер.

Слишком упавшим, подумал Тисл. Он неохотно повернулся: думать нужно прежде всего о живых. Их теперь семь, и у всех был растерянный вид. У всех, кроме Шинглтона.

— Я говорю, что парень нас обойдет, — продолжал Лестер. У него были порваны на колене брюки. — Он выйдет на нас с тыла.

Все головы повернулись к пологому подъему позади них, как будто парень уже мог появиться там.

— Он сюда придет, это точно, — чуть не плача, проговорил самый молодой полицейский. — Боже мой, пусть меня кто-нибудь отсюда выведет.

— Ну, иди, — сказал ему Тисл. — Беги вверх по склону. Сам увидишь, как далеко сможешь уйти, прежде чем он тебя подстрелит.

Полицейский опустил глаза.

— Ну, чего ты ждешь? — Тисл повысил голос. — Беги вверх по склону.

— Нет, — прошептал молодой полицейский. — Не побегу.

— Тогда заткнись.

— Но мы должны подняться наверх, — сказал Лестер. — Пока он нас не опередил. Если мы станем мешкать, он придет туда первым и не выпустит нас отсюда.

Темные тучи вспорола молния, потом долго грохотал гром.

— Что это? Я что-то слышал, — встрепнулся Лестер.

Звук был негромкий и какой-то странный — будто кто-то задыхается. Орвал. Он начал двигаться — как-то боком, неуклюже распрямляя колени, обеими руками сжимая грудь. Как гусеница, которая поднимает спину, чтобы чуть-чуть продвинуться вперед. Но он не продвинулся ни на дюйм. И через несколько мгновений его тело расслабилось. Кровь капала с пальцев, текла изо рта.

Тисл ничего не мог понять. Он был уверен, что Орвал мертв.

— Орвал, — выдохнул он. И поспешил к нему. «Не поднимай голову», — напомнил он себе, изо всех сил вжимаясь в скалу, чтобы, как Орвал, не сделать из себя мишень. Но Орвал лежал слишком близко к краю, и Тисл боялся, что парень видит его снизу. Он схватил Орвала за плечо и потащил назад в укрытие. Но Орвал был слишком тяжелый, а парень мог выстрелить в любую секунду.

— Помогите мне! — крикнул Тисл своим людям.

Орвал закашлялся кровью.

— Эй, кто-нибудь, помогите мне! Быстрее!

Вдруг кто-то оказался рядом с ним, они вдвоем оттащили Орвала подальше от края, где очутились в безопасности. Тисл судорожно, прерывисто вздохнул, смахнул с глаз пот и не глядя понял, кто ему помог. Шинглтон.

А Шинглтон ухмылялся и даже смеялся. Не громко, но радостно, но все же смеялся.

— Успели. Он не стрелял. Успели.

Конечно, смешно, и Тисл тоже засмеялся. Но Орвал снова закашлялся кровью, и Тисл увидел, что ничего смешного тут нет.

Он расстегнул окровавленную рубашку Орвала.

— Спокойно, Орвал. Сейчас мы вас осмотрим и сделаем все как надо.

Рана оказалась страшной.

— Насколько... тяжело? — морщась от боли, поинтересовался Орвал.

— Не беспокойтесь, — сказал Тисл. — Мы вас починим. — Он стал расстегивать свою рубашку.

— Я спросил... как тяжело? — Это был едва слышный шепот.

— Вы же видели много раненых, Орвал. Сами понимаете, насколько это серьезно. — Он свернул свою рубашку в шар

и засунул в рану на груди Орвала. Рубашка сразу пропиталась кровью.

— Я хочу, чтобы ты мне сказал. Я спросил...

— Ладно, Орвал, берегите силы. Не нужно говорить. — Он застегнул на Орвале рубашку. — Не буду вам лгать, поскольку знаю, что вы бы этого не захотели. Крови много, и трудно сказать наверняка, но мне кажется, что задето легкое.

— О Господи!

— Теперь молчите, нужно беречь силы.

— Пожалуйста. Ты не должен меня оставлять. Не оставляй меня.

— Вот уж об этом не беспокойтесь. Мы доставим вас обратно в город и сделаем все, что сможем. Но и вы должны кое-что для меня сделать. Слышите? Я засунул в рану рубашку, а вы должны прижимать ее к груди. Нужно остановить кровотечение. Вы меня слышите? Вы поняли?

Орвал облизнул губы и едва заметно кивнул, и Тисл почувствовал во рту тошнотворный вкус. Не было ни малейшего шанса, что свернутая комком рубашка остановит кровотечение из такой раны... Он подумал о воде.

Тисл знал, что воду Орвалу давать нельзя. Это он хорошо усвоил еще в Корее. У человека, раненного в грудь или живот, выпитая вода вызывает рвотный рефлекс, а от рвоты расширяется рана, усиливается боль. Но Орвал облизывал губы, все облизывал губы, и Тисл не мог видеть, как он мучается. Дал ему немного, подумал он. Немного ему не повредит.

У Орвала к ремню была пристегнута фляжка. Тисл дал ему чуть-чуть. Орвал кашлянул, и из его рта вылилась пенная вода с кровью.

— Боже мой, — сказал Тисл. Он не знал, что делать дальше. Но тут вспомнил про радио и потянулся к нему. — Тисл вызывает полицию штата. Полицию штата. Срочно. — Он повысил голос. — Срочно.

До этого он принял решение не вызывать по радио помощь, что бы ни случилось. Даже не стал никого звать, когда увидел разбившийся горящий вертолет. Но Орвал... Орвал умирает.

Радио трещало разрядами атмосферного электричества — приближалась гроза. Но вот послышался голос, хриплый и неразборчивый:

— ...лиция... штата... ет.

— Я вас плохо слышу, — торопливо заговорил Тисл. — Наш вертолет разбился. У меня раненый. Мне нужен для него еще один вертолет.

— ...Невозможно. Идет... буря. Все... на земле.

— Но, черт возьми, он умирает!

Голос что-то ответил, Тисл не разобрал, что, потом на не-

сколько мгновений затерялся в атмосферных разрядах, и вновь он услышал обрывок какой-то фразы:

— ...выбрали себе... дичь для охоты... Зеленый Берет... заслуженный... медаль...

— Что? Повторите.

— Зеленый Берет? — встрепнулся Лестер.

Но голос окончательно затерялся в атмосферном шуме. Пошел дождь, его легкие капли прибавляли пыль, охладили голую спину Тисла. Небо над головой заволочло черными тучами. Вспыхнула молния.

— Медаль? — переспросил Лестер у Тисла. — Вот на кого вы нас натравили? Герой войны? Зеленый Берет, черт возьми?

— Он не стрелял! — сказал Митч.

Тисл внимательно посмотрел на него, опасаясь, как бы Митч не свихнулся. Но — нет. Он был взволнован, пытался им что-то сказать. Тисл знал, что именно: он уже успел это обдумать и решил, что у них ничего не получится.

— Когда вы тащили сюда Орвала, — сказал Митч, — он не стрелял. Его уже там нет. Он сейчас обходит стороной, чтобы оказаться у нас в тылу, — вот каков наш шанс спастись!

— Нет, — сказал Тисл, дождь уже всюю хлестал его по лицу.

— Но мы могли бы...

— Нет. Быть может, он уже в пути, но, может, и нет. Что, если ему не нужна одинокая цель и он ждет, когда мы все потеряем осторожность и высунемся?

Их лица стали пепельно-серыми. Тучи разверзлись, хлынул настоящий ливень.

Глава 10

Такого ливня Тисл никогда не видел.

Ветер швырял воду в лицо, в рот...

— Буря? Это не буря, это конец света.

Он лежал в воде. Он думал, что хуже некуда, но дождь еще усилился. Молнии вспыхивали ярко, как солнце...

Рукой Тисл прикрыл от дождя глаза. Орвал лежал лицом вверх, с открытым ртом. Он захлебнется, подумал Тисл. Рот наполнится водой, и он ее вдохнет.

Прищурясь, Тисл смотрел на своих людей, которые тоже были в воде, и понял, что утонуть может не один Орвал. Место, где они находились, было руслом сумасшедшего ручья. Вода стремительно сбегала по склону, перехлестывала через них и мчалась дальше, к обрыву. Хотя он и не видел края обрыва — видимости не было почти никакой, — он мог себе представить, что это за водопад. А если польет еще сильнее, их всех туда смое.

И первым Орвала.

Он схватил Орвала за ноги.

— Шинглтон! Помоги мне! — прокричал он, и его слова смешались с громом.

— Хватай его за руки, Шинглтон! Мы отходим — температура резко упала.

— Но как же парень? — прокричал кто-то.

— Он нас не увидит! Он ничего не увидит!

Но он уже может ждать нас там!

— Неважно! Все равно отсюда нужно уходить!

— Я здесь! — крикнул Шинглтон. — Я взял его за руки. Пошли!

Они вытащили Орвала из воды и поволокли наверх. Дождь усилился, хотя, казалось бы, куда сильнее. Тисл поскользнулся. Он сильно ударился плечом при падении и уронил Орвала в бурный поток. Теперь пытался ухватиться за Орвала, чтобы держать его голову над водой, но снова поскользнулся и с головой ушел под воду. И — от растерянности сделал вдох. Вода хлынула в рот, нос, горло. Кашляя, задыхаясь, он судорожно метнулся наверх. Кто-то крепко схватил его. Это был Шинглтон.

— Нет! Орвал! Хватай Орвала!

Они не смогли его найти.

— Его смоеет с обрыва!

— Сюда! — крикнул кто-то. — Орвал! Я держу его.

Вода доходила Тислу до колен. С трудом переставляя ноги, он побрел туда, где кто-то держал над поверхностью воды голову Орвала.

— Его несло течение! — Это был Уорд, который с трудом удерживал Орвала. — Он уже плыл в сторону обрыва! И наткнулся на меня!

Тут появился Шинглтон. Вместе они вытащили Орвала и оттащили выше по склону. Здесь-то Тисл и понял, почему вода прибывает так быстро. В склоне была глубокая ложбина, и в нее стекали сверху ручьи.

— Надо пройти немного в ту сторону! — сказал Тисл. — Там будет легче подняться!

Так они и сделали. Шинглтон шел первым, пятясь в полусогнутом состоянии и держа Орвала за плечи. Тисл и Уорд следовали за ним, тоже согнувшись и стараясь взять на себя большую часть веса Орвала. А вода буквально сбивала их с ног, и устоять было трудно.

Но где же остальные, думал Тисл. Почему не помогают, черт возьми? От усталости он едва переставлял ноги, руки болели в суставах. Слишком медленно они идут. Они не смогут долго нести Орвала, это ясно. Нужно выбраться на самый верх. Вдруг Уорд поскользнулся и упал, и Тисл чуть не выронил Орвала. Течение протащило их на несколько футов вниз, но Орвала они не выпустили.

И опять — вверх. Но далеко они не ушли. Шинглтон вдруг вскрикнул, упал на Тисла и ударился ему головой

в грудь. Все покатались назад, выпустив Орвала. Тисл оставился уже у самого подножия склона. Он лежал на спине весь в воде.

— Я ничего не мог сделать! — прокричал Шинглтон. — Мне под ногу попал камень!

— Орвал! Его уносит течение!

Тисл побежал к обрыву. Нельзя было подходить близко к краю — там слишком сильное течение. Но, боже мой, он должен удержать Орвала.

Вспыхнула молния. В ее ярком свете он отчетливо увидел, как тело Орвала падает с обрыва. Горячие слезы смешались с холодным дождем на лице Тисла, он кричал, пока горло не свело судорогой.

— Проклятые мерзавцы, я убью их за то, что они не помогли!

Рядом возник Шинглтон.

— Орвал! Вы его видите?

Оттолкнув его плечом, Тисл пошел наверх. Полусогнувшись, хватаясь за что попало, выбрался на гребень. Там было еще хуже: полная темнота, оглушительный шум, ветер пригибает деревья, дождь хлещет по ветвям. Совсем рядом молния словно топором расколола ствол дерева.

— Шеф! — крикнул кто-то. — Сюда, шеф!

Он не видел лица. Только тело, съездившееся у дерева.

— Сюда, шеф! — Человек махал руками, призывая его. Тисл рванулся к нему, схватил его за рубашку. Это был Митч.

— Что вы делаете? — сказал Митч. — Что с вами?

— Он упал с обрыва! — прохрипел Тисл и, замахнувшись, сильно ударил Митча кулаком в зубы. Тот стукнулся затылком о дерево.

— Иисусе, — прошептал Митч, тряхнул головой, еще раз тряхнул и застонал, схватившись за окровавленную челюсть. — Иисусе, что с вами? — Он плакал. — Лестер и остальные убежали! А я остался с вами!

Глава 11

Тисл уже должен был добраться до леса — Рэмбо в этом почти не сомневался. Буря бушевала слишком долго и свирепо, и Тисл и его люди не могли пережить ее на этой открытой площадке. Дождь и мрак мешали ему стрелять, и они, конечно, воспользовались этим, поднялись по склону и скрылись в лесу. Ничего, они далеко не ушли. Он очень хорошо умеет охотиться на людей под дождем. Я многому научился на войне, с горечью подумал Рэмбо, а теперь принес войну на свою землю...

Он вышел из лесу и направился к подножию скалы. Под прикрытием бури Рэмбо без труда мог бы уйти в другую сторону, глубоко в чащу. Он успел бы уйти так далеко,

что его никогда бы не догнали. Но теперь это не имело значения: Рэмбо решил, что больше никогда не будет убегать. Независимо от того, преследуют его или нет. Он злился, что Тисл снова сделал из него убийцу. Но теперь он заставит Тисла убегать от него — пусть почувствует на собственной шкуре, что это такое.

Каждый шаг отдавался болью в груди — сломано минимум одно ребро. Придется что-то предпринять, но чуть позже. Поблизости от обрыва тела не было, и Рэмбо понял, что его отнесло подальше водой. Он прошел еще немного вниз и наткнулся на тело, лежавшее лицом в воде.

Этот пояс со снаряжением погибшего — он пригодится. Рэмбо с трудом снял его, так у него болела грудь. Фляжка на поясе помялась, но не треснула. Револьвер в кобуре. Поверх рукоятки — кожаная застежка, поэтому воды в кобуру попало немного. Он расстегнул кобуру, дивясь тому, как хорошо Тисл экипирует своих людей. Отличный револьвер, «кольт питон», из такого можно свалить оленя. В цилиндре — пять патронов; ячейка под бойком пуста. Он быстро засунул револьвер обратно в кобуру — от дождя — и осмотрел патронташ. В нем оказалось пятнадцать патронов. Быстро застегнул пояс на себе и нагнулся проверить карманы убитого. Ничего съестного, а он надеялся найти хотя бы шоколад.

В согнутом положении грудь болела еще больше. Нужно ею заняться. Немедленно. Он снял с полицейского брючный ремень, стащил с себя обе рубашки. По телу хлестнул дождь. Ремнем Рэмбо туго перетянул грудь. Боль перестала быть режущей, теперь его грудную клетку распирало. Дышать было трудно, зато двигаться стало легче.

Он оделся — теперь можно идти за Тислом. Съестное у них в скале, решил он. Если Тисл захочет спуститься со скалы как можно быстрее, там-то он его и настигнет. Возможно, он успеет встретить Тисла внизу. Рэмбо быстро повернул направо и вскоре наткнулся на второе тело.

Это был старик в зеленом. Но почему он оказался так далеко от обрыва? На его поясе со снаряжением не было ни револьвера, ни пистолета, зато висел охотничий нож и патронная сумка, а в сумке пища. Мясные палочки. Целая пригоршня. Такие обычно называли охотничьей колбасой. Он начал быстро есть, почти не пережевывая, но спохватился, что так нельзя. Пищи мало, и нужно использовать ее с большим толком.

Глава 12

Тисл сжал кулак, раскрыл, снова сжал. Пальцы, ободренные о зубы Митча, распухли, но губы Митча распухли куда больше. Митч попытался встать, но его не держали ноги, и он с плачем упал.

— Не надо было бить его так сильно, — сказал Шинглтон.

— Как будто я сам не знаю.

— Вы же боксер высшего класса. Совсем не обязательно было его так сильно бить.

— Я сказал, что сам знаю. Его вообще не нужно было бить. Оставим это.

— Но вы взгляните на него. Он даже стоять не может. Как он теперь пойдет?

— Неважно. У нас есть и проблемы посерьезнее. Винтовки, радио — все смыто с обрыва.

— У нас есть револьверы.

— Дальнобойность у них какая? Никакая. Против винтовки-то? Как только рассветет, парень может перещелкать нас с расстояния в милю.

— Если только не уберется отсюда, воспользовавшись бурей, — сказал Уорд.

— Нет. Нужно исходить из того, что он от нас не отстанет. Мы вели себя и так слишком беспечно. Теперь же обязаны рассчитывать на худшее. Даже если он не появится, с нами покончено. Ни пищи, ни снаряжения. К тому же смертельно устали. Хорошо, если хоть ползком сможем вернуться в город.

Он посмотрел на Митча, сидевшего в грязи и стонавшего.

— Помогите мне, — сказал он. Вместе с Уордом они поставили Митча на ноги.

Шинглтон покачал головой.

— Черт знает что. Посмотрите, какие у него тусклые глаза. И вы... Каково вам ночью без рубашки? Вы же замерзнете.

— Об этом не беспокойся. Лучше высматривай Лестера и остальных.

— Да они уже далеко ушли.

— Только не в эту бурю. Видимость никудышная, поэтому прямо они идти не смогут. Они бродят кругами неподалеку, и если мы на них наткнемся, берегись. Лестер и самый молодой из наших так боятся парня, что могут подумать, это он идет, и начнут стрелять. Я видел подобное в Корее.

Дождь подталкивал их в спину, и они осторожно вели Митча, лавируя между деревьями. Сначала его ноги волочились по грязи, потом он немного ожил.

Герой войны, мрачно думал Тисл. Парень сказал, что был на войне, но кто бы ему поверил? Почему он не объяснил все толком?

А разве от этого что-либо изменилось? Поступил бы ты с ним иначе, чем с любым другим?

Нет. Не смог бы.

— Эй, вы дрожите, — сказал Шинглтон.

— Ты лучше смотрел бы по сторонам.

Он напряг зрение, пытаясь разглядеть среди деревьев Лестера и остальных. Если они на самом деле сбились с пути и начнут с перепугу стрелять, виноват в этом только он, Тисл, и никто иной. И вообще, кто такие его люди? Заурядные полицейские в маленьком городишке, обученные бороться с мелкими нарушениями... Надеются, что ничего серьезного не случится, что помощь всегда придет, если они в ней нуждаются, но вот они в диких горах Кентукки, помощи ждать неоткуда, их противник опасный убийца — герой войны! Только Богу известно, каким образом они продержались до сих пор. Он не должен был вести сюда своих людей. Следовало подождать полицию штата. Пять лет обманывал он себя, думая, что его полицейский участок такой же боепособный и дисциплинированный, как в Луисвилле, но теперь ясно, что за эти годы его люди понемногу привыкли к рутине, обросли жиром. Он тоже.

Первый выстрел смешался с громом, и Тисл не был уверен, что в действительности его слышал. Он остановился и посмотрел на остальных.

— Слышали?

— Я не знаю точно, — сказал Шинглтон. — Впереди, кажется. Чуть правее.

Потом три подряд — несомненно, из винтовки.

— Это Лестер, — сказал Уорд. — Но он стреляет не в нашу сторону.

— Не думаю, чтобы он сумел сохранить свою винтовку — мы-то не сохранили, — возразил Тисл. — Это парень стреляет.

Еще один выстрел, опять из винтовки. Он ждал следующего, но его все не было.

— Он обежал кругом и встретил их у трещины в скале, — сказал Тисл. — Четыре выстрела. Четыре человека. Пятым выстрелом он кого-то добил. Теперь пойдет за нами. — Тисл поспешно повел Митча в сторону, противоположную выстрелам.

Уорду это не понравилось.

— Пойдите. Разве мы им не поможем? Нельзя их просто так оставить.

— Кому поможем? Они мертвые.

— И он уже идет за нами, — сказал Шинглтон.

— Можно не сомневаться, — устало подтвердил Тисл.

Уорд смотрел в ту сторону, где стреляли. Потом закрыл глаза: ему стало нехорошо.

Бедняги. Он неохотно подхватил Митча, и они повернули налево, прибавив шагу. Дождь ненадолго приутих, потом хлынул с новой силой.

— Вероятно, парень будет ждать нас у скалы — на тот случай, если мы не слышали выстрелов, — сказал Тисл. — Это даст нам время. Как только он убедится, что нас не бу-

дет, то пойдет искать наш след где-нибудь здесь, но дождь все успеет смыть.

— Значит, мы от него избавимся, — сказал Уорд.

— От него избавимся, — туло повторил Митч.

— Нет. Когда он не найдет наш след, он сделает вот что: побежит к дальней части скалы, стараясь опередить нас.

— Ну, тогда мы должны оказаться там первыми, не так ли? — сказал Уорд.

— Первыми, не так ли, — эхом отозвался Митч. Он шатался. У Уорда это получилось легко, а у Митча прозвучало как шутка. Тисл нервно рассмеялся.

— Да, черт возьми, мы должны оказаться там первыми, — сказал он, глядя на Шинглтона и Уорда, радуясь их самообладанию. Вдруг он подумал, что, быть может, все еще обойдется...

Глава 13

К шести дождь перешел в крупный град, и пришлось спрятаться под дерево. Тисл рвался как можно скорее продолжить путь, но он знал, что это безумие: такие здоровые градины могли убить человека. Однако чем дольше они просидят, съезжившись под этим деревом, тем больше у парня будет времени и возможностей их нагнать. Надежда была лишь на то, что и ему придется где-то пережить град.

Тисл оглядывался по сторонам, готовый каждую секунду к нападению, но вот наконец град прекратился, немного посветлело, утих ветер — и они устремились вперед. Теперь, когда стало тихо, их шаги раздавались на всю округу — сигнал для парня.

— Это плато когда-нибудь кончится? — пожаловался вслух Шинглтон. — Мы прошли уже несколько миль.

— Миль, — отозвался Митч. — Миль. Миль. Миль. — Он опять подволакивал ноги.

Вскоре он весь обмяк, и Уорд его дернул. Вдруг Уорд сам дернулся и упал на спину. Под деревьями раскатился треск винтовочного выстрела. Уорд лежал на спине и сучил ногами в предсмертной агонии. Оттуда, где лежал Тисл, ему было видно, что Уорд получил пулю в середину груди. Тисл удивился, обнаружив, что лежит на земле. Он не помнил, как бросился вниз — совершенно автоматически. И как пистолет выхватил, не помнил.

Иисусе, теперь и Уорд мертв. Он хотел подползти к нему, но что толку? А как Митч? Неужели и он? Митч неподвижно лежал в грязи, будто его тоже подстрелили. Но нет, глаза открылись. То и дело моргая, он смотрел на дерево.

— Ты видел парня? — прошептал Тисл, обращаясь к Шинглтону. — Ты видел, откуда он стрелял?

Никакого ответа. Шинглтон лежал, вжавшись в землю, глядя прямо вперед. Его лицо осунулось.

Тисл тряхнул его.

— Отвечай, когда я спрашиваю. Очнись наконец!

Шинглтон очнулся. Развернувшись, как пружина, он поднес кулак к лицу Тисла.

— Убери от меня свои грязные лапы!

— Я спросил, ты видел его?

— Я сказал, нет.

— Ты н и ч е г о не сказал!

— Не сказал, — тупо повторил Митч.

Оба посмотрели на него.

— Быстро, помоги мне, — произнес Тисл, и они потащили его к небольшой впадине, окруженной кустами. Впадина была полна дождевой воды, и Тисл медленно опустился в нее, грудью и животом чувствуя холод.

Его руки дрожали, когда он проверял пистолет — убедился, что вода не залилась в дуло. Он знал, что нужно делать сейчас, ему было страшно, но выбора у него не было. Он знал, что если будет думать об этом слишком долго, то ничего не сможет сделать.

— Оставайся здесь с Митчем, — сказал он Шинглтону. Во рту у него пересохло от волнения. — Если кто-нибудь выйдет из этих кустов и не скажет сразу, кто это, стреляй.

— Что вы имеете в виду — остаться здесь? Куда...

— Вперед. Если мы попытаемся бежать назад, по собственным следам, он просто пойдет за нами. Попробуем кончить все, не сходя с места.

— Но его учили таким боям.

— Меня тоже обучали в Корее ночному патрулированию. Это было двадцать лет назад, но я еще не все забыл.

— Мы можем подождать его здесь. Он обязательно придет.

— Да, подкрадется и прикончит нас. Так нельзя. Ты же сам только что сказал, что он обучен таким боям. Как раз на это я рассчитываю. Он не ожидает, что я пойду к нему и буду играть по его правилам. Он думает, что я буду убежать, а не нападать.

— Тогда я пойду с вами.

— Нет. Митча нельзя оставлять одного. К тому же вдвоем мы наделаем слишком много шума.

Он пополз в лес.

Да чего там, думал Тисл, Шинглтон все равно не поймет, почему он должен сделать это сам. Не Шинглтон, а он был во главе и допустил ошибки, из-за которых погибли Орвал, и Лестер, и самый молодой полицейский, и Уорд, и Голт, и двое в вертолете, и все остальные. Откуда же знать Шинглтону, что он больше никого не хочет подставлять вместо себя? На этот раз будут только он и парень, и боль-

ше никого — так, как в самом начале, — и если случится ошибка, отвечать будет только он.

Опять стемнело, но уже не из-за густых черных туч и дождя. Просто наступил вечер. Снова похолодало, уже по-ночному, но лицо ползущего Тисла было покрыто потом.

Это был страх. Адреналин в крови. Ему ужасно хотелось повернуть и бегом вернуться назад, но он заставил себя ползти. Если он упустит свой шанс с парнем, то не потому, что боится смерти. Нет, он ее не боится. Он задолжал Орвалу. И остальным.

Потом, много позже, когда стало совсем темно, а сил почти не осталось, Тисл повернул обратно и опять долго полз, все так же внимательно вглядываясь в каждую тень, вслушиваясь в каждый звук.

Он чуть не забыл сообщить Шинглтону, что это он возвращается. Вот было бы смешно. Рисковать, выслеживая парня, и получить пулю от своего.

— Это я, — прошептал он. — Это Тисл.

Ему никто не ответил.

Я шептал слишком тихо, и он меня не услышал, подумал Тисл.

— Это я, — повторил он громче. — Это Тисл. — Ему опять никто не ответил, и он понял: что-то случилось.

Он описал полукруг и приблизился к впадине с другой стороны. Да, что-то, несомненно, случилось. Шинглтона нигде не было, а Митч лежал спиной к воде, его горло было перерезано, кровь еще чуть-чуть дымилась на холоде. Шинглтон. Где Шинглтон? Возможно, он устал ждать и тоже отправился за парнем, оставив Митча, а парень появился здесь и тихонько перерезал Митчу горло. Парень, вдруг понял Тисл, парень должен быть очень близко. Он пригнулся, быстро поворачиваясь, и чуть не закричал: Шинглтон, вернись, Шинглтон! Глядя в противоположные стороны, они вдвоем могли бы заметить парня, прежде чем тот на них нападет. Шинглтон, хотелось ему крикнуть, Шинглтон!

Вместо того Шинглтон крикнул ему откуда-то справа.

— Берегись, Уилл, он меня сломал! — Крик был оборван винтовочным выстрелом, и больше Тисл уже не мог выдержать. У него случился нервный срыв, он побежал, не разбирая дороги, что-то на ходу выкрикивая. Трещина в скале, только об этом он теперь и мог думать. Скала, скала.

Глава 14

Он выстрелил в Тисла, но света было мало, а деревья стояли густо, к тому же Шинглтон схватился за винтовку, и пуля пошла низом. Очень странно, что Шинглтон был еще жив. Он получил пулю в голову. Ему не должно было хватить сил на то, чтобы приподняться с земли и дернуть за винтовку. Стреляя в

него вторично, Рэмбо невольно почувствовал восхищение — теперь уж Шинглтон точно был мертв.

Он сразу же бросился за Тислом. Тисл определенно направляется к той самой трещине в скале, и Рэмбо хотел его опередить. Но он бежал не совсем по следам Тисла — тот мог передумать и залечь где-нибудь в засаде, — а параллельно.

Он его проморгал. Вынырнув из леса, Рэмбо опустился на колени, выжидая — ему был виден вход в расщелину. Но тут он услышал тяжелое дыхание внизу и, подбежав к краю, успел заметить, как Тисл прыжками преодолевает последние футы расщелины и быстро скрывается внизу за выступом скалы. Он увидел также тела четырех полицейских. Они лежали у подножия, где он их и застрелил, и он понял, что его собственное положение не из лучших. Сейчас преимущество было за Тислом. Если он начнет вслед за ним спускаться по расщелине, то станет такой же легкой мишенью для Тисла, какой были для него четверо полицейских.

Он очень хорошо знал, что Тисл не будет стоять внизу и ждать его всю ночь. Тисл уйдет, а он, Рэмбо, останется наверху, чтоб не рисковать. Нужно найти другой путь вниз.

Он побежал назад, к тому месту, где убил Шинглтона, миновал его тело и продолжал бежать туда, где, как он надеялся, эта огромная скала должна переходить в лощину. Так и оказалось. Через полчаса он уже был в лощине.

Тогда он повернул в ту сторону, где, по его расчетам, находился Тисл. Заморосил мелкий дождь. Когда упали первые капли, он увидел примятую траву. Вскоре он услышал, как далеко впереди кто-то пробирается через кусты. Рэмбо бежал, периодически останавливаясь, чтобы прислушаться: рано или поздно Тисл устроит ему засаду, но пока его слышно, можно ни о чем не беспокоиться. Ремень, которым он стянул ребра, ослаб, и Рэмбо, преодолевая боль, подтянул его. Он бы махнул на все рукой, но Тисл был в пределах досягаемости, и его еще предстояло взять наизморочку. Бежать было очень-очень больно...

Глава 15

Вверх — вниз, вверх — вниз, — местность была сильно пересеченная. От дождя камни сделались скользкими, и Тисл часто падал. Но ничего, он поднимется на этот холмик и увидит, сколько еще идти. Парень, наверное, где-то поблизости, тоже поднимается по этому склону, и Тисл подумал, не выстрелить ли вслепую, чтобы ненадолго его отпугнуть. Но нет, нельзя — вспышка укажет парню, куда стрелять.

Вот гребень. Сейчас. Сейчас можно стрелять. Он сделал шесть выстрелов в ту сторону, где, как он слышал, передвигается парень, и бросился на землю. Конечно, он не по-

пал, прозвучал ответный выстрел. Теперь парень карабкался слева. Он выстрелил туда и побежал вниз, по склону с противоположной стороны.

Упал, поднялся, опять упал, и уже не было сил встать. Лежал задыхаясь, но время шло, и постепенно дыхание успокоилось. Посыпались камни, это шел парень. Тисл поднялся на колени, потом на ноги — и тут обнаружил, что, сбегаая с гребня, потерял пистолет. Уже нет времени за ним идти. К тому же темно.

Пошатываясь, он шел дальше, как ему казалось, кругами, уже подгибались колени, а глаза заволокло какой-то мутью.

Глава 16

Еще несколько минут, и он его возьмет. Судя по звукам, человек впереди быстро теряет ориентировку. Даже дыхание Тисла можно было слышать, так близко они находились друг от друга. Тисл заставил его побегать, это уж точно. Он рассчитывал взять его несколькими милями раньше, а гонка все продолжается. Но ничего. Скоро все будет кончено.

Сломанные ребра не позволяли бежать быстро, но Тисл тоже сбавил скорость, так что ничего страшного. Вдруг Рэмбо споткнулся и упал. Раньше с ним такого не случалось. А впрочем, случалось... Все дело в том, что уже некоторое время он вынужден прижимать руку к тому месту, где болело, — из-за дождя ремень опять ослаб. Это нарушало равновесие при беге, и боль, которой рука мало помогала, подтачивала силы... Возможно, он не сразу поймает Тисла. Но все равно это произойдет очень скоро.

Неужели он произнес всё вслух?

Большая колючая ветка хлестнула его по лицу. Он знал, что это уже не дождь стекает по его лбу и щекам. Но какое это имеет значение? Впереди, совсем близко, Тисл. Еще чуть-чуть... Он свернул влево, вдоль края зарослей куманики, ожидая, что эта дорога приведет его на дно оврага, где он сможет отдохнуть, ожидая Тисла. В темноте он не увидит, как удивится Тисл, когда он в него выстрелит.

Но он шел и шел вдоль зарослей куманики, а они все не кончались. Он подумал, уж не покрывают ли они весь этот склон. Пять минут, десять, пятнадцать, двадцать — он зря тратил время, нужно было сразу идти за Тислом, а не делать этот полукруг.

Вернуться. Может быть, по другую сторону гребня эти заросли не так обширны, может быть, там они сползают вниз. Он повернул назад и ускорил шаги, прижимая руку к груди и постанывая. Но куманике не было конца. Когда он споткнулся и упал, то остался лежать лицом в грязной от дождя траве.

Потерял. Потратил столько времени и сил — и потерял.

Болезненно исцарапанное куманикой лицо. Ребра горели огнем, одежда была изодрана в лохмотья. На него сеял мелкий дождь, он лежал совершенно неподвижно и впервые с времен детства плакал.

Глава 17

В любую минуту парень мог появиться из зарослей куманики и броситься на него. Тисл пробирался на четвереньках и ни о чем другом не мог думать. Он был на грани истерики. Потом куманика стала ниже и гуще, и ему пришлось ползти, с трудом протискиваясь под нижними ветками. Колючки раздирали одежду и кожу.

Но куда же он ползет? Может быть, описывает круг, возвращаясь к парню? Он остановился, испуганный. Почва полого уходила вниз, наверное, он на склоне холма. Мысли путались, и он ничего не мог придумать. Мерзавец, я выберусь отсюда и убью тебя за это.

Убью за это.

Очнувшись, он понял, что на некоторое время потерял сознание. Сколько он пролежал вот так, беззащитный? Впрочем, парень не стал бы убивать его во сне. Он бы обязательно его разбудил, чтобы Тисл знал, что происходит. Темнота перестала быть крошечной, постепенно стало сереть, и Тисл увидел вокруг колючки куманики с дюйм длиной. Провел рукой по спине — там засело множество колючек, дикобраз да и только. Он смотрел на свою залитую кровью руку и думал: что, если парень уже давно за ним наблюдает?

Потом все смешалось в его голове. Над ним сияло солнце, и сквозь ветки куманики он увидел ярко-голубое небо и засмеялся. Над чем ты смеешься?

Смеюсь? Я даже не помню, как перестал дождь, а тут же чистое небо и день. Он опять засмеялся, смутно сознавая, что с ним что-то не в порядке. Но это тоже было смешно, и он продолжал смеяться. Потом пополз в ту сторону, куда лежал головой. Он был уже футах в десяти от заросшей куманики, на вспаханном в зиму поле, когда осознал, что выбрался. Попытался встать на ноги — и не смог. Опять пополз.

Прошло много времени, прежде чем он в очередной раз протянул руку вперед и чего-то коснулся. И не сразу понял, что это такое.

Проволока.

Он поднял голову — проволоки было много. Изгородь. И, боже милостивый, за изгородью нечто столь прекрасное, что он не сразу поверил в реальность увиденного. Придорожная канава. Щебеночная дорога. Он смеялся, просовывая голову между туго натянутой колючей проволокой, снова обдираясь и не замечая этого, он смеялся, падая в канаву.

Там была вода. Он упал на спину, вода залилась ему в уши, потом стал карабкаться вверх, к дороге, скользя вниз, цепляясь и подтягиваясь наверх, опять соскальзывая — и вот одна рука коснулась дорожной щебенки. Он не чувствовал на ощупь щебенку. Видел — да. Смотрел прямо на нее и видел. А почувствовать не мог.

Парень — бслее сильный боец, вдруг подумал он. Но я умею... организовывать.

За Орвала.

За Шинглтона, и Уорда, Митча, и Лестера, и самого молодого полицейского, за всех них.

За себя.

Я уничтожу этого мерзавца.

Тисл лежал на краю дороги и повторял это снова и снова, потом сказал то же самое человеку из полиции штата, который пытался поднять его, шепча «Боже мой», но не смог и побежал к машине — вызвать по радио помощь.

ЧАСТЬ III

Глава 1

Была ночь. Тисл сидел в кузове грузовика под брезентовым навесом и смотрел на большую карту, прикрепленную к одному из бортов. Горела только маленькая электролампа, висевшая у карты. Рядом с картой, на столике, был громоздкий приемопередатчик.

Радист сидел в наушниках.

— Грузовик национальной гвардии номер двадцать восемь занял позицию, — сказал он полицейскому. Тот кивнул и воткнул в карту еще одну красную булавку — на южной стороне. К востоку желтые булавки показывали расположение сил полиции штата. Черные булавки на западе обозначали полицию из близлежащих городков и округов; белые булавки к северу представляли полицейские подразделения Луисвилла, Фрэнкфорда, Лексингтона, Боулинг Грина и Ковингтона.

— Неужели вы собираетесь просидеть здесь всю ночь? — спросил кто-то у Тисла. Тисл повернул голову — это был Керн, капитан полиции штата. — Поезжайте домой и поспите, хорошо? — продолжал Керн. — Врач посоветовал вам отдохнуть, а здесь все равно в ближайшее время ничего серьезного не произойдет.

— Не могу.

— Почему?

— Репортеры ищут меня дома и на службе. Лучший отдых, который я могу себе придумать, — это не проходить через все заново вместе с ними.

— Скоро они вас и тут найдут.

— Нет. Я велел вашим людям у дорожных заграждений не пропускать их.

Керн пожал плечами.

— Врач перевязывал вам лицо и руки бесконечно долго, наверняка такое захватывающее зрелище он видит впервые в жизни. Что это за темное пятно у вас на рубашке? Неужели опять открылось кровотечение?

— Какая-то мазь, он слишком густо намазал. Под одеждой у меня тоже повязки. Те, что на ногах, такие тугие, что я с трудом хожу. — Он заставил себя улыбнуться, как если бы тугие повязки были всего лишь неудачной шуткой со стороны врача. Он не хотел, чтобы Керн понял, как ему плохо, так сильно кружилась голова.

— Боли есть? — поинтересовался Керн.

— Раньше болело меньше, до того, как он меня туго перевязал. Он дал мне таблетки, велел принимать каждый час.

— Помогают?

— Вполне. — Это прозвучало как нужно. С Керном приходилось говорить осторожно, преуменьшая боль, но не настолько, чтобы тот перестал ему верить и насильно вернул в больницу. Раньше, когда Тисл лежал в больнице, Керн негодовал на него за то, что он пошел в лес, не дождавшись полиции штата. «Это моя юрисдикция, и вы полезли без спроса — теперь сидите здесь и не суйтесь!» — сказал Керн. Тисл молча стерпел это, давая Керну выпустить пар, но потом постепенно убедил Керна в том, что вдвоем будет легче организовать столь масштабный поиск. Был и еще один аргумент, который Тисл не использовал, но знал, что Керн сам успел об этом подумать: сейчас может погибнуть не меньше людей, чем вначале, так что будет лучше с кем-нибудь поделить ответственность.

Мимо погромыхивали грузовики, большие грузовики, в которых, как знал Тисл, сидели солдаты. Завопила сирена, быстро приближаясь в их сторону, и Тисл был рад, что можно перевести разговор на другую тему.

— «Скорая помощь»? Для кого?

— Еще одного из гражданских подстрелили.

Тисл покачал головой.

— Они прямо умирают от желания помочь.

— «Умирают» — то самое слово.

— Что случилось?

— Глупость. Группа гражданских добровольцев ночевала в лесу, чтобы быть с нами с раннего утра. Они услышали в темноте шум и решили, что это парень к ним подбирается. Схватили свои винтовки и пошли выяснять. И конечно, разбрелись в разные стороны, потому что порядка у них никакого. А потом один из них принял другого за парня и начал стрелять. Тот стал стрелять в ответ. Подключились остальные — хорошо еще, никто не погиб, только ранен.

Тисл зажег сигарету — ее трудно было держать перевязанными пальцами.

— Эти гражданские нам все испортят. Надо было все держать в секрете.

— Моя вина. Есть один репортер, который часто заходит в мой кабинет, — он слышал наши разговоры еще до того, как я приказал своим людям молчать. Теперь они гонят отсюда всех посторонних.

— Ну да, а эти типы в лесу могут опять чего-нибудь испугаться и обстрелять ваших людей. И вообще вам никогда не удастся отогнать отсюда всех до одного. Завтра утром по всем этим холмам будут шататься гражданские. Вы же видели, что они заполнили город. Их слишком много, ими невозможно управлять. И это еще не самое плохое. Вот погодите, появятся профессионалы.

— Какие профессионалы? Кого вы имеете в виду?

— В действительности они любители, но называют себя профессионалами. Люди, которые стекаются в любое место, где идет розыск. Я таких много повидал. Им все равно, кого искать, за кем гнаться, важен сам процесс. Дело в том, что такие люди никогда не сотрудничают с тем, кто стоит во главе. Они любят организовать собственные группы и идти своим путем, идти туда, где им кажется интереснее всего, оставляя неисследованными целые участки...

Вдруг сердце у Тисла затрепетало, остановилось на мгновение, потом сильно заколотилось. И он, задыхаясь, схватился за грудь.

— В чем дело? — спросил Керн. — Вы...

— Все хорошо. Я в порядке. Просто нужно принять еще одну таблетку. Врач предупреждал, что такое может случиться. — Это было неправдой. Врач ничего подобного не говорил, но уже во второй раз сердце угрожало ему отказать. В первый раз таблетка помогла, вот и сейчас он торопливо проглотил еще одну. А Керн ни в коем случае не должен знать, что у него что-то с сердцем.

Керн помолчал, внимательно глядя на Тисла.

— Так что сейчас с вами было?

— Ничего. Врач сказал, переутомление.

— У вас лицо было серое, как рубашка.

Мимо проехало еще несколько грузовиков, и этот шум позволил Тислу помедлить с ответом. Потом к Керну подъехала патрульная машина, так что отвечать вообще не пришлось.

— Мне, наверное, пора ехать, — неохотно сказал Керн. Он сделал шаг к машине, заколебался, повернулся. — Вы хотя бы легли на эту скамью и поспали, пока меня нет. Сколько ни изучайте карту, она вам не скажет, где сейчас парень. А утром, к началу действий, вам нужно быть в хорошей форме.

— Если устану, лягу. Я хочу удостовериться, что все в точности займут свои позиции. В холмы я с вами пойти не

смогу, сил не хватит, значит, должен пригодиться в чем-то другом.

— Подразделение полиции штата девятнадцать заняло позицию, — проговорил радист, и Тисл судорожно затанулся сигаретой, глядя, как полицейский втыкает желтую булавку в восточной части карты.

Глава 2

Карта почти не содержала подробных деталей. Эти дикие холмы никто никогда толком не исследовал. Коммуникационный грузовик Тисла стоял в нижней части дуги южной дороги. Здесь Тисла нашел полицейский штата, и поскольку парень был где-то неподалеку, с этого места и управляли розыском.

Радист сказал Тислу:

— Вертолет приближается. Они что-то говорят, но я пока не разберу.

— Наши два только что вылетели. Возвращаться им еще рано.

— Может, что с двигателем.

— Или он вообще не наш. Возможно, еще одна съемочная группа с телевидения. Если так, они не должны приземляться.

Радист вызвал вертолет, но ответа не получил. Потом Тисл услышал грохот приближающихся лопастей и, неловко поднявшись со скамьи, пошел к открытому заднему борту грузовика. Вертолет ощупывал прожектором вспаханное поле. Не так давно Тисл полз по этому полю.

— Они зависли, — сказал Тисл радисту. — Попробуйте еще. Скажите, чтобы не садились.

Но вертолет уже опустился на землю, шум лопастей постепенно затих. В кокпите зажегся свет, оттуда вылез мужчина, и когда он шел через поле, уверенный, прямой и гибкий, Тисл, еще не разглядев одежду, понял, что это не репортер и даже не полицейский штата, возвращающийся из-за неполадок с двигателем. Это был человек, которого он специально вызвал.

Он медленно слез с грузовика и, хромя, подошел к краю дороги. Мужчина приблизился к проволочной изгороди.

— Извините, я уже всю линию облетел, ищу одного человека. Может быть, он здесь, Уилфреда Тисла.

— Это я.

— А я Сэм Траутмэн. Я прилетел по поводу моего мальчика.

Мимо прошли еще три грузовика национальной гвардии, и в свете фар Тисл разглядел форму Траутмэна, знаки различия капитана, его зеленый берет, аккуратно заткнутый за ремень.

— Вашего мальчика?

— Не совсем, пожалуй. Я не сам его обучал. Это делали

мои люди. Но я обучал людей, которые обучали его, так что в некотором смысле он мой. Он сделал еще что-нибудь? Последнее, что я слышал, это что он убил тринадцать человек. — Мужчина проговорил все это ясно, отчетливо, без лишних эмоций, но тем не менее Тисл услышал нечто знакомое: по ночам на участке так говорили отцы, шокированные и пристыженные тем, что натворили их сыновья.

Но тут все было посложней. В голосе Траутмэна звучало и другое, необычное в подобной ситуации. Тисл не сразу это понял, а поняв, удивился.

— Похоже, вы им гордитесь, — сказал Тисл.

— Да? Очень жаль. Я вовсе не намерен им гордиться. Просто он лучший из всех учеников, которых когда-либо выпустила наша школа, и если он допустил ошибку в боевых действиях, значит, в нашей школе не все ладно.

Он показал рукой на изгородь из колючей проволоки и начал перелезать через нее с той же плавной экономностью движений, с которой вылезал из вертолета и шел через поле. Преодолев изгородь, он оказался совсем близко к Тислу, и Тисл увидел, как плотно облегает его тело военная форма — ни складки, ни морщинки. В темноте его кожа отливала свинцом. У него были короткие черные волосы, зачесанные назад, тонкое лицо, острый подбородок. Подбородок немного выдавался вперед, делая этого человека похожим на маленького хищника — ласку, что ли? Ему вспомнились кадровые офицеры в Корее, профессиональные убийцы, люди, бывшие на «ты» со смертью. Тислу всегда хотелось держаться от них подальше. Может, напрасно он вызвал сюда этого человека?

— Вы прилетели раньше, чем я ожидал, — сказал Тисл. — Спасибо. Нам очень нужна помощь.

— Верно, помощь вам нужна, — ответил Траутмэн. — Честно говоря, и без вашей телеграммы я бы приехал сюда. Он уже не служит в армии, это строго гражданское дело, но все же я чувствую себя отчасти ответственным. Однако запомните вот что: участвовать в этой бойне я не буду. Я помогу только в том случае, если все будет делаться должным образом. Его нужно поймать, а не просто убить, не дав ему ни малейшего шанса. Да, он может погибнуть, но я не хотел бы думать, что это главная цель операции. Мы единодушны в этом вопросе?

— Да. — Тисл говорил правду. Он вовсе не хотел, чтобы парня разорвало на куски где-нибудь в холмах, да еще в его отсутствие. Нет, он хотел, чтобы мерзавца притащили вниз, чтобы можно было видеть все, что с ним потом делают.

— Ну, тогда хорошо, — кивнул Траутмэн. — Хотя я не уверен, что от моей помощи будет какой-то прок. Думаю, никто из ваших людей не сможет подобраться к нему достаточно близко, чтобы хотя бы увидеть его, уж не говорю —

поймать. Он намного хитрее и сильнее, чем вы можете себе представить. Как получилось, что он не убил и вас? Не понимаю, как вам удалось от него уйти...

Опять он это услышал — смесь гордости и разочарования.
— Вы сожалеете, что мне это удалось?

— Ну, в некотором смысле это так и есть, но не стоит обижаться. Строго говоря, он не должен был допустить этот промах. С его-то навыками. Если бы вы были врагом, которого он упустил, это могло иметь серьезные последствия, и я хотел бы знать, почему так получилось: возможно, в этом есть кое-что поучительное для моих людей. Расскажите, как вы планировали розыск. Как вам удалось так быстро мобилизовать подразделения национальной гвардии?

— У них были запланированы на уик-энд военные игры. Все снаряжение было готово, оставалось только вызвать людей на несколько дней раньше.

— Но это гражданский командный пост. А где армейский штаб?

— Дальше по дороге, в другом грузовике. Но офицеры позволяют нам отдавать приказы. Они хотят знать, как их люди справятся с этим без них, и поэтому только наблюдают, как это принято в военных играх.

— Игры, — сказал Траутмэн. — Господи, все любят во что-то играть. Почему вы думаете, что он еще где-то здесь?

— Потому что все дороги, ведущие с холмов, были под наблюдением с тех самых пор, как он туда поднялся. Он бы не смог выбраться оттуда незамеченным. А если и смог, я бы это почувствовал.

— Что?

— Это трудно объяснить. У меня выработалось какое-то дополнительное чувство после всего, через что я из-за него прошел. Он там, я в этом не сомневаюсь. И утром я зашел туда столько людей, сколько там деревьев.

— Это невозможно, поэтому преимущество останется за ним. Он специалист по партизанским боям, умеет кормиться с земли, вам же придется доставлять своим людям пищу. Если удастся, он спрячется где-нибудь и будет пережидать целый год. Он ведь один, а одинокого человека трудно найти. Ему не нужно выполнять приказы, согласовывать свои действия с другими подразделениями, поэтому он может быстрее передвигаться, сделать несколько выстрелов и сразу уйти, чтобы повторить это в другом месте. Его учили мои люди.

— Прекрасно, — сказал Тисл. — Теперь вы научите меня.

Глава 3

Рэмбо проснулся в темноте на большом плоском камне. Он проснулся от боли в груди. Это место распухло так сильно, что пришлось

ослабить ремень, при каждом вдохе сломанные ребра пронизывала боль, и он морщился.

Он не знал, где находится. Судя по всему, была ночь, но он не понимал, почему тьма такая крошечная, почему не мерцают звезды или не отсвечивают слегка тучи. Руками он нащупал стены влажной скальной породы. Пещера, удивился он. Я в пещере. Но как я сюда попал? Он начал выбираться из пещеры.

Снаружи была кристально ясная ночь, яркие звезды, луна, внизу отчетливо различались очертания деревьев и камней. Он не знал, как долго пролежал в пещере, как туда забрался. Последнее, что он помнил, это как на рассвете карабкался вверх от того места, где лежал в куманике, потом шел по лесу, пил из ручья. Он тогда специально лег в ручей, чтобы смыть усталость, а сейчас он у входа в пещеру и уже наступила ночь.

Очень далеко внизу были огни, сотни ярких точек, они гасли и зажигались вновь, передвигались, большей частью желтые и красные. Машины на дороге, подумал он, возможно, там шоссе. Но огоньков было уж очень много для обычного шоссе. Постепенно их движение прекратилось, они остановились, образовав цепь слева направо от него на расстоянии примерно две мили. Он мог ошибиться, что касалось расстояния, но теперь знал точно, что огни имеют отношение к нему. Тисл, подумал он, это Тисл за мной охотится.

Он услышал вертолет — слева, далеко, за ним еще один, а потом вертолет справа и еще несколько... Ветер донес лай собак, а вместе с ним отдаленное гудение мощных грузовиков. Если огни горят, моторы должны работать вхолостую, подумал он. Попытался сосчитать огни, но сбился и лишь прикинул, сколько же это людей, если в каждом кузове может поместиться двадцать пять — тридцать человек. Получалось много. Тисл хочет бить наверняка, он собрал все, что смог.

Но Рэмбо уже не хотел с ним воевать. Он был ранен и мучился от боли, а гнев в нем угас. Он убил столько людей, потратил столько сил и времени на собственное спасение — но не победил. Как все глупо и бессмысленно, подумал он. И почувствовал себя совершенно опустошенным. Зачем все это? Надо было воспользоваться бурей и уйти.

Ну, теперь он уйдет. У него был бой с Тислом, честный бой, и Тисл остался жив. На этом поставим точку.

Он тут же понял, что это будет не так просто сделать. Ибо причиной дрожи во всем теле, которую он чувствовал с момента пробуждения, был не ночной холод. По спине пробежала волна жара, затем лицо покрылось потом. Это лихорадка. И очень сильная, иначе бы ему не было так плохо. Он болен. Если он станет пробираться сейчас через эту линию огня, то свалится где-нибудь по дороге. Ему и стоять-то трудно. Тепло — вот что нужно в первую оче-

редь. И укрытие, место, где можно выгнать с потом лихорадку и дать отдохнуть ребрам. И пища — он не ел с тех пор, как нашел на теле старика, смытого с утеса, сушеное мясо.

Он пошатнулся и был вынужден опереться рукой о камень у самого входа в пещеру. Ну, вот и ладно, сойдет пещера, у него все равно нет сил искать что-либо получше. Он так быстро слабел, что не был уверен, успеет ли оборудовать пещеру.

Спустившись к деревьям, очертания которых видел сверху, он стал отбирать пышные, мягкие ветки, которые было легко отломить. От каждого дерева брал только одну, чтобы не оставлять заметного следа. Ветки отнес в пещеру — теперь идти было очень трудно, и он спотыкался.

Потом пришлось спуститься за сухими листьями и валявшимися на земле обломкам мертвого дерева. Их он запихивал в шерстяную рубашку, листья нес в руках — огромной охапкой. Потом в два приема перетащил все это в глубь пещеры.

Пол здесь был сырой, он поспешно разбросал сухие листья и куски дерева и поджег листья спичками, которые дал ему старик в лесу. Спички с тех пор промокли под дождем и в ручье, но успели высохнуть, пока он спал.

Дерево было такое старое, что почти не дымило, а тот дым, который все же появлялся, уносил током воздуха дальше в туннель. Подрагивая, Рэмбо протянул руки к огню и стал рассматривать тени на стенах пещеры. Он ошибся, это была не пещера — и он видел это сейчас вполне отчетливо. Когда-то, очень давно, здесь был рудник.

Ощущения безопасности не было. Если он нашел вход в рудник, то и другие найдут. Завтра они придут сюда, он не должен расслабляться, надо сохранить чувство времени и уйти еще до утра. Судя по луне, было около одиннадцати часов. Он успеет отдохнуть. Ну да. Он отдохнет и уйдет.

Костер согревал и успокаивал. Рэмбо положил рядом с ним хвойных веток, сделав что-то вроде матраса, потом лег на него боковой стороной к огню. Кое-где иглы покалывали через одежду, но тут уж ничего нельзя было поделать: хвойный «матрас» был ему необходим на этом сыром полу.

Только теперь, лежа, он вспомнил о том, что необходимо сделать: проверить, не виден ли свет снаружи. Добыть пищу. Что еще? Он встал и вышел из пещеры, у самого выхода пошатнулся и чуть не упал: сильно кружилась голова.

Первый винтовочный выстрел грохнул где-то внизу справа. Сразу за ним последовали еще три. Было слишком темно, и выстрелы звучали далеко — значит, целью был не он. Донесли еще три выстрела, потом завывла сирена. Какого черта? Что там происходит?

Пища. Вот о чем нужно подумать. Пища. Он уже знал, как ее возьмет. Когда он первый раз вышел из пещеры, боль-

шая сова снялась с дерева, но через несколько минут вернулась. Сейчас смутный силуэт этой птицы уже дважды совершил в темноте свой полет. Совы опять не было на дереве. Он ждал, когда она вернется.

Далеко справа опять прозвучали выстрелы. Почему, интересно? Он стоял, подрагивая, и с недоумением ждал. По крайней мере его выстрел сольется с теми и не привлечет к себе внимания. Ночью целиться всегда трудно, но со светящейся краской, которую старик нанес на прицел, у него есть шанс. Он ждал, мучаясь от жуткого голода, но вот наконец раздался одинокий и едва слышный хлопок крыльев. Подняв глаза, Рэмбо увидел стремительно приближающийся силуэт. Сова села на дерево. Раз, два, он вскинул винтовку к плечу, целясь в темное пятно. Три, четыре, он напряг мышцы, чтобы унять дрожь. Ка-ранг! Отдача болью полоснула по ребрам, он без сил прислонился к скале, думая, что мог промахнуться, а сова улетела бы от него, но увидел, как темное пятно шевельнулось. Потом мягко упало с дерева и, задев ветку, слилось с черной землей.

Собрав остатки сил, он вернулся в пещеру, лег, рассмотрел сову. Старая, решил он, жесткая.

А почему где-то там стреляли, он так и не понял.

Глава 4

Машина «Скорой помощи», завывая сиреной, промчалась мимо коммуникационного грузовика, за ней прошли три грузовика, полные гражданских, — те громко сетовали, что-то кричали национальным гвардейцам вдоль дороги. За грузовиками следовали две машины полиции штата, которые за всем присматривали. Тисл постоял у обочины, освещаемый фарами, покачал головой и вернулся к коммуникационному грузовику.

— Не известно еще, сколько раненых? — спросил он у радиста.

— Только что сообщили. Один из ихних. Один из наших. Гражданский получил пулю в коленную чашечку, а наш в голову.

— О! — Тисл на мгновение закрыл глаза.

— Санитар сказал, что может не дотянуть до больницы.

— Может, мрачно подумал Тисл. Наверняка не доживет, если учесть, что уже трое суток подряд все складывается далеко не в их пользу. Умрет по дороге.

— Я был с ним знаком? Хотя нет. Погодите. Лучше не надо мне говорить. Среди мертвых уже и так хватает тех, которых я знал. Лучше бы собрали этих пьяниц в одно место, где они больше никого не смогут подстрелить. В грузовиках сидели последние из них?

— Керн думает, что да, но он в этом не уверен.

— Значит, в лесу может оказаться целая сотня.

— Господи, лучше бы это произошло между вами двумя, то-

бой и парнем. Сколько еще людей погибнет, прежде чем все это кончится?

Тислу опять стало хуже, подкашивались ноги, не хватало воздуха, лицо покрылось потом.

— Может, вам лучше подняться сюда и лечь? — посоветовал радист. — А то вы такой белый, что прямо светитесь.

Он слабо кивнул.

— Только не говорите этого при Керпе. Передайте мне свой кофе, хорошо? — Его руки дрожали, когда он заливал две таблетки, а тут как раз вернулся Траутмэн, разговаривавший с национальными гвардейцами дальше по дороге. Он только взглянул на Тисла и сказал:

— Вам нужно лечь в постель.

— Не раньше, чем все это кончится.

— Ну, на это может уйти больше времени, чем вы думаете. Это вам не Корея. Массированная атака хороша, если вам противостоят тоже группа войск — смешается один фланг, а враг-то велик, его издалека видно, и можно вовремя укрепить этот фланг. Здесь это невозможно, потому что мы воюем против одного человека, да еще такого. Малейшая неувязка где-нибудь на одной линии — и он проскользнет совершенно незамеченным.

— Негативного вы назвали очень много. А позитивное что-нибудь можете сообщить?

Он сказал это излишне резко, и когда Траутмэн стал ему отвечать, в его ровном голосе звучали какие-то новые нотки:

— Мне еще нужно уточнить некоторые детали. Я пока не знаю, как вы управляете полицией своего городка, но хотел бы это знать, прежде чем что-либо начну.

Тислу требовалась его помощь, и он поспешил загладить свой промах:

— Извините. Не обращайтесь на меня внимания. Я из-за всего этого сам не знаю, на каком свете нахожусь.

Он чувствовал — начали действовать таблетки. Он не знал, что в ппх, но они несомненно действовали, ибо головокружение проходило. Хотя его не могло не беспокоить то, что периоды головокружения повторялись все чаще и продолжались все дольше. Что же до сердца, то оно успокаивалось, перебоев не было.

Он взялся за борт грузовика, чтобы влезть в кузов, но не хватило сил.

— Вот. Возьмите мою руку, — сказал радист.

С помощью радиста он залез в грузовик, но слишком быстро и чуть было не грохнулся от слабости. Траутмэн поднялся вслед за Тислом с естественной легкостью и остановился, наблюдая за ним. Что-то в недавних словах Траутмэна беспокоило Тисла, но он не мог сообразить, что. Наконец он вспомнил.

— Откуда вы знаете, что я был в Корее?

— Все очень просто. Перед тем как вылететь сюда, я позвонил в Вашингтон, и мне зачитали ваше досье.

Тислу это не понравилось. Совсем не понравилось.

— Я был вынужден это сделать, — продолжал Траутмэн. — И не воспринимайте это как вторжение в вашу личную жизнь. Мне было необходимо понять, что вы за человек, — на тот случай, если вы сами виноваты в этой истории с Рэмбо, если сейчас это прежде всего месть с вашей стороны. Таким образом, я мог бы предвидеть осложнения, которые вы можете спровоцировать. Вы связались с Рэмбо, ничего о нем не зная, даже его имени, это была одна из ваших ошибок. Есть правило, которое мы всегда повторяем, — никогда не вступать в бой с врагом, если не знаешь его так же хорошо, как себя.

— Ладно. Вы знаете, что я был в Корее, — ну, и что дальше?

— Прежде всего это частично объясняет то, что вам удалось от него скрыться.

— Но тут и так все ясно. Я же рассказывал вам, как все было. Я бежал быстрее него, вот и все.

— В том-то все и дело, — Траутмэн усмехнулся. — По идее вы не могли бежать быстрее. Он моложе вас, в лучшей форме, к тому же лучше обучен. — Он помолчал. — Меня интересует следующее: Рэмбо знал, что вы воевали в Корее?

Тисл пожал плечами.

— Медаль припшпилена к стене у меня в кабинете. Он ее видел. Если ему это что-нибудь сказало...

— О, можете в этом не сомневаться. Именно это и спасло вам жизнь.

— Ну, не знаю. Я просто потерял голову, когда он застрелил Шинглтона, и кинулся прочь, как испуганная крыса. — Ему стало легче оттого, что он признался вот так, открыто.

— Конечно, вы потеряли голову и кинулись прочь, — сказал Траутмэн. — Вы давно не участвовали в подобных действиях. На вашем месте кто бы не побежал? Но, понимаете, он от вас этого не ожидал. Он профессионал и, естественно, исходил из того, что человек, заслуживший медаль, тоже профессионал. О, конечно же, не такого класса, как Рэмбо, к тому же потерявший форму, но все же профессионал. Этим он и руководствовался в своих поступках. Вы когда-нибудь видели шахматную партию между любителем и профессионалом? Любитель выигрывает больше фигур. Потому что профессионал привык играть с людьми, которые тщательно продумывают каждый ход, а тут любитель представляет фигуры по всей доске, сам толком не понимая, что делает. Ну и вот, профессионал пытается увидеть в этом какую-то систему, не находит ее, теряется и начинает проигрывать. А в вашем случае произошло следующее: вы бежали вслепую, а Рэмбо следовал за вами, пытаясь вычис-

лить, что бы сделал на вашем месте такой, как он. Он ожидал, что вы заляжете где-нибудь в засаде, и это его задерживало, а когда он понял, что ошибся, было уже поздно.

Радист сильно вздрогнул и повернул к ним побледневшее лицо.

— Что такое? Что случилось? — спросил Тисл.

— Наш человек, которого ранили в голову. Он только что умер.

Конечно, подумал Тисл. Иначе и быть не могло.

— Да поможет ему Бог, — вслух сказал он. — Не знаю иного пути, кроме как охотиться на парня со всей этой массой людей, но больше всего на свете я бы хотел остаться с ним один на один.

— Если бы оказались с парнем один на один, — сказал Траутман, — он бы теперь знал, как вас брать. На прямой. Он бы вас убил, это точно.

— Нет. Потому что я не побегу. Там, наверху, я его боялся. Сейчас не боюсь.

— Напрасно.

— Нет, я учусь у вас — не связываться с человеком, пока его не знаешь. Вы так сказали. Ну так вот, я уже знаю о нем достаточно, чтобы его взять.

— Это глупо. Я вам почти о нем ничего не рассказал. Может, какой-нибудь досужий психиатр и вывел бы целую теорию из того, что его мать умерла от рака, когда он был еще маленьким, что его отец алкоголик, что, когда отец пытался убить его ножом, Рэмбо убежал из дома, захватив лук, выстрелом из которого сам чуть не убил отца. Какую-нибудь теорию в духе Фрейда. Особо выделив при этом, что в доме было голодно и парню пришлось оставить среднюю школу и поступить работать в гараж. Все это звучало бы очень логично и в то же время ничего бы не значило. Потому что мы не берем психов. Мы исследовали его всеми тестами, он такой же уравновешенный человек, как вы или я.

— Но я не сделал убийство своей профессией.

— Конечно. Вы миритесь с системой, которая позволяет другим делать это за вас. А когда они возвращаются с войны, вы не можете вынести исходящий от них запах смерти.

— Поначалу я не знал, что он был на войне.

— Но вы видели, что он ведет себя ненормально, и не очень-то пытались выяснить, почему. Он был бродягой, сказали вы. Кем он еще мог быть? Он добровольно отдал три года войне, которая, как считалось, должна помочь его стране, и вынес с этой войны единственное — искусство убивать. Мог он найти работу, на которой требовались бы эти навыки?

— На войну его никто не гнал, а после он мог вернуться в гараж.

— Он записался добровольцем потому, что думал — его так или иначе призовут, а отборные части, в которых боль-

ше шансов выжить, не берут тех, кто призван, а только добровольцев. Вы говорите, он мог вернуться в гараж. Прекрасный вариант, а? Три года, в результате которых он получил медаль, нервное расстройство и работу — смазывать машины. Вот вы хотите схватиться с ним один на один, но человек, профессия которого убивать, вызывает у вас отвращение. Иисусе, вы такой же военный человек, как и он, вот почему все так закрутилось. Надеюсь, вам удастся схватиться с ним. Это будет последний сюрприз в вашей жизни. Потому что он нечто особое. Он специалист в своем деле. Мы отправили его на войну, а он принес ее домой. Чтобы пережить Рэмбо хотя бы один раз, нужно изучать его годами. Вам пришлось бы пройти каждый курс, который прошел он, побывать в каждом бою, в котором побывал он.

— Вы капитан, но вас послушать, так вы не очень любите военных.

— Конечно, не люблю. Кто из тех, кто в здравом уме, их любит?

— Тогда зачем вы этим занимаетесь — учите людей убивать?

— Я этого не делаю. Я учу их оставаться живыми. Пока мы посылаем людей воевать где бы то ни было, самое важное, что я могу сделать, это сделать так, чтобы по крайней мере некоторые из них возвращались. Моя работа — спасти жизни, а не отнимать их.

— Вы утверждаете, что я такой же военный человек, как он. Думаю, вы ошибаетесь. Просто я выполняю свою работу, как умею. Но оставим это пока. Вот вы говорите, что приехали сюда помочь, но до сих пор все, что вы делаете, — говорите. И если ваша работа спасает жизни, то почему вы еще ничего не сделали для того, чтобы помешать ему убивать людей?

Траутмэн медленно вытащил из пачки на столике радиста сигарету.

— Вы правы, я тянул время. Но предположим, я бы помогал. Теперь подумайте вот о чем. Вы бы действительно хотели, чтобы я помог? Он — лучший ученик, выпущенный моей школой за все времена. Воевать с ним было бы то же самое, что воевать с самим собой, ибо я подозреваю, что он не по своей воле попал в эту ситуацию...

— Никто не заставлял его убивать полицейского опасной бритвой. Неужели это не ясно?

— Дайте мне закончить. Рэмбо очень похож на меня, и я вел бы себя нечестно, если бы не признал, что симпатизирую ему и хотел бы, чтобы он спасся. С другой стороны, господа, он же взбесился. Не надо было ему гнаться за вами, когда вы начали отступать. Большинство из этих людей умерли ни за что ни про что — ведь у него была возможность уйти. Это непростительно. Но несмотря на все это, я ему симпатизирую. Что, если я непроизвольно разработаю

такой план его поимки, который позволит ему спастись?

— Вы этого не сделаете. Если он скроется от нас здесь, нам придется продолжать розыск, и погибнет кто-то еще. А вы уже согласились, что в такой же степени отвечаете за него, как и я. Поэтому, если он ваш лучший ученик, докажите это, черт возьми. Бросьте против него все, что только можете придумать. И если он все же уйдет от нас — ну что ж, вам не в чем будет себя упрекать, и вы сможете вдвойне им гордиться. Так что по двум причинам вам не остается ничего другого, как помогать нам.

Траутмэн посмотрел на свою сигарету, глубоко затянулся и швырнул ее за борт грузовика.

— Не понимаю, почему я ее зажег. Я бросил курить три месяца назад.

— Не уклоняйтесь от темы, — сказал Тисл. — Вы будете нам помогать или нет?

Траутмэн взглянул на карту.

— Я вот о чем думаю... Через несколько лет подобный розыск даже не понадобится. У нас уже есть приборы, которые можно прикрепить к брюху самолета. Чтобы найти человека, достаточно пролететь над местом, где он предположительно скрывается, и прибор зарегистрирует излучаемую телом теплоту. Сейчас таких машин слишком мало. Нам сюда такую не дадут. Почти все они па войне. Но когда мы вернемся оттуда, ни один беглец от нас больше не скроется. И такой человек, как я, будет не нужен. Что-то кончается. А жаль. При всей моей ненависти к войне я страшусь того дня, когда машины заменят человека.

— Вы продолжаете уклоняться.

— Да, я буду помогать. Рэмбо необходимо остановить, и пусть это сделает такой человек, как я, который понимает этого парня и его боль.

Глава 5

Рэмбо поджаривал сову на костре. Вот до чего дошло, думал он. От ночевки в спальном мешке в лесу, гамбургеров с кока-колой в пыльной придорожной траве — к постели из хвойных веток в заброшенном руднике и старой сове без соли и перца. Не очень-то все это отличается от прежних ночевки в лесу, но тогда жизнь по минимуму казалась чем-то вроде роскоши, потому что он сам хотел так жить. Но теперь, возможно, ему долго придется жить вот так, и это действительно казалось минимумом. А скоро у него и это могут отнять, и останется лишь воспоминание о свосной ночи и жареной сове. О Мексике он уже не думал. Только о том, чем накормить себя в следующий раз, на каком дереве поспать. День, ночь. День, ночь.

В груди болело, он поднял обе свои рубашки и посмотрел на ребра, поразившись, как там все распухло и воспалилось.

Несколько часов сна тут не помогут, мрачно подумал он. Но, по крайней мере, голова уже не кружилась. Пора в путь.

Его испугал голос. Он прокатился неясным эхом по туннелю — казалось, кто-то стоит снаружи и обращается к нему в громкоговоритель. Как они могли узнать, где он? Он торопливо проверил, пристегнуты ли пистолет, нож и фляжка, схватил винтовку и побежал к выходу. Там приостановился — посмотреть, не ждут ли его снаружи. Но никого не было видно. Он опять услышал голос. Это явно был громкоговоритель. С вертолета. Мотор ревел где-то за гребнем, его перекрывал голос: «Группы с двенадцатой по тридцать первую. Собраться на восточном склоне. Группы с тридцать второй по сороковую. Рассеяться к северу». Далеко внизу по-прежнему была застывшая в ожидании линия огней.

Да, Тисл очень хочет его взять. Там, внизу, должно быть, небольшая армия. Но зачем громкоговоритель? Разве не хватает полевых раций, чтобы координировать группы? Или они шумят для того, чтоб действовать мне на нервы? Или запугать меня, дав знать, сколько людей за мной охотится? Может быть, на севере и востоке вообще никого нет. Специальные войска, в которых служил Рэмбо, часто брали на вооружение такую тактику. Это обычно сбивало противника с толку, вызывало стремление угадать, что же специальные войска собираются делать. Было и контрправило: если кто-то хочет, чтобы ты о чем-то гадал, не делай этого. Лучшая реакция — вести себя так, будто ничего не слышал.

Голос повторял сказанное, ослабевая по мере удаления вертолета. Но Рэмбо не интересовало, что он говорит. Пусть Тисл вводит людей в эти холмы со всех сторон — неважно, он будет в таком месте, где его минуют, не заметив.

Он посмотрел на восток. Небо там посерело. Скоро рассвет...

Глава 6

Лежа на самой верхней точке гребня, Рэмбо смотрел вниз и видел, как они приближаются: вначале маленькими группами, просачивающимися через лес, потом хорошо организованное методическое прочесывание таким огромным количеством людей, что сосчитать их просто невозможно. Они были примерно в полтора миль от него, маленькие точки, быстро растущие. Летали вертолеты, выкрикивавшие приказания, на которые он не обращал внимания, поскольку не мог решить, настоящие они или фальшивые.

Вероятнее всего, Тисл ожидал, что он станет отступать от надвигавшихся на него людей. А он пошел им навстречу, используя при этом все возможные природные укрытия. Очутившись внизу, он побежал налево, держась рукой за бок. Скоро ему не придется бегать. Преследователи были минутах в пятидесяти, может быть, меньше, но если он успеет

в нужное место раньше их, там у него появится возможность отдохнуть. Он с трудом поднялся на лесистый склон, невольно замедлив бег, натужно переводя дыхание, — вот он, ручей. К нему-то он и стремился выйти. Ручей, возле которого он лежал после того, как Тисл сбежал от него в куманике.

Он вышел к ручью в том месте, где вода струилась по камням, а оба пологих берега поросли травой. Шел вдоль ручья, пока не попался глубокий пруд. Здесь наконец берега стали крутыми, но тоже сплошь в траве. Пришлось пройти еще вперед, там был еще один пруд с крутыми берегами, теперь уже голыми. У дерева на этой стороне пруда обнажены корни — почву унесла вода. Рэмбо не мог ступить в грязь: остались бы следы. Перепрыгивая с одного травянистого участка на другой, он осторожно опустился в воду, стараясь не взмутить донную тину, которая могла надолго зависнуть в воде, тем самым выдавая его присутствие. Он проскользнул в нишу из влажной земли, между корнями дерева и берегом, потом не спеша и тщательно стал зарываться вглубь, забрасывая грязью ноги, грудь, притягивая ближе к себе корни дерева, забираясь глубже, глубже, как краб, замазывая грязью лицо, наваливая на себя побольше, чувствуя всем телом холодный мокрый груз — дышалось уже с трудом... Это лучшее, что он мог сделать. Других вариантов не было. Он лежал и ждал.

Долго никто не появлялся. На носу у него стала конденсироваться жидкость, залепившая веки грязь подсохла. Ему нужно было что-то делать, чем-то помогать себе сохранять спокойствие и неподвижность, и он начал считать секунды...

Наконец он их услышал. Тупые звуки шагов. Множество ног. Все выше него. И приглушенные голоса, плеск воды — люди шли по ручью. Шаги приближались, потом загрохотали прямо на нем, остановились, давили на грязь, на его грудь, сломанные ребра — как больно! Он перестал дышать. Как долго он сможет выдержать без воздуха? Три минуты. Если прежде сделает несколько глубоких вдохов. Значит, в данном случае две минуты. Продержаться две минуты. Но для него время сместилось, одна минута казалась двумя. Потребность в воздухе может стать слишком сильной, и тогда он не сможет сохранить неподвижность... Все. Тяжесть на его груди уменьшилась. Голоса и плеск воды удалялись. Но слишком медленно, и он еще не мог вылезти. Да и кто-то, вполне возможно, отстал. А кто-нибудь мог оглянуться. О господи, скорее. Он потянулся всем телом на волю, но застывшая грязь не поддавалась, он рванулся — и в полную грудь задышал свежим воздухом. Стоп. Слишком шумно. Они слышат. Он быстро огляделся.

Голоса и шорох в кустах. Но никого не видно. Наконец-то он один, осталось только пересечь ближайшие дороги. Он медленно опустился на землю. Свободен.

Нет, еще не свободен. Многое предстоит преодолеть прежде, чем ты доберешься до этих дорог.

Можно подумать, я сам не знаю, возразил он себе. Всегда нужно что-то преодолевать. Бесконечно.

Вот и начинай.

Через минуту.

Нет. Сейчас. Иначе тебя поймут, и тогда времени для отдыха будет очень много.

Он неохотно поднялся и забросал грязью то место под корнями, где лежал, чтобы ничего не было заметно, если здесь пройдет еще одна группа. Пусть думают, что он в холмах, а не вблизи дорог.

Потом, отложив винтовку в сторону, забрался в самую глубокую часть пруда и смыл с себя грязь. Теперь не имело значения, что поднятая им тина замутит воду: здесь прошли люди, и все так или иначе было мутное. Мылся он тщательно. Если у тебя образ жизни животного, то вовсе не обязательно чувствовать себя животным. Этому его учили. Будь по возможности чистым. Это повышает боеспособность.

Он вылез из пруда, нашел на земле тонкую веточку и прочистил ею винтовку, дернул несколько раз затвором, проверяя легкость хода, вновь зарядил выброшенными при этом патронами и осторожно пошел сквозь кусты в сторону дороги. Он был рад, что смыл грязь в ручье, сейчас он чувствовал себя лучше, энергичнее, вполне способным скрыться от преследователей.

Это чувство исчезло, когда он услышал собак, две своры. Одна была прямо впереди и двигалась в его сторону, другая — слева. Те, что впереди, шли, наверное, по следу, оставленному им, когда он, потеряв Тисла, добрал до этого ручья и в полубессознательном состоянии поднялся к руднику. Значит, левая свора повторяет его путь, когда он гнался за Тислом в куманике. С тех пор прошло больше суток, и, если там нет опытного следопыта, они не смогут определить, какой след оставлен им на пути в заросли куманики и какой — из зарослей. Чтобы не рисковать, они пустили собак по обоим следам.

Все эти соображения мало ему помогли. Необходимо было как-то отделаться от своры, приближающейся к ручью, а просто убежать от них он не мог — с переломанными-то ребрами. Можно устроить им засаду и перестрелять, как он перестрелял собак Тисла, но выстрелы выдадут его позицию, а в лесу столько преследователей, что его быстро окружают.

Нужно обмануть собак. Время у него есть. Они не появятся сразу в этой части ручья. Вначале его запах уведет их от воды, вверх к руднику.

У него появилась идея. Не очень хорошая, но все же. Он быстро вернулся к тому месту, где лежал, зарывшись в грязь, там вошел в воду по пояс и, осторожно ступая, направился по течению ручья в сторону дороги, прикидывая по

ходу, как поведут себя собаки. Они спустятся от рудника, найдут его след от «ложа» в ручье в лес, пойдут по нему и остановятся в растерянности, когда след вдруг оборвется посреди кустарника. Сопровождающие собак люди не скоро поймут, что он вернулся по собственному следу к ручью и вошел в него, а когда поймут, он будет уже далеко. Может быть, в машине, которую украдет.

Но полиция оповестит все дорожные патрули о краденой машине.

А он ее бросит, проехав несколько миль.

И что дальше? Украсть еще одну машину, а потом и ее бросить? Оставить машину и уходить пешком, чтобы вскоре услышать за спиной собак?

Пробираясь по ручью и обдумывая все варианты, он постепенно понял, как это будет трудно, почти невозможно. Тисл никогда не отстанет. Тисл не даст ему жить на свободе, даже отдохнуть не даст.

С беспокойством прислушиваясь к лаю собак, который становился все ближе, и глядя под ноги, чтобы не запнуться о крупный камень или еще обо что-нибудь, он шел, прижимая руку к ребрам, и не видел человека, пока не наткнулся на него. Тот сидел на берегу, сняв носки и ботинки и опустив ноги в воду. У этого человека были голубые глаза. Он держал винтовку наготове, подозрительно хмурясь. Наверное, он слышал, как приближается Рэмбо, и на всякий случай приготовился, но, очевидно, не верил, что это действительно может быть Рэмбо, потому что когда он понял, кто перед ним, его парализовало, а Рэмбо бросился на него. Никакого шума. Не должно быть никакого шума. Не стрелять. Рэмбо выхватил нож, отбросил винтовку противника в сторону, тот успел приподняться — и Рэмбо всадил ему нож в живот и тут же провел им вверх, к ребрам.

— Иисусе, — удивленно сказал человек и умер.

— Что? — спросил кто-то.

Рэмбо невольно дернулся. У него не было возможности спрятаться.

— Я же тебе говорил, перестань жаловаться на свои ноги, — продолжал голос. — Ну, надевай ботинки, нам... — Из-за поросшего травой холмика вышел человек. Он оказался проворнее, чем его товарищ, — сразу бросился к своей винтовке, прислоненной к дереву, Рэмбо попытался его опередить, но не успел, и человек выстрелил, торопливо, не целясь. Этот выстрел покончил со всеми надеждами Рэмбо. Прострелив ему голову, Рэмбо в ужасе подумал: Боже мой, что теперь делать? Сюда же все сбегутся...

В лесу встревоженно перекрикивались люди. Весь кустарник наполнился шорохом и треском ломающихся веток. Собаки залаяли оживленнее, повернули в его сторону. А ему некуда бежать. Везде люди. Это конец.

Он был почти рад, что проиграл, — больше не нужно бе-

гать, его доставят к врачу, дадут обезболивающие, уложат в постель. Чистая одежда. Сон.

Если его не пристрелят на месте, решив, будто он готов воевать дальше.

Он бросит винтовку, поднимет руки и громко крикнет, что сдается.

Эта идея вызывала у него отвращение. Он не мог просто стоять и ждать. Он никогда еще так не делал. Должно же быть что-то еще, что можно сделать. Он вспомнил о руднике и о последнем привале: если он проигрывает и его должны взять, он по крайней мере сам выбирает место, где этому произойти, а местом, дающим ему наибольшее преимущество, был рудник. Кто знает... Вдруг там у него появится какая-то возможность спастись?

Люди с треском пробирались через кустарник и были уже совсем близко. Пока никого не видно, но скоро они покажутся. Значит, рудник. По телу полыхнул боевой огонь, как всегда перед началом схватки. Он уже не чувствовал усталости и быстро побежал прочь от ручья, в глубь леса. Услышал шум впереди, в густом кустарнике, и повернул налево, стараясь пригнуться как можно ниже. Далеко справа он увидел их, с криками бегущих к ручью. Солдаты национальной гвардии. В форме и в касках. Ночью, глядя на цепь огней, он насмешливо думал, что Тисл послал на него целую армию. Черт возьми, это действительно была армия.

Глава 7

Тисл сидел весь обмякший на скамье и смотрел, как полицейский отмечает крестиком место на карте, где нашли тела двух гражданских у ручья. Ему казалось, будто он смотрит на все это издалека: восприятие было притуплено таблетками, которых он наглотался. Он ничего не сказал Траутмэну и Керну, но, когда узнал об обнаружении двух тел — один гражданский зарезан, один застрелен, — он почувствовал резкую сжимающую боль в сердце. Настолько сильную, что ему стало страшно. Убиты еще двое. Сколько теперь всего? Пятнадцать? Восемнадцать?

— Наверное, он шел к дороге, когда его обнаружили эти люди, — сказал Траутмэн. — Он знает, что мы ждем его вблизи дороги, так что ему придется повернуть назад, в холмы. А когда решит, что это уже безопасно, он попробует другой путь к другому отрезку дороги. Может быть, в этот раз пойдет на восток.

— Тогда все, — сказал Керн. — Он в кольце. Линия солдат проходит между ним и холмами, туда он не пробьется. Единственное, открытое для него направление, это к дороге, но там ждет еще одна линия солдат.

Тисл в это время смотрел на карту. Теперь он повернулся.

— Нет. Вы что, не слышали? — сказал он Керну. — Парень наверняка уже ушел наверх. На карте же все видно.

— Не понимаю. Как он мог пройти через линию войск?

— Очень легко, — сказал Траутмэн. — Когда солдаты услышали позади себя выстрелы, одна группа отделилась от линии и вернулась выяснить, в чем дело. Они оставили дыру в линии, достаточную, чтобы пробраться к холмам. Скажите им, чтобы скорее шли дальше в холмы, иначе он успеет слишком далеко уйти.

Тисл давно ожидал от Керна того, что сейчас последовало.

— Я не знаю, — пожал плечами Керн. — Все становится слишком сложным. Не знаю, как мне следует поступить. А вдруг он рассуждает не так. Вдруг он не понял, что в линии образовался просвет, и остался на месте, между солдатами национальной гвардии и дорогой. В таком случае, если я прикажу им идти в холмы, я испорчу ловушку.

Траутмэн поднял руки.

— Думайте все, что вам черт на душу положит. Мне это безразлично. Я с самого начала не хотел в этом участвовать. Но я участвую, помогаю. Это не означает, что я должен снова и снова объяснять вам простейшие вещи.

— Нет, поймите меня правильно. Я не собираюсь оспаривать ваши суждения. Просто я думаю, что он в его положении может поступить нелогично. Почувствует, что кольцо сжимается, и начнет бегать кругами, как спугнутый кролик.

Впервые в голосе Траутмана открыто прозвучала гордость.

— Этого не будет.

— Но если да, если это все же случится, то не вам отвечать за то, что людей направили в неверном направлении. Отвечать мне. Я должен рассмотреть это дело со всех сторон. Мы же сейчас рассуждаем теоретически. Реальных фактов у нас нет.

— Тогда позвольте мне отдать приказ, — сказал Тисл, и ему показалось, будто грузовик свалился с трехфутовой высоты: сердце сжала еще более сильная боль. Стараясь не поддаваться ей, он продолжал: — Если приказ окажется неправильным, я с радостью за него отвечу. — Он весь напрягся, затаив дыхание.

— О господи, вам плохо? — спросил Траутмэн. — Ложитесь скорее.

Тисл жестом его отстранил. Вдруг радист сказал:

— Передают сообщение.

— Ложитесь, — настаивал Траутмэн, — или я вас заставлю.

— Оставьте меня в покое! Слушайте!

— Говорит командир национальной гвардии номер тридцать пять. Я не понимаю. Возможно, нас так много, что у

собак испортился нюх. Они хотят вести нас в холмы, а не к дороге.

— Нет, у собак ничего не испортилось, — зло проговорил Тисл. — Но мы уже потеряли слишком много времени, пока вы раздумывали. Может быть, сейчас наконец отдадите этот приказ?

Глава 8

Когда Рэмбо поднимался по склону к руднику, пуля ударила в скалу в нескольких ярдах слева от него. Глядя на вход в рудник, он прибавил скорость, закрывая лицо от осколков камня, которые выбили еще две выпущенные в него пули. Это было уже у самого входа. Углубившись в туннель, вне досягаемости пуль, он остановился и привалился к стене, переводя дыхание. Не удалось оторваться от них. Помешала боль в ребрах. Теперь солдаты национальной гвардии всего в полумиле от него. Они так увлечены охотой, что стреляют, не имея четкой цели. Резервисты, солдаты по уик-эндам. Обученные, но не набравшиеся опыта, так что дисциплина у них плохая, и от волнения они могут отмочить все, что угодно. Полезут в туннель толпой, выпустят сюда сотни пуль. Он правильно сделал, что вернулся. Если бы он попытался сдаться у ручья, они бы в спешке пристрелили его. Ему нужен какой-то буфер между собой и ими, чтобы они не стреляли, пока он будет объяснять.

Он вернулся ко входу в туннель, к свету, изучил крышу. Нашел место, где она опасно потрескалась, выбрал поддерживающие ее верхняки, давно подгнившие, и успел отбежать, прежде чем она обвалилась. Все заволокло пылью, и Рэмбо долго кашлял. Когда пыль осела, он увидел пространство примерно в фут между барьером из камней и почти полностью разрушенной крышей. Потянуло воздухом, стало холоднее. Он опустился на влажный пол, слушая, как потрескивает крыша. Скоро донеслись голоса.

— Как ты думаешь, его убило?

— Может, залезешь и посмотришь?

— Я?

Кто-то засмеялся, и Рэмбо невольно улыбнулся.

— Пещера или рудник, — сказал другой. Голос у него был громкий, и Рэмбо решил, что он говорит в полевую рацию. — Мы заметили, как он вбежал туда, а потом все обвалилось. Видели бы вы, сколько пыли. Теперь он наш, это точно. Подождите минуту. — Потом, как будто кому-то рядом: — Убери свою дурацкую задницу от входа. Если он еще жив, очень даже просто может тебя подстрелить.

Рэмбо осторожно поднялся по барьеру из камней и выглянул наружу. В поле зрения появился солдат, бежавший слева направо, по его бедру хлопала фляга.

Ну, пора с этим кончать, подумал Рэмбо.

— Мне нужен Тисл, — прокричал он в отверстие. — Я хочу сдаться.

— Что?

— Эй, ребята, слышали?

— Приведите Тисла. Я хочу сдаться. — Его слова грохотом прокатывались по туннелю.

— Там, внутри. Это он.

— Подождите, он там живой, — проговорил человек по рации. — Он говорит с нами. — Пауза, потом этот же человек заговорил намного ближе к входу, хотя в поле зрения не показывался.

— Что вам нужно?

— Я устал повторять. Мне нужен Тисл. Я хочу сдаться.

Теперь они шептались между собой. Снова тот человек говорил по рации, передавая новое сообщение, и Рэмбо очень хотелось, чтобы все это поскорее кончилось. Он не думал, что капитуляция вызовет у него такое чувство опустошенности. Сейчас, когда битва была окончена, ему казалось, что он преувеличил свою усталость и боль в сломанных ребрах. Конечно же, он мог воевать дальше. На войне приходилось. Потом он переменял положение, и боль вспыхнула с новой силой — оказывается, ничего он не преувеличил.

— Эй, там, внутри, — окликнули его. — Вы меня слышите? Тисл говорит, что не может подняться.

— Черт возьми, он же так хотел меня взять. Пусть прыгает в вертолет и летит сюда.

— Я ничего об этом не знаю. Мне только сказали, что он не может.

— Так вы говорили с Тислом или нет? Кто вам ответил, что он не может? Я хочу, чтобы он был здесь. Он будет гарантией того, что никто меня не застрелит по ошибке.

— Не беспокойтесь. Если кто-то из нас вас застрелит, то не по ошибке. Выходите оттуда осторожно, и никаких ошибок не будет.

Он задумался.

— Ладно, но мне нужна помощь — раскидать эти камни. Один я не справлюсь.

Опять они стали перешептываться, потом он услышал:

— Ваша винтовка и нож. Бросайте их сюда.

— Я даже револьвер выброшу. У меня есть револьвер, о котором вы не знаете. Я с вами честен. Я не настолько глуп, чтобы с боем пробиваться через всех вас, так что прикажите своим ребятам убрать пальцы со спусковых крючков.

— Только когда я услышу, что вы бросили оружие.

Расставаться с оружием ужасно не хотелось. Появится это отвратительное чувство полной беспомощности. Замерев в нерешительности, он ощутил легкое прохладное дуновение: в туннель шел воздух.

— Я пока ничего не слышу, — повторил голос. — У нас есть слезоточивый газ.

Так. А подойти этот сукин сын не хочет.

Он просунул в отверстие винтовку. Но не успел разжать руку, как почувствовал поток воздуха, идущий вниз по туннелю. Дует здорово, похоже, где-то есть выход, трещина, иначе быть не может. Сразу появились новые силы. Он еще не проиграл.

— Где оружие, говорю? — опять послышался голос.

Вот дуло тебе в задницу, подумал Рэмбо. Он втянул винтовку назад и поспешил в темень туннеля. Его костер уже совсем догорел, и он на ощупь нашел место, где лежал. Схватив хвойные ветки и несколько кусков дерева, понес дальше в туннель, пока не услышал, как капает вода, и не наткнулся на стену. Новый костер осветит ему путь. Дым от хвойных веток покажет, куда уходит воздух. Черт возьми, может быть, может быть...

Глава 9

Боль вспыхнула снова, и Тисл весь скрючился на скамье. Он знал, что долго не протянет. Ему необходим сон. Ох как необходим. И помощь врача. Слишком уж он себя перенапряг. Слава Богу, теперь все скоро кончится.

Еще немного, сказал он себе. Вот и все. Продержаться еще немного, и парня схватят.

Он подождал, когда Траутмэн и Керн отвернутся, и торопливо проглотил еще две таблетки.

— Вчера вечером коробочка была полная, — сказал Траутмэн, чем немало его удивил. — Не надо принимать так много.

— Нет, нет. Я уронил коробочку, несколько таблеток затерялось.

— Когда это было? Я не видел.

— Вы спали. Перед рассветом.

— Не могли вы потерять столько таблеток. Вы слишком много принимаете. И пьете кофе.

— Все в порядке. Просто судорога.

— Поедете к врачу?

— Нет, пока нет.

— Тогда я вызову врача сюда.

— Не раньше, чем его поймают!

Теперь к нему подошел Керн. Почему его не оставят в покое?

— Его уже поймали, — сказал Керн.

— Нет, его загнали в угол. Это не одно и то же.

— Ну, сейчас это всего лишь вопрос времени. Зачем вам мучиться здесь, пока его не поймают фактически?

— Я не могу вам объяснить. Вы не поймете.

— Тогда я отправлю вас в город.

— Не поеду. Я обещал.
— Кому? Что вы имеете в виду?
— Я обещал, что дойду до самого конца.
— Кому?
— Им.
— Вашим людям? Орвалу и остальным, кто погиб?
Ему не хотелось об этом говорить.
— Да.

Траутмэн и Керн переглянулись.

— Я же говорил, что вы не поймете, — сказал Тисл.

Он обратил взор к открытой задней части грузовика — там уже показалось солнце. Вдруг в глазах у него потемнело, и он упал на пол.

— Предупреждаю, не вызывайте врача, — медленно проговорил он. — Я просто лежу и отдыхаю.

Глава 10

Огонь осветил трещину, дым потянуло вниз. Мгновение Рэмбо колебался, потом засунул винтовку за ремень, вытащил из костра нечто вроде примитивного факела и протиснулся между двумя стенами. Чем дальше он шел и ниже спускался, тем ниже становилась потолочная часть трещины. Вскоре свет факела показал ему место, где крыша и стены смыкались по направлению к дыре, ведущей прямо вниз. Он подержал факел над дырой, но заглянуть вглубь не удавалось. Тогда он достал винтовочный патрон, бросил вниз и стал считать секунды. Три секунды — получается не так уж глубоко. Он опустил в дыру одну ногу, потом другую, пытаясь нащупать опору на скользких стенах. Волной донеслись звуки. Камнепад, подумал он, но нет — это были голоса. За ним уже шли в глубь горы...

Его голова еще оставалась над краем дыры, и он уже был готов прыгнуть вниз, когда кончики пальцев его вытянутых ног нащупали что-то похожее на дерево. Верхняя перекладина лестницы. Рудник, это ведь рудник, подумал он. Осторожно опустился на перекладину — она согнулась, но выдержала. Вторая перекладина сломалась под его тяжестью, и он с лету сшиб еще две перекладины, но на третьей устоял. Грохот от его падения пугающе громко прокатился по каменной камере. Когда он затих, Рэмбо прислушался, пытаясь различить голоса людей, но не смог: сюда они не доносились. Он посветил факелом вниз — что там. Еще четыре перекладины и покатый пол. Когда идет дождь, подумал он, здесь дренируется вода, вот почему все такое гладкое.

Он спустился на пол и воспользовался единственным выходом, расщелиной пошире предыдущей, которая тоже уходила вниз. Подальше она раздваивалась. Какое направление выбрать? Дым только мешал — он давно рассеялся и ничего не показывал, но притупил его обоняние, и теперь Рэмбо

не мог определить по запаху, куда дым шел. Факел плохо горел в сыром воздухе, плевался искрами. Оставалось обли-зывать палец и поднести сначала к одному отверстию, потом к другому. Он почувствовал легкое прохладное дыхание справа и неуверенно пошел в том направлении. Изгибы, повороты. Боковые ходы. Факел горел все хуже.

Вдруг впереди послышался какой-то шепот, и он сначала испугался, но быстро понял, что это бегущая вода. Не сразу он нашел путь к воде в провале на противоположной стороне пологой кривой — шум воды сразу стал сильнее.

Этот провал привел Рэмбо на пологий выступ — там рев воды был оглушительным. Рэмбо посветил догорающим факелом вниз — поток водоворотом уходил в отверстие под выступом. Это был выход для воды, но не для Рэмбо. Он отбросил догоревший факел и оказался в полнейшей темноте. В такой тьме ему еще не приходилось бывать, а внизу бушевал поток, в который он мог упасть при малейшей неосторожности. Рэмбо напрягся, ожидая, что скоро привыкнет к темноте. Но не привык, начал пошатываться, теряя равновесие, и был вынужден опуститься на четвереньки. Он медленно пополз к узкой щели в конце выступа, которую успел рассмотреть, когда догорали последние искры факела. Чтобы пролезть в щель, пришлось прижаться животом к камню. В просвете щели торчали острые камни, они рвали одежду, царапали кожу. Рэмбо постанывал от боли в ребрах.

А потом он заорал в голос. И не из-за ребер. Когда он очутился в камере, где уже можно было приподнять голову, и протянул руку вперед, то угодил в какую-то слизь. Комок слизи плюхнулся ему на шею, кто-то укусил его за палец, кто-то крошечный пробежал по руке. Он лежал в толстом слое слизи, которая быстро пропитывала одежду, холодила живот. Он услышал писк множества живых существ, картонное потрескивание крыльев над головой. О господи, это же летучие мыши! А крошечные существа — жуки, которые всегда живут в колониях летучих мышей, питаются их пометом и телами умерших животных. Что же делать? Летучие мыши — это бешенство, каждая третья колония мышей заражена бешенством. Может хватить одного укуса... Но и пути назад нет. А вперед — есть: мыши-то вылетают на волю...

Рэмбо с трудом поднялся на ноги и пошел, глубоко увязая в полужидком слое, ничего не видя вокруг и ориентируясь лишь по легкому дуновению ветра. Он с тревогой прислушался к шелесту крыльев над головой — шелест становился все сильнее... Вдруг Рэмбо наткнулся на камень, чуть не упал и обнаружил, что камень большой и плоский — можно отдохнуть! Он затаился. Стоит ему уснуть — и мыши постепенно успокоятся...

Глава 11

Рэмбо не знал, как долго пробыл в забытии, лежа на камне, мокрый и замерзший. Проснулся он от того, что по лицу стали задевать крылья летучих мышей. Сначала это были легкие редкие касания, потом они участились... Рэмбо вскочил и начал отмахиваться руками. Мыши летали сплошным облаком, стало трудно дышать. Полузадавленный, полузадушенный, Рэмбо, пригибаясь как можно ниже, перестал сопротивляться и позволил потоку мышей увлечь за собой. И наконец понял, в чем дело: мыши не нападали на него, они летели все сразу наружу. Он рассмеялся от облегчения. Наверное, уже наступила ночь, и мыши это почувствовали. Значит, спал он долго. Вот дурак, подумал Рэмбо, сражался с ними как сумасшедший, а они все время указывали мне дорогу...

Когда он наконец вышел на волю, свежий воздух показался ему чем-то совершенно волшебным. Он лежал у выхода и глотал, глотал его. Куст, под которым он опустился на землю, обдавал его тончайшим ароматом леса. Внизу, довольно далеко от него, мерцал среди деревьев маленький костер. После полнейшей темноты пещер огонь был ярким и живым...

Он замер. Кто-то приглушенно говорил у костра. Кто-то двигался среди камней, потом до него донеслось чирканье спички. Когда спичка погасла, он увидел тлеющий огонек сигареты.

Они его ждут. Тисл догадался, почему он пошел вниз, в щели и пещеры. Тисл расставил людей вокруг всего холма, на тот случай, если он найдет выход. Ну что ж, они плохо видят в темноте, а он после пещеры ориентируется прекрасно и, отдохнув еще немного, проскользнет мимо. Теперь будет легко. Пускай думают, что он еще в пещерах, а он тем временем успеет пройти много миль. И пусть на его пути никого не окажется.

Глава 12

Опять стало темно, Тисл не мог понять, как он оказался в сумрачном лесу. Траутмэн, Керн, грузовик. Где они все? Куда подевался день? Почему он так торопливо, спотыкаясь на каждом шагу, пробирается между деревьями?

Он прислонился к толстому стволу, чтобы перевести дыхание. Боль в груди нарастала волнами. Он настолько потерял ориентировку, что ему было страшно. Не то чтобы он потерял направление — нет. Он знал, что должен идти прямо вперед, куда-то вперед, но не понимал, почему.

Траутмэн. Он помнил. Траутмэн хотел отвезти его к врачу. Он помнил себя лежащим на полу грузовика. И мучительно искал объяснения тому, каким образом попал оттуда сюда. Возможно, он силой вырвался от Траутмэна, чтобы не очутиться в лапах у врача? А потом сбежал в лес. Все, что

удобно, только бы дойти до конца. Выйти на парня. Помочь в его поимке.

Но здесь что-то было не так. В таком состоянии он не мог отбиться от Траутмэна. Однако он не мог сейчас рассуждать логически и прийти к какому-либо иному выводу. Несмотря на боль в груди, он спешил вперед, подгоняемый смутным и страшным чувством, что с ним скоро что-то случится. Парень, возможно, это парень гонится за ним?

Его потревожил внезапный шум, он открыл глаза, растерянно моргая. Он опять лежит на спине. Кто-то его подстрелил? Он стал ощупывать тело в поисках раны, но обнаружил одеяло, а земли под ним не было. Мягкие подушки. Кушетка. Где он, черт возьми? Что вообще происходит? Он протянул руку, задел лампу, включил ее, обнаружил, что находится в своем кабинете. А как же лес? Там все так реально. Он посмотрел на запястье — часов не было. Часы на столе показывали без четверти двенадцать. Сквозь шторы заглядывала снаружи темнота. Значит, двенадцать ночи, но последнее, что он помнил, это полдень. Что там с парнем? Где он?

Тисл попытался встать, схватившись за голову, чтобы она не развалилась, но что-то подняло и накренило пол кабинета, и его швырнуло обратно. Все же он встал и каким-то образом добрался до двери, схватился за ручку обеими руками, повернул ее, ступил босыми ногами с теплого ковра кабинета на холодные плитки коридора. Здесь было темно, но впереди, у дежурного, горел свет. Он прошел половину коридора и был вынужден опереться о стену, чтобы отдохнуть.

— Проснулись, шеф? — донесся голос. — О'кэй?

Отвечать было слишком сложно. Он еще не разобрался сам с собой.

— Я спросил, вы о'кэй, шеф? — сопровождаемый звуком шагов голос был уже ближе.

— Парень, — смог он выговорить. — Парень в лесу!

— Что? — голос был теперь совсем близко. — Вам нельзя ходить. Отдыхайте... Вы уже не в лесу, и за вами не гонится парень.

Голос принадлежал одному из его полицейских, но Тисл никак не мог вспомнить имя этого полицейского. Он напряг память — и все-таки вспомнил:

— Харрис? — Ну да, конечно. — Харрис, — гордо сказал он.

— Идемте ко мне, шеф, выпьете кофе. Я только что приготовил свежий.

— Парень, — выдавил из себя Тисл. — Парень уже в лесу у дороги.

— Да вы не волнуйтесь. Постарайтесь вспомнить. Парня загнали в старый рудник, а потом он ушел куда-то в скальный лабиринт. А ну-ка, дайте мне руку.

Он отмахнулся от Харриса:

- Я говорю, что парня там уже нет.
- Но вам ведь это не известно.
- Я чувствую. Как я сюда попал? Где Траутмэн?
- В грузовике связи. Он и отправил вас в больницу.
- Вот сукин сын. Я предупреждал его не делать этого.

А как я попал сюда вместо больницы?

— Вы и этого не помните? Господи, ну вы и устроили скандалчик, это ж надо! Вы сопротивлялись в машине, хватали руль, чтобы не дать им свернуть к больнице, кричали, что уж если вас хотят куда-то отвезти, лучше, если этим местом будет ваш кабинет. Наконец они испугались, что вы с собой что-нибудь сделаете, если вас не послушают, и привезли сюда. Правду сказать, они были рады от вас отделаться — так вы бушевали. Один раз схватили руль и чуть не врезались в грузовик с прицепом. Здесь они вас уложили в постель и уехали, а вы сразу встали и пошли к патрульной машине, чтобы ехать обратно. Я хотел вам помешать, но вы вскоре сами отключились. Прямо за рулем, даже зажигание не успели пайти. Тут же появился доктор, он сказал, что вообще-то состояние ваше ничего, только переутомление и таблеток вы наглотались... Они одновременно и стимулируют и успокаивают, а вы приняли столько, что уже не знали, на каком свете находитесь. Доктор сказал, вы еще удивительно долго держались на ногах.

— Где мои ботинки и носки? Куда вы их дели?

— Зачем вам?

— Неважно зачем. Куда ты их положил?

— Вы, случайно, не собираетесь туда вернуться?.. Вам нужно лечь и отдохнуть, хорошо? Эти пещеры сейчас обследуют черт знает сколько людей. Вы уж ничего не сможете там сделать. А они сказали, что беспокоиться не нужно, позвонят сразу же, как только появятся какие-то новости.

— Я уже сказал, что он не... Где мои ботинки и носки, черт возьми?

Глава 13

Ботинки с носками оказались в его кабинете, у картотечных ящиков. Тисл взял из оружейного ящика браунинг, зарядил полную обойму, пристегнул кобуру — и отметил мысленно, что пристегнул ее в точности, как учил Орвал. Когда он проходил мимо Харриса к выходу, тот поднял голову.

— Не говори, — сказал он Харрису, — не говори, что мне не стоит туда возвращаться.

— Хорошо, не буду.

На улице Тисл с удовольствием вдохнул ночной воздух. Патрульная машина стояла совсем рядом. Садясь в нее, он взглянул налево и увидел, как левая часть города разом осветилась, языки пламени рванулись к темным облакам.

Харрис выбежал на крыльцо.

— Парень выбрался из пещер! Только что сообщили, что он украл полицейскую машину!

— Я знаю.

— Но откуда?

Взрывная волна прошла по окнам полицейского участка — раздался звон разбитого стекла. Несколько взрывов донеслись со стороны главной дороги, ведущей в город.

— Боже милостивый, что это? — изумленно проговорил Харрис.

Но Тисл уже знал, что это, и с места рванул машину, чтобы успеть вовремя.

Глава 14

Рэмбо на предельной скорости вел мощную полицейскую машину, поглядывая в зеркало заднего вида на залитую огнем улицу, гигантские языки пламени вздымались до верхушек растущих по ее краям деревьев. Теперь никто не сможет сесть ему на хвост, им придется объезжать зону пожара. Он выиграет время. На всякий случай нужно сделать еще один отвлекающий маневр — чем больше маневров, тем проще ему будет скрыться. Может быть, его вообще перестанут преследовать. Бросят все силы на тушение пожара.

Впереди один из уличных фонарей не горел. Рядом с ним вспыхнули задние огни машины, ее водитель открыл дверцу, чтобы посмотреть на огонь. Рэмбо выехал на полосу встречного движения, целясь в низко расположенные фары спортивной машины. Она вырулила на правую полосу, чтобы не столкнуться с ним, но Рэмбо тут же вернулся на свою, и спортивная машина метнулась к тротуару, влетела в витрину мебельного магазина. Диваны и кресла, подумал Рэмбо. Мягкого приземления...

Продолжая вдавливать в пол педаль газа, он недоумевал, почему на улице больше нет машин. Да что это вообще за город такой? Чуть за полночь — и все уже спят. Огни магазинов выключены. Никто не выходит из баров с пением. Ну, он оживил немного этот городишко. Это уж точно. Машина стремительно мчалась вперед. Настроение у него улучшилось. Все будет в порядке. Он укроется в Мексике. Пробраться незамеченным к шоссе оказалось не трудно. Полицейские, приехавшие в этой машине, преодолевали, наверное, холмы с остальными или прошли дальше по дороге к грузовикам. В замке зажигания не было ключа, но он без труда соединил провода напрямую, и сейчас, проскочив перекресток на красный свет, чувствовал, что пройдет всего лишь несколько часов — и он будет свободен. Полиция, конечно, сообщит по радио его примерный маршрут, и его попытаются остановить, но большинство их машин, вероятно, остались позади, так что особого сопротивления впереди не будет. Он пересечет город, свернет на боковые дороги и

спрячет машину. Дальше пойдет по бездорожью. Может быть, сядет в грузовой поезд. Или в какой-нибудь другой транспорт. А то и самолет украдет. Черт возьми, возможно-стей полно.

— Рэмбо.

Голос испугал его, голос по радио машины.

— Рэмбо. Слушай меня. Я знаю, что ты меня слышишь.

Голос был знакомый, но он его давно не слышал. Рэмбо попытался вспомнить.

— Слушай меня. — Каждое слово было четким и звучным. — Меня зовут Сэм Траутмэн. Я директор школы, в которой тебя обучали.

Да, конечно. Его никогда никто не видел — только голос, в течение многих дней не дававший никому покоя. Больше бегать, меньше есть, меньше спать. Голос всегда предвещал новые тяготы. Вот, значит, как. Тисл призвал Траутмэна на помощь. Это объясняло изменения в тактике, которую применяли преследователи. Мерзавец. Идет против своих!

— Рэмбо, ты должен остановиться и сдаться, пока тебя не убили.

— Как бы не так, мерзавец!

— Слушай меня. Я знаю, это трудно понять, но я помогаю им потому, что не хочу, чтобы тебя убили. Они уже начали мобилизовать силы у тебя на пути, а потом придумают еще что-нибудь и вымотают тебя до предела. Если бы я был уверен, что у тебя есть малейший шанс победить их, я бы сам приказал тебе не останавливаться. Но я знаю, что у тебя нет выхода. Поверь мне. Пожалуйста. Пока еще не поздно, сдайся — и останешься живым. Сделать ты уже все равно ничего не сможешь.

— А вот посмотри!

Позади него, уже вдали, прогрехотали очередные взрывы. Он резко свернул машину к пустой бензозаправочной станции, затемненной на ночь. Выбил ногой стеклянную дверь, вошел внутрь и включил электрические насосы. Потом схватил лапчатый лом и поспешил наружу сбить замки с бензоколонок. Их было четыре, по два шланга на каждой, и он пустил из всех струи бензина, поставив запоры в открытое положение. Потом отвел машину подальше и остановился. Одна спичка — и ночь превратилась в день, большое озеро огня плескалось от тротуара до тротуара, лопались оконные стекла, трескались стены домов. Адское пекло. Он сел в машину и помчался дальше, а за его спиной горящий бензин достиг припаркованных машин, и они взорвались одна за другой. Их владельцы сами виноваты — знак на фонарном столбе запрещал ставить машины после полуночи. Он подумал о том, что произойдет, когда упадет давление в подземных цистернах. Огонь пробежит по шлангам в цистерны, и в воздух взлетит половина квартала. Это отобьет охоту преследовать его, можно не сомневаться.

— Рэмбо, — сказал Траутмэн по радио. — Пожалуйста, Я прошу тебя остановиться. Все это уже бесполезно.

А вот посмотрим, опять подумал Рэмбо и выключил радио. Он уже почти проехал центр, через несколько минут будет на другой стороне города.

Глава 15

Тисл ждал. Он поставил патрульную машину поперек улицы в том месте, где она пересекала главную площадь города, и облокотился на капот, держа в руке пистолет. От очага пожара приближались огоньки фар. Возможно, парень оказался проворнее его и уже выехал из города, но Тисл в это не верил. Он видел происходящее будто с двух сторон сразу — глазами парня из машины, несущейся к площади, и своими — глазами полицейского, опирающегося локтем на полицейскую машину. Руку с пистолетом он держал уверенно. Нужно все сделать правильно. Другого шанса не будет. И он обязан удостовериться, что это парень, а не случайно оказавшийся здесь патрульный. Рев мотора. Фары били прямо в лицо. Он прищурился, разглядывая водителя. Прошло трое суток с тех пор, как он видел парня, но трудно было не узнать форму головы, неровно выстриженные волосы. Это он. Наконец, один на один, и не в лесу, а в городе, который он знает лучше парня.

Фары ослепили его, и он выстрелил в одну, потом в другую, гильзы из его автоматического пистолета со звоном покатились по дороге. Ну, как тебе это нравится? Он прицелился, и как раз в ту секунду, когда парень пригнулся, выстрелил и разбил ветровое стекло, а потом сразу же прострелил передние покрышки — тройная отдача чуть не сбросила его локоть с капота. При такой скорости машину сразу же занесло, Тисл успел отпрыгнуть, когда она столкнулась с его машиной — грохот металла и стекла, обе машины крутанулись, и парень в своей оказался отброшенным к дальнему тротуару. Пригибаясь, Тисл побежал туда, стреляя на ходу в дверцу, потом под приборный щиток. Но парня там уже не было, только кровь на сиденье. Тисл выскочил на дорогу и увидел в просвет под машиной ботинки парня, бегущего к аллее.

Он побежал за ним, достиг кирпичной стены рядом с аллеей и приготовился, стреляя, ворваться в аллею. Непонятно было, почему столько крови на тротуаре. Он не думал, что его пуля настигла парня. Возможно, тот поранился при столкновении. Крови было много. Это хорошо. Он не сможет быстро бежать. Из аллеи послышались тупые удары, как будто парень выламывал дверь. Тисл прикинул, сколько осталось у него патронов. Два выстрела в фары, один в ветровое стекло, два в покрышки, пять в дверцу. Оставалось три. Маловато.

Он торопливо вытащил обойму из рукоятки, одним движением вставил новую, задержал дыхание и ворвался в аллею, стреляя на ходу, потом упал за шеренгой мусорных баков и увидел, что дверь в оружейный магазин Огдена открыта. Мусорные баки были слишком тонкие, чтобы защитить его от пуль, но хорошо уже, что он успел укрыться за ними. Теперь Тисл размышлял, действительно ли парень вошел в магазин или открытая дверь — всего лишь хитрость, и парень устроил засаду дальше в аллее. Он осмотрел аллею, парня не увидел. Но когда шел к двери, эта штука вылетела из темноты, разбрасывая искры. Но что?.. Динамит, а запал слишком короткий, чтобы успеть схватить палочку динамита и отбросить подальше. Отскочив, как от змеи, он попятился из аллеи, прижался к стене, зажимая уши руками, взрыв оглушил его, куски дерева, металла и картона вылетели на улицу. Он остановил себя, не побежал опять к выломанной двери. Сначала надо продумать все до конца. Парень не может остаться здесь и устроить бой. Благодаря динамиту он получил небольшую фору во времени. Так что забудь про аллею. Проверь переднюю дверь.

Он метнулся за угол дома — парень уже давно покинул магазин и перебежал через дорогу к зданию суда. Расстояние было слишком большое, чтобы попасть из пистолета. Он все же попробовал попасть — упал на одно колено, оставил второе подбитым, упер в него локоть. Держа пистолет обеими руками, прицелился и выстрелил. И промахнулся. Пуля звонко ударилась о каменную стену суда. В ответ грохнула винтовка, и пуля пробила почтовый ящик рядом с Тислом. Ему показалось, что он видит темную фигуру парня, огибающего угол дома, и кинулся за ним — но в этот момент три взрыва подряд осветили здание суда, наполнили ночь летящими осколками. О господи, он сошел с ума, подумал Тисл, пытаюсь бежать еще быстрее. Он хочет взорвать весь город.

Огонь быстро распространился в верхние комнаты здания суда, дым заполнял улицу, и Тисл не видел, куда делся парень. Справа, через улицу, кто-то стоял на ступеньках полицейского участка, и он подумал — парень, но это оказался Харрис, вышедший посмотреть на пожар.

— Харрис! — торопливо крикнул он. — Парень! Назад! Назад!

Но его слова поглотил грохот колоссального взрыва, который подбросил полицейский участок, уничтожив Харриса волной пламени и обломков. Ударная волна достигла Тисла, тот стоял словно окаменевший. Харрис, участок — теперь все это исчезло. Он завопил от ярости и побежал дальше. Ах ты, сукин сын, думал он. Не надо было тебе этого делать, мог же ведь не делать, мог.

Впереди, справа от тротуара, были еще два магазина, потом лужайка перед полицейским участком, усеянная облом-

ками горящего дерева. Пуля ударила в бетон рядом с его бегущими ногами и от ricoшетила в сторону. Он бросился в придорожную канаву и ответил на выстрел — туда, где успел заметить вспышку. Тисл выстрелил еще два раза, а когда поднялся, ноги не удержали его, он свалился на тротуар. Силы окончательно оставили Тисла. Слишком он перенапрягся за последние дни.

Тисл лежал на тротуаре и думал о парне. У парня кровотечение, он тоже слабеет. Но его это не остановило. Если парень продолжает держаться, значит, он еще многое может.

Но я так устал, подумал Тисл о себе, так трудно двигаться.

Да чего там устал. Просто страшно.

Он вскрикнул и, шатаясь, медленно поднялся. Парень должен быть за развалившимся зданием полицейского участка. Но он не мог убежать, потому что задний двор участка кончался высокой изгородью из колючей проволоки, а по другую сторону изгороди сразу за универсальным магазином был глубокий обрыв. У парня не хватит времени и сил, чтобы преодолеть это место. Он побежит дальше по улице, а там два дома, затем площадка для игр и принадлежащее городу поле, густо поросшее высокой травой; на поле — построенный детьми сарайчик.

Он осторожно пошел вперед, выискивая среди дыма парня и стараясь не смотреть на останки Харриса. Теперь Тисл был между зданием суда и полицейским участком, оба горящих здания освещали его, дым разъедал глаза, огонь обжигал кожу. Дым на мгновение повернул в сторону, и он увидел, что люди, живущие в двух соседних с участком домах, вышли на свои крыльца и разговаривают, показывая пальцами. Иисусе, парень и эти дома может взорвать. Убьет их, как Харриса.

— Убирайтесь к черту! — прокричал он. — Уходите быстрее!

— Что? — крикнул кто-то в ответ.

— Он близко! Бегите! Спасайтесь!

— Что? Я не слышу!

Глава 16

Он спрятался за крыльцом последнего дома и целился в Тисла. Мужчина и две женщины на крыльце все свое внимание переключили на Тисла и не заметили, что Рэмбо совсем рядом. Но когда он взвел курок винтовки, кто-то, наверное, услышал щелчок, потому что женщина вдруг наклонилась к нему через перила, шепча:

— Боже мой, Иисусе...

Это было вполне достаточным предупреждением; Тисл вскочил с тротуара и пробежал по лужайке к крыльцу первого дома. Рэмбо все же выстрелил, не надеясь попасть, но

рассчитывая хотя бы напугать Тисла. Женщина закричала. Передернув затвор, Рэмбо выбросил пустую гильзу, прицелился в торчавший из-за угла ботинок Тисла и пажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало — кончились патроны. Перезарядить винтовку не было времени, он бросил ее и тут же выхватил полицейский револьвер, но ботинок Тисла уже исчез. Женщина продолжала кричать.

— Да заткнитесь вы ради Бога, — сказал ей Рэмбо и побежал к заднему углу дома, всматриваясь во все тени. Тисл не рискнет приблизиться спереди, где огонь сделает его прекрасной мишенью. Он проскользнет в темноту позади первого дома и будет пробираться к этому. Рэмбо остановился у самого угла и стал ждать. Его лицо было в крови, она стекала со лба: лоб он разбил, когда столкнулся с машиной Тисла.

Ожидание затянулось, на него напала сонливость, но он сразу же встряхнулся. Звуков никаких не было, однако ему показалось, что черная фигура скользит в кустах вдоль задней изгороди. Он прицелился, но выстрелить не смог. Сначала надо было убедиться, что это Тисл. Но со зрением у Рэмбо было не все в порядке: в глазах двоилось, изображение предметов было расплывчатым. Ужасно болела голова, казалось, она вот-вот треснет.

Почему тень не двигается? Или он просто не видит? А время идет. Сирены завывают все ближе. Возможно, это пожарные сирены.

А может быть, полиция. Сейчас он слышал, как люди, что стояли на крыльце, переговариваются о нем в доме. Рэмбо насторожился, ощупал взглядом местность и заметил Тисла, тот шел по лужайке. Рэмбо выстрелил совершенно автоматически, Тисл вскрикнул, его отбросило к тротуару. Но Рэмбо не мог понять, что происходит с ним самим: он сразу будто потерял вес и медленно, очень медленно упал лицом в траву. Руки его были теплыми и мокрыми на груди. О господи, он ранен. Тисл успел выстрелить и попал в него. Нужно двигаться. Нужно убираться отсюда. Сирены.

Стоять он не мог. Мог только ползти по земле, как червь. Пламя ближнего пожара полыхнуло сильнее, он напрыг глаза, сквозь рябь неподалеку увидел детскую площадку и пополз туда на животе.

— Ружье? Где мое ружье? — кричал мужчина в доме.

— Нет. Пожалуйста, — умоляла его женщина. — Не выходи туда. Не вмешивайся.

— Где мое ружье? Куда ты его дела? Я просил не трогать мое ружье.

Рэмбо пополз быстрее, достиг забора, калитки, открыл ее, вполз на площадку. За его спиной гулко отдавались шаги по деревянной лестнице.

— Где он? — слышался голос мужчины уже немного яснее, он выбежал на улицу. — Куда он пошел?

— Вон там! — завопила вторая женщина, та, которая видела Рэмбо с крыльца. — Вон он! За калиткой!

Мерзавцы вы все, устало подумал Рэмбо, поворачивая голову. Мужчина целился в него из ружья. Он казался очень неуклюжим, пока целился, но сразу стал грациозным, когда в него попала пуля Рэмбо — плавным движением схватился за правое плечо, легко повернулся вокруг своей оси и упал картинно, как в театре.

— Иисусе, я ранен, — простонал мужчина. — Он в меня попал. Я ранен.

Этот человек просто не знал, как ему повезло. Рэмбо целился ему в грудь, а не в плечо. Но он уже совсем плохо видел, не мог ровно держать винтовку, быстро терял кровь из раны в груди, у него не было теперь ни шанса уйти, ни возможности защищаться, ничего у него не оставалось. Кроме, может быть, последней палочки динамита из магазина оружейных товаров. К черту динамит. Сил оставалось так мало, что он и на пять футов его не бросит.

— Он в меня попал, — продолжал стонать мужчина. — Я ранен.

Ну что ж, я тоже ранен, приятель, но ведь не жалуясь, подумал он и, не желая ждать, когда за ним приедут люди в машинах с сиренами, пополз в высохший пруд посреди площадки для игр. Там он наконец остро почувствовал жуткую боль. Пуля Тисла пробила сломанные ребра, и боль нарастала, поглощая, казалось, его всего. Он царапал грудь, раздирал, рвал. Наконец, качая головой из стороны в сторону, поднялся на ноги и, согнувшись, доковылял до изгороди, что на краю площадки. Изгородь была низкая, он перевалялся через нее, ожидая, что ударится спиной о землю. Но приземлился мягко на ветки без листьев, колючки. Неужели опять куманика? Тисл спасся когда-то в зарослях куманики... Почему же он не может?

Глава 17

Тисл лежал на спине, глядя на освещавший тротуар желтый фонарь. Он заметил, что перед глазами появилась какая-то муть, и начал усиленно моргать, прижимая руки к ране в животе. Его изумляло, что, помимо легкого зуда в кишечнике, он ничего не чувствовал. В спине тоже была рана, но и там он ощущал только зуд. Казалось, тело уже не принадлежало ему.

Он слушал сирены, было ощущение, что они совсем рядом. Подвигал одной ногой, потом другой, поднял голову, выгнул спину. Ну что ж, хорошо, что пуля, пройдя сквозь тело, не перебила спинной мозг. Но суть-то в том, сказал он себе, что ты умираешь. Такая большая рана, и почти нет боли — это значит, ты умираешь. Его удивило, что он мог думать об этом вполне спокойно.

Кто-то был рядом с ним. Стоял на коленях. Женщина. Старая женщина.

— Я могу что-нибудь сделать? — мягко спросила она.

— Нет. Нет, спасибо. Я не думаю, что вы что-то сможете сделать... Я попал в него, вы не знаете? Он мертв?

— Он упал, кажется, — сказала она. — Я из дома, что рядом с участком. Я точно не знаю.

Звуки сирены. Очень громкие. Где-то у него в голове. А сам он, казалось ему, был где-то рядом. Как странно. Он приподнял голову, глядя в сторону площадки, — из-за угла появились полицейские машины, на бешеной скорости, с «мигалками» на крышах. Шесть, считал он.

Завизжали покрывки по бетону — машины, резко дергаясь, останавливались у горящего полицейского участка, вой сирен угасал. Один из полицейских показал рукой в сторону Тисла, и все побежали к нему, закрывая лица от жаркого дыхания пожара: среди них он заметил Траутмэна. Каждый полицейский держал револьвер в руке, у Траутмэна было обычное полицейское ружье, которое он, наверное, взял в машине.

Теперь Тисл разглядел и Керна. Керн приказал на бегу соседнему полицейскому:

— Вернись в машину! Вызови по радио «Скорую помощь»! — И, показав рукой в сторону улицы, прокричал другим полицейским: — Уберите отсюда этих людей! Быстро! Быстро!

— Парень, — сказал Тисл.

— Молчите, — сделал жест Керн.

— Кажется, я в него попал. — Тисл проговорил это очень спокойно. Он сконцентрировал внимание, стараясь представить, что он — это парень. — Да. Я в него попал.

— Берегите силы. Не нужно ничего говорить. Сейчас придет врач. Мы появились бы здесь раньше, но пришлось обезжечь огонь и...

— Слушайте.

— Успокойтесь. Вы сделали все, что могли. Дальше мы сами.

— Но я должен вам объяснить, где он сейчас.

— Вы восьмером пойдете со мной, — сказал Керн, отворачиваясь. — Разделитесь. Половина с этой стороны дома, половина — с той. Будьте осторожны. Остальные пусть уберут отсюда зевак. Там еще кто-то ранен? Помогите ему.

— Но его нет за домом. — Слишком поздно. Керн и его люди ушли.

— Нет его там, — повторил он уже для себя. — Керн, что с ним такое, он совсем не слушает? — Вот и хорошо, что он в тот вечер не дождался Керна, ушел в лес. С Керном было бы вдвое больше беспорядка, и люди его погибли бы с остальными.

Траутмэн еще ничего не сказал. Немногие полицейские,

оставшиеся неподалеку, не могли смотреть на кровь. Но не он.

— Нет, только не вы, Траутмэн. Вас кровь не смущает. Вы привыкли.

Траутмэн не ответил, просто смотрел.

Кто-то из полицейских сказал:

— Может быть, Керн прав. Может быть, вам лучше не говорить.

— Эй, Траутмэн, а ведь я это сделал. Сказал, что сделаю, и сделал.

— О чем это он? — спросил полицейский. — Я не понимаю.

Траутмэн жестом велел ему замолчать.

— Я ведь говорил, что перехитрю его, разве нет? — Голос Тисла звучал по-детски. Ему это не понравилось, но он ничего не мог с собой поделать. — Он был здесь, сбоку у крыльца, а я вон там, у того крыльца, и я чувствовал — он ждет, когда я выйду. Ваша школа хорошо его обучила, Траутмэн. Он делал в точности, как учили, поэтому я смог его перехитрить. — Его удивляло, что рана не болит, ничто не мешает ему говорить и слова льются ровным потоком. Ах да, это потому, что он умирает. — Я представил себе, что я — это он. Понимаете? Я думал о нем постоянно и теперь точно знаю, где он и что делает. И вот тогда я понял, чего он ждет: что я приду сзади, через двор, где деревья и темно, но уж никак не со стороны улицы, потому что там все освещено огнем пожара. Понимаете, Траутмэн? Ваша школа обучила его партизанским боям в гористой местности, и он инстинктивно повернул к деревьям и кустарнику. Но я после того, что он сделал со мной в холмах, поклялся, что никогда не буду воевать на его условиях, только на моих. Помните, что я вам говорил? Это мой город. И я это сделал — перехитрил его, Траутмэн. Он получил мою пулю в грудь.

Траутмэн по-прежнему молчал. Он очень долго смотрел, потом показал на рану Тисла.

— Это? Вы об этом? Но я же говорил. Ваша школа хорошо его обучила. Боже мой, какая у него реакция.

Взрыв встряхнул, казалось, весь город, небо осветилось.

— Цистерны взорвались, — злобно пробормотал полицейский.

Вернулся Керн.

— Его там нет.

— Знаю. Я хотел об этом вам сказать.

— Мои люди ищут его. Он оставил след — кровь.

Послышался крик со стороны дома:

— Он пошел по детской площадке!

— Не кричи так громко, ты же его предупреждаешь!

— Не беспокойтесь, — сказал Тисл. — На детской площадке его нет.

— Откуда у вас такая уверенность? Вы же здесь довольно долго пролежали. Сейчас он может быть где угодно.

— Нет. Необходимо представить себя на его месте. Нужно притвориться, что вы — это он. Он ползком пересек детскую площадку, перелез через изгородь и сейчас лежит в кустах куманики. Я сбежал от него по таким зарослям, в лесу они прямо-таки бесконечные, а сейчас он пытается сделать то же самое, но он тяжело ранен. Вы не можете себе представить, какая у него в груди боль. Там стоит какой-то сарайчик, его сделали дети, вот к нему он и ползет.

Керн, хмурясь, вопросительно посмотрел на Траутмэна, потом на стоявшего рядом полицейского.

— Что с ним было в мое отсутствие? Что вообще происходит?

Полицейский как-то странно покачал головой.

— Ему кажется, что он — тот парень.

Керн опустил на колени рядом с Тислом.

— Держитесь, скоро прибудет врач. Очень скоро. Я обещаю.

— Это неважно.

— Держитесь. Пожалуйста.

Завывая сиренами, подъехали две огромные пожарные машины, быстро выскочили пожарники, разматывая шланги.

Опять донесся крик со стороны дома:

— Он пересек площадку! Везде кровь! Там какое-то поле и кусты!

— Не кричать, я сказал! — Потом Тислу: — О'кэй, сейчас узнаем, правы вы были или нет.

— Подождите.

— Он скроется. Я должен идти.

— Нет. Подождите. Я хочу, чтобы вы мне пообещали.

— Я уже обещал. Врач скоро прибудет.

— Нет. Другое. Вы должны мне обещать. Когда найдете его, я хочу увидеть его конец. Я имею право. Я слишком много вынес, чтобы не видеть конца.

— Иисусе.— Керн изумленно покачал головой.— Иисусе.

— Я выстрелил в него, попал и сразу перестал его ненавидеть. Мне теперь его просто очень жаль.

— Да, конечно.

— Нет, не потому, что он в меня попал, нет. Само по себе это не имеет значения. Если бы он в меня не попал, мне все равно было бы жаль. Только обещайте, что я увижу его конец. Это мой долг перед ним. Я должен быть с ним до конца.

— Иисусе.

— Обещайте мне.

— Хорошо.

— Не лгите. Я знаю, вы считаете, что я слишком тяжело ранен, чтобы можно было тащить меня на то поле.

— Я не лгу, — сказал Керн. — Мне пора идти.

Траутмэн остался с Тислом.

— Да вы не идете, Траутмэн, — сказал Тисл. — Вы пока

хотите остаться в стороне, так? А не кажется ли вам, что вы тоже должны это видеть? Быть там и наблюдать, как он поведет себя в безвыходной ситуации?

Траутмэн заговорил наконец, и голос его был очень сухим.

— Как вы себя чувствуете?

— Я ничего не чувствую. Нет, не то. Бетон очень мягкий.

— О! — По земле пробежала ударная волна нового взрыва, небо осветила еще одна вспышка. Огонь дошел до второй бензостанции.

— Еще одно очко в пользу вашего парня, — сказал Тисл. — В школе его хорошо обучили, тут никаких сомнений.

Траутмэн посмотрел на пожарных, поливавших из шлангов здание суда и полицейского участка, на рану в животе Тисла, и его глаза блеснули. Он передернул затвор ружья, вводя патрон с дробью в патронник, и пошел через лужайку к задней части дома.

— Зачем вы это сделали? — спросил Тисл, хотя он уже сам догадался. — Подождите.

Никакого ответа. Траутмэн быстро удалялся.

— Подождите, — из последних сил повысил голос Тисл. — Вам нельзя этого делать!

Но Траутмэн уже исчез.

— Черт возьми, подождите! — закричал Тисл. Он перекатился на живот, судорожно впинаясь ногтями в землю. — Я должен быть там! Это должен сделать я!

Он поднялся на четвереньки, кашляя, из живота текла на бетон кровь. К нему подбежали двое полицейских, схватили, не давая встать на ноги.

— Вы должны отдохнуть, — сказал один из них. — Успокойтесь.

— Не лезьте ко мне! Я серьезно говорю!

Он сопротивлялся, барахтался, они мягко его удерживали.

— Я имею право! Это я начал!

— Лучше отпусти его, — сказал другой. — Если он будет от нас отбиваться, то причинит себе еще больше вреда.

— Посмотри, сколько на мне крови, — возразил первый. — Ну сколько ее еще может быть в нем?

Достаточно, подумал Тисл. Достаточно. Он поднялся на ноги. Это я начал, Траутмэн, думал он. Он мой. Не ваш. Парень хочет, чтобы это сделал я.

Он пошатывался, было трудно сохранить равновесие. Он знал, что если упадет, подняться уже не сможет. И одна мысль не оставляла его, парень хочет, чтобы это сделал он.

Глава 18

Отупевший от боли Гэмбо полез через куманику к маленькому сарайчику.

В отсвете пожара он видел, что одна стена его клонится

внутрь, крыша под углом, а заглянуть в открытую дверь он мог, там было темно. Он полз, но, казалось, слишком много времени уходит у него, чтобы преодолеть небольшое расстояние, — тут он заметил, что лишь производит необходимые движения, но остается на месте. Тогда он приложил больше усилий и начал понемногу продвигаться к сараю. Но когда оказался у черного входа, что-то его остановило. Почему-то ему вспомнился душ, в который его загнал Тисл, и камера, где он хотел его запереть. Они были ярко освещены, это верно, но чувство отвращения было таким же. Все, от чего он бежал, смыкается вокруг него, думал Рэмбо, и неужели он настолько обессилен, что собирается вести отсюда бой?

Ни о каком бое не могло быть сейчас и речи. Он видел слишком много людей, умерших от пулевых ранений, чтобы не понимать, сам умирает от кровотечения. Боль засела в груди и голове, резко отзываясь на каждый удар его сердца, но руки и ноги уже онемели от потери крови, вот почему так трудно было ползти. Жизни осталось совсем немного. Но, по крайней мере, он еще мог выбрать, где окончательно расстаться с ней. Только не здесь. Тут он чувствовал себя как в пещерах. Нет, на открытом месте. Он будет смотреть в небо, вдыхать чистый воздух.

Он пополз направо от сарая, неловко забиваясь глубже в кустарник. Правильно выбрать место. Это сейчас необходимо. Удобное и успокаивающее место. Он должен его найти, пока еще не поздно.

Впереди был пологий подъем, и он медленно вполз на самый верх. Здесь не так высоко, как ему хотелось бы, но все же теперь он был над полем, а трава казалась перинной, набитой соломой. Он посмотрел на облака, там плясали яркие оранжевые отсветы пожаров. Ну вот, он нашел это место.

Во всяком случае, на душе у него было спокойно. Но боль усилилась, разрывая его грудь, — а конечности невели все больше. Скоро это онемение дойдет до груди и погасит боль — а что дальше? Голова? Или он умрет еще раньше?

Он думал о Тисле. Обо всем, что случилось за последние дни. Ему было жаль, что все это случилось. Но случиться это должно было. Он сожалел, но знал, что, если бы сейчас опять был понедельник, он заново сделал бы все, что уже сделал — как повторил бы свои действия и Тисл. Ничего избежать было нельзя. Их битва касалась чего-то очень важного.

Чего же?

Да всех этих громких слов, сказал он себе: свободы и прав человека. Он начал войну на своей земле, потому что... Нет. Нет. Он убил здесь много людей и мог бы притвориться, что это было необходимо, ибо они являлись частью того, что не дает таким, как он, жить в мире. Но он не совсем в это верил. Ему слишком нравился сам бой, а риск приятно щеко-

тал нервы. Возможно, его создала война, подумал он. Возможно, он настолько привык к действию, что в мирной жизни ему уже нет места.

Онемение распространилось по телу. Ну что ж, подумал он, если это и легкая смерть, то плохая. Беспомощная. Ему оставался один выбор — как умереть. А умирать как загнанный раненый зверь он не хочет. Лучше умереть сразу. Вспышкой.

Он достал из кармана последнюю палочку динамита, открыл коробку с запалом и взрывателями, вставил один комплект в палочку, сунул ее за брючный ремень. Помедлил, не зажигая запал.

Он оглядел свое поле боя — в глазах двоилось — и увидел — человека в форме «Зеленых беретов», осторожно, пригнувшись, тот шел в его сторону. У него была винтовка — или ружье, различить Рэмбо уже не мог. Но он хорошо видел форму «Беретов» и знал, что это Траутмэн. А позади Траутмэна, шатаясь и держась за живот, шел Тисл. И Рэмбо понял, что к смерти есть другой путь.

Глава 19

Тисл передохнул на детской площадке, опираясь о брус, потом оттолкнулся и пошел дальше, к изгороди. Он очень боялся, что Траутмэн выйдет на поле раньше него, но теперь это исключалось — Траутмэн был впереди всего в нескольких шагах, он притаился за скамейкой и изучал густой кустарник поля. Всего несколько шагов. Тисл протянул руки и схватился за скамейку, чтобы не упасть.

Не отводя глаз от поля, Траутмэн сказал ему:

— Ложитесь. Он вас увидит.

— Если я лягу, то больше уже не встану.

— Тогда зачем все это? От вас все равно никакой пользы. Не вмешивайтесь. Вы себя убиваете.

— Лечь и позволить вам кончить это дело за меня? Нет. Я все равно умираю.

Траутмэн посмотрел на него.

Где-то поблизости, невидимый, кричал Керн:

— Ложитесь, черт возьми! Он в укрытии, и я туда людей не пошлю! Я велел привезти бензин! Он любит играть с огнем, вот мы его и подпалим!

Да, это твой стиль, Керн, подумал Тисл. Он заметил, что под ним уже набралась лужа крови.

— Ложитесь, черт возьми! — орал Керн.

Хочешь подпалить его, Керн? Примерно такой подлости я от тебя и ожидал, думал он. Но можешь не сомневаться, еще не успеет твой огонь дойти до него, а он уже придет сюда, стреляя, и прихватит с собой нескольких из твоих людей. Есть только одна возможность сделать это — кому-то вроде

меня, у кого все равно нет надежды, пойти и взять его. Ты еще мало людей потерял, а то бы сам понял это.

— Что такое? — прокричал Керн, и Тисл понял, что последние мысли он произнес вслух. Это испугало его — конец совсем близок, а нужно перелезть через изгородь, пока он еще в состоянии. На изгороди была кровь. Кровь парня. Хорошо. Он перелезет в том же месте, что и парень. Он сделал усилие и перевалился через изгородь, при этом его кровь смешалась с кровью парня. Он понимал, что должен был больно удариться о землю, но удара не почувствовал.

Траутмэн выскочил из-за скамейки, стремительно перелетел через изгородь и мягко приземлился на траву рядом с ним.

— Не лезьте сюда, — сказал ему Тисл.

— Если вы не заткнетесь, он будет знать все, что мы делаем.

— Его нет поблизости, он ничего не услышит. Он в самом центре поля. Послушайте: вы же знаете, он хочет, чтобы пришел теперь я. У меня есть право довести все до конца. Вы знаете.

— Да.

— Тогда не лезьте не в свое дело.

— Я начал это задолго до вашего участия и собираюсь помочь вам. Нет ничего позорного в том, чтобы принять мою помощь. Теперь идемте, пока вы еще можете двигаться.

— Ладно, вы хотите помочь? Тогда вначале помогите мне подняться. Сам я не в состоянии встать.

Траутмэн поднял его на ноги и исчез в кустах, а Тисл остался стоять, голова его была над кустарником, он осматривал его и думал: ползти, ползти как можно быстрее. Что бы ты ни делал, это не имеет значения. Я доберусь до него раньше тебя.

Он закашлялся и выплюнул что-то соленое, отдышавшись, пошел через кусты по прямой к сараю. Было очевидно, что парень двигался этим путем: это подтверждали сломанные ветки. Шел Тисл медленно, чтобы не упасть. Однако удивительно быстро достиг сарая. Уже собираясь войти, он вдруг почувствовал, что парня там нет. Огляделся и, будто его притягивало магнитом, пошел, шатаясь, по новому следу из сломанных веток, к большому пруду. Парень там. Он это знал, чувствовал.

В голове совсем помутилось, будто его воля принадлежала кому-то другому. Он увидел, как его рука поднимается и пистолет целит в бугор.

Глава 20

Онемение достигло уже плеч Рэмбо, и винтовку он держал будто двумя кусками дерева. Тисл трюился у него перед глазами, пистолет в его руке тоже, и он знал, что все должно быть именно так.

Не медленный уход в забытие и небытие. Не подожженный запал и самоуничтожение. А вот так, последний бой, один на один с Тислом. Глаза и руки подводили его, и он не надеялся уже, что попадет в Тисла. Но если промахнется, Тисл увидит вспышку и выстрелит. По крайней мере, смерть наступит в бою. Рэмбо силился нажать на спусковой крючок, целясь в сердце смутной фигуры Тисла. Дуло прыгало, шансов попасть — никаких. Но постараться-то нужно, иначе все теряет смысл. Он приказал своей руке нажать на крючок, но рука не действовала, а когда сконцентрировал на ней внимание, винтовка неожиданно для него выстрелила. Ах как глупо! Он обругал себя. Совсем не тот, настоящий бой, на который он надеялся, и теперь пуля Тисла оборвет его жизнь. Он ждал. Пуля должна бы уже прилететь. Он прищурился, стараясь разглядеть Тисла, распластавшегося в кустах. О господи, он в него попал. Но он же не хотел этого! Теперь все его тело онемело до такой степени, что он уже не сможет поджечь запал. Как все глупо. Безобразно и глупо. А потом смерть взяла его, но это был не оупляющий сон, бездонный и темный, а вспышка подобная динамиту, только она пришла не со стороны живота, а вспыхнула в голове...

Глава 21

Ну вот и все, думал Тисл. Он лежал на спине в кустах, дивясь на звезды и повторяя себе, что не знает, что с ним случилось. Он и не знал. Он видел винтовочную вспышку и упал. Но падал так медленно и мягко, что не мог понять, попала в него пуля или нет.

Тисл услышал шаги, кто-то шел сквозь кусты. Это парень, подумал он. Он идет очень медленно. Это и понятно, ведь он тяжело ранен.

Но оказалось, это Траутмэн, его голова появилась на фоне неба, лицо и форма лучились в отблесках пожара — а глаза были тусклые.

— Ну как? — спросил Траутмэн. — Очень плохо?

— Нет, — ответил Тисл. — Даже как-то приятно. Если не думать о том, что будет дальше. Что это был за взрыв неподалеку?

— Наверное, это я выстрелил ему в голову из ружья.

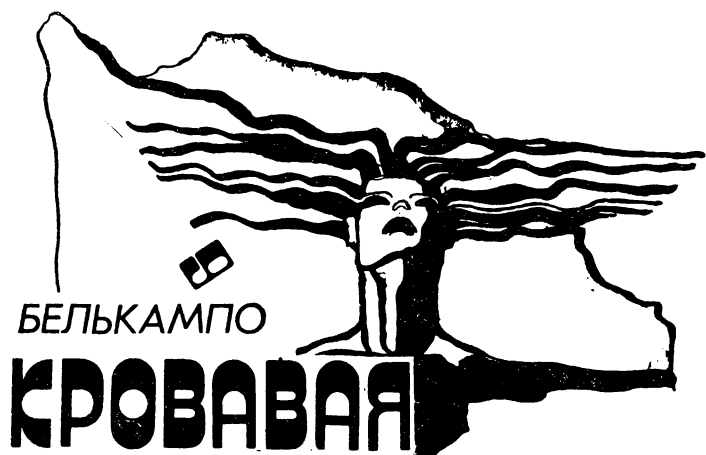
— И как вы себя сейчас чувствуете?

— Лучше, чем когда думал, что ему больно.

— Да.

Траутмэн передернул затвор, выбрасывая пустой патрон из ружья, и Тисл проследил глазами его блестящую дугу в воздухе. И умер.

Перевел с английского Л. ДЫМОВ

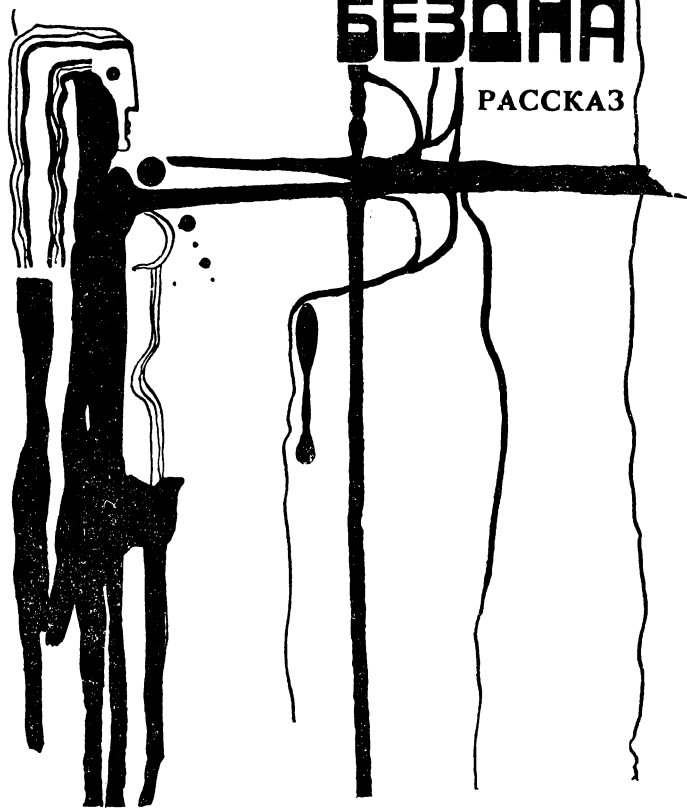

БЕЛЬКАМПО

КРОВАВАЯ

БЕЗДНА

РАССКАЗ

Художник Наталия ХОВРИНА

Тема вампиров и их вампирской жизни не столь часта на страницах книг, доступных нашему читателю. Правда, в последнее время в прессе появились устрашающие сообщения о случаях такого рода в реальной жизни, но тут уж не до шуток.

Пожалуй, первоначальные сведения о нравах вампиров все мы получили из небезызвестной повести А. К. Толстого. Те же, кто находит, что тема эта осталась не исчерпанной русским классиком, могут обратиться к историям о графе Дракуле, наводнившим сегодня прилавки книжных киосков.

Можно ли после этого сказать что-то новенькое о вампирах? Оказывается, можно, если соединить пронизывающую этот жанр «чернуху» с черным же юмором, гротеском, пародией. Новая история о вампирах пришла к нам из Нидерландов, страны, литература которой почти неизвестна советскому читателю. В творчестве автора рассказа Белькампо проглядывают своеобразные особенности, характерные для современной прозы этой маленькой, такой благоустроенной и ухоженной страны: стремление отыскать нечто фантастическое и абсурдное в привычном уютном мире, вдруг обнажить, так сказать, двойное дно, изнанку комфортного и налаженного существования. А потому в истории о вампирах, рассказанной Белькампо, истории, в которой без конца льется кровь и фигурируют леденящие душу медицинские подробности, тоже не все так просто: есть здесь и попытка воссоздать традиционный жанр «ужасов», и чисто голландское скрупулезное внимание к подробностям.

Наталия ИВАНОВА

От чего умирают люди в наши дни, если, конечно, на роду человеку написано умереть своей смертью? Судя по газетам, нас сводят в могилу в основном инфаркты и сердечные приступы. А вот в прежние времена лежит, бывало, иной покойник блее полотна, и кажется, уж ни кровинки не осталось в нем. Ну, это в прошлом. Где же вампиры теперь, неужто перевелись все? Может, с голоду повымирали, не хватает им крови людской? Или полиция их наконец извела, а последних добили неорганизованные граждане? Но что, если некоторые все-таки уцелели и живут себе среди нас незаметно и тихо? Деваться им некуда, приспособились к нашему рациону, перешли на свеклу и краснокочанную капусту. Даже клыки у зубного врача пришлось подпилить. Впрочем, все это еще ничего не значит, ибо при первой же возможности они норовят вернуться к своим прежним вкусам.

Да и сами люди уже давно позабыли о вампирах. Мы не боимся теперь оставлять окна открытыми на ночь. Ну кому придет в голову, что наша кровь — это подлинное богатство, на которое кто-то может покуситься, а сонная артерия — настоящий клапан для выкачивания этого богатства?

Каково, однако, было бы изумление этих неверующих, доведись им субботним вечером заглянуть в подвальное оконце Вилхелмина-клиники, в цоколе которой разместилась городская станция переливания крови! Если ровно в десять

часов вечера нашему взгляду удастся проникнуть сквозь плотно задернутые шторы, мы увидим их. Перед каждым — наполненный кровью сосуд, закрепленный в штативе наподобие капельницы у постели тяжело больного, с той лишь разницей, что стеклянные резервуары не имеют отводных резиновых трубок, а мы находимся отнюдь не в больничной палате.

Случайному наблюдателю столь тщательно скрываемая от посторонних взглядов сцена не внушила бы и тени подозрения. В самом деле, никакой таинственности, никакого полумрака, помещение залито ярким светом неоновых ламп. Сороконожкам и прочей живности, что селится по углам, забиться некуда в этом зале с гладкими, без единой трещинки стенами, где все на виду. Правда, лица у присутствующих странного землистого оттенка, но при таком освещении и пышущий здоровьем человек может показаться смертельно бледным. В воздухе совсем не чувствуется затхлости: по-видимому, работают кондиционеры.

Круглые деревянные табуретки да лабораторные штативы — вот и вся обстановка помещения.

Если бы мы могли прочитать надписи на сосудах, то непременно отметили бы, что среди доноров преобладали молодые женщины в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. В отблеске неоновых ламп алый цвет жидкости не казался таким насыщенным, она просвечивала, точно розовое вино на солнце, точно кровь больных анемией. Но нет, то была настоящая, полноценная кровь, искрившаяся на свету.

Собравшиеся здесь в субботний вечер походили скорее на заговорщиков или поклонников запретного культа. Пятеро мужчин и четыре женщины сидели на табуретках, расставленных по кругу. Ни на ком не было медицинских халатов, и сходство, объединявшее их, проявлялось не в одежде, а в лицах этих людей, сохранявших следы былой привлекательности и вместе с тем на редкость изможденных. Неподвижный взгляд глубоко запавших глаз, сероватая кожа, редющие волосы.

Все сидели, не двигаясь, будто скованные оцепенением. Когда же они зашевелились, их жесты, плавные и осторожные, завораживали, словно движения щупалец. Женщины изгибали необычайно длинные шеи, будто самой природой созданные для того, чтобы облегчить путь к цели жадным, ищущим губам. О возрасте этих людей трудно было судить даже приблизительно.

Присутствующие хранили молчание, каждый и без того знал, зачем они собрались здесь и что следует дальше. При взгляде на эти застывшие в зловещем молчании фигуры на память приходили образы Тайной Вечери. Наконец председательствующий на этом странном собрании подал сигнал к началу. Вслед за этим каждый снял колбу со своего штатива и вскрыл ее, раздавив пальцами запаянное гор-

лышко. Осколки они припрятывали, как если бы то была драгоценная реликвия. Эти нехитрые манипуляции привели всех в бурный восторг, перед которым бледнеет экстаз верующего, готовящегося вкусить заветных даров. Дрожь сотрясала их, они извивались в конвульсиях. Женщины закрывали глаза, словно в припадке эпилепсии. Сжав драгоценный сосуд, они нежно гладили стекло, прижимались к нему лицом. Так мать, прежде чем накормить своего малыша, прикладывает к щеке бутылочку с молоком, пробуя на ощупь, не слишком ли горячее.

Смятение, охватившее вампиров, улеглось так же внезапно, как и возникло. Все взгляды вновь устремились к самому главному. Ответом на эти напряженные, изголодавшиеся взоры была двукратно повторенная фраза: «Дозволь же мне причаститься этого вина!» Первый раз тот, кто задавал здесь тон, произнес эти слова чуть слышно, с трепетом, второй — громко и настойчиво, так что никто не смог сдержать дрожь.

На великое это «причащение» стоило посмотреть. Одни молодежато вливали в глотку алую струю, держа руку на отлете. Кровь разбрызгивалась во все стороны, на лицах появились классические «винные пятна», описанные в старинных хрониках. Другие — расчетливые и экономные — утоляли жажду, бережно держа перед собой колбы наподобие музыкального инструмента. Издалека их можно было принять за музыкантов оркестра, состоящего сплошь из фаготов.

По мере того как с кровью вливались в них свежие силы, движения вампиров убыстрялись. Крепче и увереннее сжимали они в руках свои колбы, некоторые начали чокаться ими. Еще немного — и они уже не могли усидеть на табуретках. Тот, кто до сих пор в трансе раскачивался из стороны в сторону, вскакивал и, продолжая потягивать свое питье, кружился и дергался в фантастическом танце.

Но назвать происходившее в этот вечер буйством или оргией не смог бы никто. Каждый член тайного сообщества был поглощен лишь своей собственной порцией крови, не отвлекаясь на других. Опустел последний сосуд, и сытая лень сморила вампиров. Ведь и майский жук, прежде чем взлететь, набирает запас воздуха. Может быть, и вампирам точно так же необходимо подождать, пока выпитая кровь всосется стенками желудка и разойдется по всему организму? Воцарившееся затишье напоминало безмолвную молитву. Через некоторое время по знаку старшего все поднялись, отодвинули табуретки и собрали пустую посуду, которую надлежало спрятать. Выходили они по одному, к воротам больницы пробирались разными путями и скрывались на городских улицах, смешиваясь с прохожими.

Оставшись один, главный из вампиров вымыл колбы и поставил их на полку, где стояло множество точно таких

же. После этого он направился в помещение администрации и навел кое-какой порядок там. Он, казалось, не только располагал ключами от всех шкафов и ящиков, но и великолепно ориентировался в расположении кабинетов. Ничего удивительного: старейшина вампирского сообщества одновременно трудился на посту главврача станции переливания крови.

Своими корнями паша история уходит в ту пору, когда стали создаваться первые запасы консервированной крови, а было это после первой мировой войны. Среди уцелевших к тому времени вампиров тут же началось движение за гуманное отношение к людям. Специальный журнал «Утренний багрянец», издаваемый в глубочайшем подполье, напечатал программную статью в обоснование нового подхода к их кровавому промыслу.

Донору, говорилось в статье, совершенно безразлично, кто и как использует сданную им кровь, волеют ли ее больному или употребим ее мы, вампиры, и тем самым уменьшим потери, которые из-за нас несут люди. Если бы у людей хватило ума сообразить, что такое сотрудничество в наших общих интересах, они бы сами уже давно поставляли нам питание. При сегодняшнем развитии медицины это совсем нетрудно сделать. Но нет, они упорствуют, они отказывают нам в животворном глотке. Что ж, пусть неняют на себя. Отныне мы полностью берем заботу о хлебе насущном в свои руки.

Вампиры, надо сказать, обладали широчайшими познаниями в интересующей их области, поэтому вскоре среди них появились хорошие специалисты по болезням крови, занявшие ключевые посты в медицине. В медицине произошла невидимая смена кадров, и вампирам удалось-таки прибрать к рукам хранилища своего питания. Их молитва теперь звучала так: «Кровь нашу дай нам днесь, отныне, присно и во веки веков».

Для вампиров, казалось, настало золотое время, жизнь их потекла спокойнее, чем прежде, но тут случилось непредвиденное. То ли консервированная кровь потеряла свои целебные свойства, то ли нынешние вампиры уже разучились, как встарь, приобщать новые жертвы к своему страшному занятию, но так или иначе вампирское племя совсем захирело и начало вымирать. Ко времени нашего рассказа лишь в Амстердаме уцелела последняя, издавна бытовавшая там колония вампиров. Видно, по жилам эмстердамцев струилась кровь особого свойства.

Катастрофические последствия, которые нес вампирам их упадок, станут очевидными, если вспомнить, что путь к загробной жизни им от века заказан. Души грешников, терпящих мучения в аду, и те не приемлют вампиров, которым отмерен лишь срок земного бытия. Непрестанно подпитываясь кровью ближних, они еще могут продлить свое существо-

вание на земле. Но кровь людская, будучи субстанцией духовной, после смерти человека принадлежит Богу, так что, покушаясь на нее, вампиры посягают на то, что находится в Его владении. Теперь понятно, почему один вид распятия обращает вампиров в бегство, не говоря уже о молитве, от чтения которой с ними приключается болезнь. Единственный из библейских персонажей, кого поминают вампиры в своих ритуальных заклинаниях, это Исав¹, утративший право первородства, как сами они утратили возможность жизни вечной. Смерть для них абсолютна и окончательна.

Когда-то вампиры знавали пору расцвета, потом пришли в упадок, но история цивилизации об этом умалчивает. В сущности, людям ничего не известно о вампирах. Ни полиция, ни врачи, ни налоговая инспекция, ни даже представительницы древнейшей профессии не имеют о них понятия.

В клинике Амстердама махинации с кровью покрывал сам главный врач станции. Остальные члены вампирского сообщества вели скромное, замкнутое существование, стараясь ничем не выделяться среди окружающих. Вот только разносчик молока обходил их двери стороной. Отвращение, испытываемое ими к бескровной диете, делало невозможными брачные союзы за пределами своего круга. О том, как проходили их свадебные обряды, мы тоже не знаем. Соединяются ли жених и невеста в страстном поцелуе, чтобы вкусить крови друг друга, или только одному из новобрачных предстоит напоить своей кровью супруга? Все эти и многие другие подробности скрыты от нас кровавым пологом тайны.

То, что последним оплотом вампиров оказался именно Амстердам, объяснялось, по всей видимости, не только превосходным составом крови его жителей, но и еще одним немаловажным обстоятельством. Трудно отыскать город, в котором безбожие пустило такие глубокие корни, как здесь. Противоядием от благочестивых мыслей, кажется, служат сами испарения, поднимающиеся с каналов Амстердама, а свежие ветры с Северного моря и с Зейдерзее, встречаясь в небе над городом, уносят с собой излишки праведности. Одним словом, ни в каком другом городе церковь не позволяла вампирам жить вольготнее, чем здесь.

Хотя Амстердам не мог похвастаться благочестием, были там и многочисленные соборы, и подлинные ревнители веры. Даже римская католическая церковь, чье могущество осталось в прошлом, по сей день имеет в Амстердаме своих прихожан. Устояв под напором революционных бурь и не

¹ Исав — первенец Исаака, близнец Иакова, хитростью отнявшего у него право первородства. (Здесь и далее прим. пер.)

дав увлечь себя новомодным течениям, истовые приверженцы католичества теснее сплотились вокруг своей церкви в послушное воле пастыря стадо, дружно пощипывавшее травку и отрывавшееся от своего занятия лишь для того, чтобы перейти на другой луг, где трава сочнее и гуще. Но даже среди этих смиренных овечек, так уж истари повелось, нет-нет да и попадались особи, наделенные самостоятельностью мышления. Эти и траву щипали не как все, и блеяли на свой лад. Из них выходили мученики и страстотерпцы. Такова была святая Тереза¹, такой была и Мария Роденбеек, героиня нашей истории. Младший ребенок в многодетной семье сапожника и доброго католика, Мария с малолетства не походила на своих братьев и сестер. Годам к двенадцати девочку связывала с семьей лишь общая крыша, в остальном же она жила своими мечтами и фантазиями. В сердце Марии горел неукротимым огнем факел веры Христовой. Ничего не желала она так, как монастырского послушничества в единении с небесным своим Женихом. Особенно претило ей отцовское занятие. Каждый удар молотка, загонявшего гвоздь в подметку, болью отзывался в сердце юной девушки, которой мерещилось деревянное распятие, залитое Его кровью.

Трудно теперь вспомнить, как это вышло, но с некоторых пор именно кровь, да-да, обыкновенная кровь будоражила воображение девушки и представлялась ей самым загадочным из творений Создателя. В экстазе своих видений Мария все чаще возвращалась к одной и той же средневековой миниатюре, где изображался круглый бассейн, наполненный кровью, струившейся из ран Христовых. Мужчины и женщины, входившие в него обнаженными без всякого стеснения, обретали исцеление от недугов, телесных и духовных. Сцена эта почти неизвестна нам по средневековым росписям, что, по всей видимости, объясняется некоторой фривольностью совместного купания.

В своих грезах Мария погружалась в теплую, ласкающую влагу, приносившую неизъяснимое блаженство. Рассудком она понимала, что у одного человека неостанет крови, чтобы наполнить ею бассейн, но религиозное чувство восставало против разума. Ибо если в Его власти было насытить семью хлебами четыре с лишним тысячи людей, то почему не может стать неиссякаемым животительный источник крови из ран Его? И тогда нет предела блаженству, которое испытываешь, без конца погружаясь в этот источник, омывая в нем свое бренное тело. Все дальше уносилась Мария в своих снах наяву и все неохотнее возвращалась к реальности.

¹ Тереза — испанская монахиня (1515—1582), реформировавшая орден кармелитов, видная представительница испанской мистики. Канонизирована в 1622 году.

К восемнадцати годам она рассталась с мыслью о затворничестве и монастырской жизни. Светлый образ Христа по-прежнему манил девушку, но теперь ею овладела идея служения Ему в миру. Она занялась медициной и, пройдя курс обучения, без труда получила диплом медсестры. Скромная, набожная Мария пользовалась неизменной любовью своих пациентов, и, что случается уж совсем редко, ее любили не только подруги по работе, но и начальницы. Иначе и быть не могло. Всякому, кто видел эти молитвенно сложенные руки, хотелось, чтобы они приласкали его. Глядя на этот нежный рот, шепчущий заветные слова, перехватывающая вздетый к небесам, кроткий, сияющий любовью взгляд, не один мужчина испытывал желание ощутить на себе тепло ее любви. Девушка подолгу молилась, но о чем — этого не знал никто. Быть может, вымаливала у Господа прощение за однажды совершенный грех? Заподозрить ее в падении? Нет, невозможно. Марию ни разу не видели с мужчиной, и, несмотря на всю ее привлекательность, в девственности ее сомнений быть не могло.

Вместе с дипломом молодая медсестра получила множество выгодных предложений и могла позволить себе выбирать будущее место работы. Она недолго колебалась. Конечно же, станция переливания крови! Мечты и реальность смешались в воображении девушки, донор ей рисовался Бого-человеком, приносящим жертву во имя всеобщего спасения. Может быть, бескорыстная любовь к ближним определила ее выбор, но так или иначе алая струя крови заворачивала Марию. Винодел не смог бы сноровистей и осторожнее откупорить бочонок редкого вина, чем она вскрывала сосуд с донорской кровью. Чувства ценителя, наполняющего бокал изысканным вином, не идут ни в какое сравнение с бурей переживаний, которые охватывали Марию, когда она разливала драгоценное содержимое сосуда в маленькие пробирки и затем, благостно-умиротворенная, расставляла их по местам. Возможно ли представить винодела, читающего молитвы в окружении плодов своего труда? Мария же час-тенько задерживалась в своем подвальчике после рабочего дня и, не отрывая взгляда от наполненных алой жидкостью пробирок, часами молилась, впадая в блаженное забытие.

Не так уж часты в жизни картины, приковывающие взгляд и навеки остающиеся в памяти. Таково было зрелище распластанной на темном полу белоснежной фигурки, окруженной искрящимся багрянцем колб и пробирок. Нежный анемон, расцветший на дне красного моря. Ни слова, ни единого движения, так что со стороны и не скажешь, возносит ли она благодарность Господу, принимает суровый обет или кается. В такие минуты, согреваемая живыми токами человеческой крови, она уносилась в заоблачные выси, постигала глубины жертвенной любви и милосердия, обр-етала благодать и, казалось ей, понимала Божественный про-

мысел. Каждую неделю Мария, уловив момент, задерживалась на работе до позднего вечера и однажды совершенно случайно проникла в тайну субботних сборищ.

В тот день она молилась, по обыкновению в глубокой задумчивости, из которой ее вывел скрип осторожно открываемой двери. Действуя скорее по наитию — ведь люди часто подозревают предосудительное в обычных причудах ближних, — она скользнула за один из шкафов и, притаившись там, видела, как главный врач воровато достал с полки несколько пробирок с кровью, припрятал их в сумку и, крадучись, вышел из комнаты. Странное поведение начальника подсказывало Марии, что дело нечисто. На следующий день она попыталась выяснить, не было ли накануне срочных переливаний, и получила отрицательный ответ. В журналах учета не обнаружилось никаких следов пропавшей крови.

Кошунство вершилось в стенах клиники, и Мария поняла, что не успокоится до тех пор, пока сама во всем не разберется. Значит, Господь внял ее страстным молитвам, решила девушка, если избрал именно ее, чтобы указать на преступников. Господь сделал ее орудием восстановления справедливости, и она не остановится ни перед чем, она не убоится тягчайших испытаний, и злодеи, поднявшие руку на то, что принадлежит одному Ему, будут изобличены.

Мария стала чуть ли не каждый день задерживаться на работе, и если раньше она делала это, не задумываясь, из потребности помолиться в одиночестве, то теперь ею двигало стремление разрушить преступный — в чем она нимало не сомневалась — замысел. Ничего из ряда вои выходящего в том, что главный врач покрывает какие-то темные делишки, разумеется, не было. Невероятным казалось то, что он, всегда такой мягкий и обходительный, при его-то доходах, позволил вовлечь себя в воровскую шайку.

Уже целую неделю продолжала Мария свои ежевечерние бдения, но никто не показывался. «Я занимаюсь глупостями, — убеждала она себя. — Может, ему и понадобилась кровь в первый и в последний раз, а я тут сижу без толку в засаде». Происшедшее стало представляться ей в ином свете. Это бесконечное ожидание ниспослано, чтобы наказать ее за излишнюю гордыню, за то, что вместо смиренных молитв она занялась слежкой, точно доморощенный детектив, и хуже того, сама вынашивает мстительные планы.

Будь что будет, решение принято. Нет сомнений в том, что исполнить волю Всевышнего поручено ей. Правда, теперь она не может уделять так много времени молитвам, как это привычно ей, но она разлучается со своим Господом лишь на короткий срок. И солдат ведь, отправляясь на рискованное задание, один-одинешенек на переднем краю.

Такими рассуждениями успокаивала себя Мария, как вдруг субботним вечером, когда она уже собиралась покинуть свой наблюдательный пункт, главный врач снова по-

явился в комнате и проделал в точности то же самое, что и раньше. Значит, это происходит раз в неделю, заключила девушка. Дрожа от страха, она потихоньку отправилась вслед за главным врачом, который, миновав несколько служебных помещений, скрылся у себя в кабинете. Сквозь щелочку в двери девушка подсмотрела, как он, оставив свою добычу в сторону, роется в бумагах с несвойственной ему нервной поспешностью. Этого Марии было достаточно, и она поспешила уйти.

В понедельник, придя на работу, девушка первым делом бросилась к учетным книгам и мгновенно поняла: записи в журналах подделаны. Правда, исправления не бросались в глаза, заметные только, если знаешь о подлоге. Тогда можно было разглядеть и аккуратно подтертые места, и едва заметную разницу в чернилах. Если до сих пор у нее оставались какие-то сомнения, теперь они были решительно отброшены. Налицо попытка скрыть пропажу донорской крови. Самое интересное, что цифры во всех документах были тщательно подогнаны, расход соответствовал приходу. Никакая проверка, появившись она хоть сию минуту, не подкапается.

Мария чувствовала, что развязка стремительно приближается. К концу рабочего дня в следующую субботу она заняла свой пост неподалеку от кабинета главврача. Отсюда ей было удобно следить за своим шефом, который вскоре вышел и направился в самую дальнюю часть здания, туда, где вампиры собирались на свои еженедельные бдения. Все сотрудники станции давно разошлись по домам, и Марии, изучившей каждый уголок клиники, не составило труда отыскать укромное местечко по соседству с комнатой, где рассаживались нежданные посетители. То, что открылось взору девушки, привело ее в такое смятение, что все воскресенье Мария не могла прийти в себя.

До этой минуты она имела весьма смутное представление о вампирах, почерпнутое из фильмов о Дракуле. В детстве о них ей рассказывал брат. Мысль о том, что вампиры и вправду существуют, да еще рядом с ней, обожгла ее. Сделав это страшное открытие, Мария утратила душевный покой, но радостное возбуждение охотника, идущего по следу, теперь не покидало ее. Она рылась в библиотеках в поисках любых сведений о вампирах, и неожиданно ей повезло. В католической библиотеке девушка наткнулась на редчайшую Энциклопедию демонологии Колина де Планси, изданную в Брюсселе в 1845 году и одобренную самим монашеством епископом парижским. Благодаря последнему обстоятельству Мария испытывала безграничное доверие к этому трактату. Она изучила подробнейшую статью о вампирах, более не сомневаясь, что ей довелось столкнуться с этими чудовищными существами, непонятным образом сохранившимися до наших дней.

Ей стало ясно, что похищенные запасы крови вместо того, чтобы служить людскому благу, помогали этим нелюдям продлевать свое существование на земле. Только теперь Мария в полной мере прониклась величием Божественного замысла, избравшего ее, чтобы навеки уничтожить этот бич человечества. Мир и покой снова воцарились в ее душе. Раз ей открылась тайна вампиров, остается и дальше уповать на милость Господа. Он сам укажет ей надлежащий путь и вложит в руку карающий меч. Отныне все свои силы, если потребуется, и жизнь возлагает она на алтарь святого дела. Для искоренения вампиров в славном городе Амстердаме она не пожалеет жизни и отдаст ее с радостью, как святые принимали мученичество за веру Христову.

И все же, несмотря на уверенность в благополучном исходе, тяжелые предчувствия иной раз заставляли Марию содрогаться и бледнеть.

В очередной субботний вечер главный врач, как обычно, явился за своими пробирками, и вдруг в тиши кабинета раздался легкий шорох. Первым побуждением его было, бросив все, кинуться наутек, но он пересилил себя и прислушался. В глаза ему бросилась скорчившаяся в углу фигурка в белом халате.

— Ты что здесь делаешь? Ну-ка выходи! — воскликнул главный врач.

Мария, дрожащая от стыда и ужаса, появилась из своего укрытия.

— Где же твой дружок? — продолжал он, показывая тем самым, что понимает молодых влюбленных, назначивших свидание, когда здание обезлюдело.

— Нет у меня дружка, — еле слышно прошептала Мария.

— В таком случае что ты делаешь здесь? А это что у тебя?

Быстрым движением он выхватил у нее из рук предмет, который девушка неловко прятала за спиной. Это была откупоренная пробирка с кровью.

Мария с жалобным воплем бросилась в ноги своему начальнику и, точно библейская грешница, прижалась к его коленям.

— Только не губите меня, — причитала она, — я без этого не могу. Если мне не дадут выпить крови, я погибла! Не отправляйте меня в тюрьму, там я не смогу достать крови и умру.

Главврач в величайшем изумлении смотрел на склоненную перед ним девушку. До него медленно доходило, что он видит новоявленного вампира, действующего на свой собственный страх и риск. Трудно ей, должно быть, приходится одной, без поддержки. Кстати, надо выяснить, посасывает ли она кровь у больных? Отважная малютка!

Он мягко высвободился из ее судорожных объятий и помог девушке подняться.

— Успокойся, детка, тебе нечего бояться. Ты не одна, в Амстердаме есть люди, которым нужно то же, что и тебе. Таким людям можно помочь. А теперь беги домой. На следующей неделе зайдешь ко мне и подробнее расскажешь о себе.

Лицо девушки просияло таким искренним блаженством, что не верить ей было невозможно.

— И часто ли ты пользуешься нашими запасами?

— Раз в неделю, — жалобно ответила Мария, и слезы вновь выступили у нее на глазах.

— Ладно, забирай эту пробирку с собой, все равно она уже не стерильная, — разрешил главврач.

Мария колебалась.

— Может, она еще пригодится?

— Она пригодилась тебе, дитя. Бери ее. Не забудь мои приемные часы на будущей неделе.

Девушка вышла, и он облегченно вздохнул. Все-таки ему удалось выпутаться из этой опасной для обоих ситуации. Видел бы он, как Мария, придя домой, выливает содержимое пробирки в раковину, он бы не торопился радоваться.

Так был сделан первый шаг по рискованному пути, который избрала Мария. В тот же вечер, когда все собрались, главврач рассказал, что благодаря счастливой случайности ему удалось обнаружить еще одного вампира за пределами их маленького круга, вольного стрелка, так он назвал Марию.

Новость оказала на них такое же действие, которое могло бы произвести на собрание благородных дворян известие о том, что по соседству замечен неизвестный странствующий рыцарь. Все единодушно решили, что необходимо как можно скорее посвятить Марию в их тайну. Каждому не терпелось увидеть храбрую девушку, а Мария и не подозревала, что поразила их воображение. Еще не видя ее, они уже представляли Марию романтической героиней новых, грядущих времен.

Учиненный ей главврачом допрос с пристрастием не был для Марии неожиданностью. Вооруженная сведениями из Энциклопедии демонологии, она сочинила душераздирающую историю о том, как девочкой почувствовала вкус к человеческой крови. Она уже знала секреты, которые намеревался раскрыть ей главврач, и хорошо продумала свою линию поведения.

Строго говоря, в этом деле была всего одна загвоздка. Как бы она ни старалась, она не сможет заставить себя выпить целую колбу с кровью. Ей станет дурно, а этого нельзя допустить. Самую капельку она еще заставит себя проглотить, но не более того. Выход подсказала придуманная ей легенда. В прежние времена вампиры выходили на свой

промысел каждую ночь, так почему бы ей не уверить их, что ей, привыкшей к своему ежедневному глотку крови, трудно осилить сразу всю недельную порцию? И она попросила разрешения уносить свою долю домой, чтобы, как истинный вампир, изо дня в день поддерживать кровью свои силы.

— Многие выносят отсюда разные склянки, никто ничего не заметит. Позже я привыкну обходиться без крови целую неделю и перейду на ваш режим, — объясняла она.

Ей было позволено уносить большую дозу крови с собой для ежедневного употребления. В комнате, где проходили субботние собрания, появилась десятая табуретка. На ней заняла свое место Мария после того, как главврач торжественно представил девушку. Ликование, охватившее вампиров, было подобно тому, что испытывают члены Армии спасения при виде только что обращенного грешника. Та, которую они сегодня приняли в свои ряды, была не просто одной из них. Она олицетворяла собой самостоятельную ветвь вампирского рода, древнюю и благородную.

Мария стала полноправной участницей еженедельной церемонии, она все глубже проникала в секреты вампиров и даже заставила себя свыкнуться с тошнотворным привкусом крови па губах. Теперь она, не моргнув глазом, вливала в себя однодневную порцию крови, разрешенную ей вампирами. Трудно было лишь свыкнуться с тем, что попусту расходуется донорская кровь.

Она воочию наблюдала, какое отвращение и суеверный страх вызывают у вампиров христианские символы. Христианство было для них врагом номер один, ибо оно подрывало самую основу их существования. Они обходили стороной шкаф, где хранилась кровь, предназначенная для Красного Креста. Ни один вампир, даже страдая от смертельной жажды, не рискнул бы протянуть руку к бутылке, на которой красовалась эмблема Красного Креста.

Как-то один из них явился на субботнюю встречу с опозданием. Вид у него при этом был такой, что краше в гроб кладут. Оказалось, застигнутый в дороге ливнем, он прижимался к стене дома. Слишком поздно до него дошло, так, что его пристанищем была церковь. Вампиры бросились поздравлять своего перепуганного собрата, словно тому чудом удалось вырваться из когтей смерти, а главврач выдал ему дополнительную порцию крови.

Вот оно, их слабое место, поняла Мария и решила, что именно вера поможет ей уничтожить вампиров. Мысли ее потекли в новом направлении. Если вид креста отпугивает их, размышляла девушка, что же будет, когда святая вода попадет к ним в организм? Наверняка моментальная смерть. А что, если наполнить их пробирки церковным вином?

Однако вскоре она сама отказалась от этой идеи как неосуществимой. Как достать нужное количество церковного

вина, тем более, что и с ее стороны это посягательство на святая святых? Как добиться, чтобы главврач выбрал именно те пробирки, куда будет налито вино? А что будет, если жидкость по ошибке вольют больному вместо крови, подумать страшно! Вампиры могут заподозрить подмену... Впрочем, нет, разницы они не почувствуют, ведь церковное вино и есть кровь. Как истинная католичка, Мария свято верила в христианские таинства. Но опасность ошибочного вливания нельзя исключить. Так можно нанести больному непоправимый вред, никто ведь не определял группу крови Христа. Надо придумать что-нибудь другое.

Мария торопилась принять решение: посещать субботний шабаш с каждым разом становилось все мучительнее. Скорее, скорее нанести им окончательный удар, но как это сделать?

Когда вампиры принимались издеваться над простофилями, сдающими свою кровь, или передразнивали призывы рекламных плакатов, повторяя с отвратительными ужимками и кривлянием: «Сдай больше крови! Твоя кровь — наша жизнь!», Мария боялась, что не сможет сдержаться и выдаст себя. Ведь и она точно так же каждые полгода сдавала кровь. Радость, которую ей приносило сознание того, что она спасает жизнь незнакомому человеку, была отравлена. Кто знает, не воспользовались ли вампиры, возможно, и не единожды, ее кровью, тем более что по возрасту она как раз принадлежит к той категории доноров, которую они особенно жалуют. Ей не давала покоя одна мысль: как же это выходит, один вид распятия приводит вампиров в ужас, а кровь добрых христиан им на пользу? Пожалуй, самый надежный способ — смешать кровь с каким-нибудь ядом. Но как осуществить этот замысел, да и возможно ли такое вообще — ввести отраву себе в кровь, а потом подманить вампиров? День и ночь ломала она голову, пытаясь найти единственно верный путь, и внезапно неясный свет забрезжил где-то в глубине сознания. Вот оно!

Итак, решено: она должна принести в жертву самое святое, свою Богом данную жизнь, во имя избавления человечества от страшного зла. На душе у нее стало удивительно легко. Пусть она погибнет с ними вместе, но что такое смерть в сравнении с вечным блаженством, ожидающим ее на небесах!

Коллеги Марии были немало удивлены вдруг пробудившимся живым интересом девушки к проблемам гематологии. Все с удовольствием помогали начинающей медсестре, которая готовилась присвокупить к своему диплому диплом лаборантки. Марии хотелось знать, как лучше простерилизовать инструментарий и жидкость, как правильное перекачать жидкость из одного сосуда в другой и, наконец, как вычислить концентрацию соли в веществе. Однажды Мария удивила своих наставников вопросом о том, какова макси-

мально допустимая концентрация соли в растворе, который можно ввести человеку при помощи инъекции. Мария вскоре овладела и этими премудростями, но тут увлечение ее остыло столь же внезапно, как и пробудилось. Она забросила свои занятия, объяснив это тем, что экзамены сдать не удалось.

Непостоянство девушки изумило всех, кто работал с ней, но каково было бы изумление святых отцов, доведись им проследить за передвижениями Марии по всем католическим соборам Амстердама. Захватив с собой бутыл и резиновую грушу, Мария обошла городские церкви, выбирая для своих посещений часы затишья между службами. Она положила себе за правило вначале удостовериться, что поблизости никого нет и случайным свидетелем ее ухищрений не окажется святой отец, задержавшийся в исповедальне, или набожный прихожанин, преклонивший колена у иконы. Затем сестра Мария как ни в чем не бывало приближалась к чаше со святой водой и наполняла свою бутыл.

«Да, эта вода драгоценнее крови», --- думала Мария, принося бутыл в свою комнатку и убирая ее в шкаф. Ей хотелось упасть на колени и благоговейно молиться подле своей реликвии.

Настало время, когда литровая бутыл наполнилась. Марии предстояло сделать себе инъекцию святой воды, а для этого необходимо определить концентрацию соли в жидкости и, конечно, простерилизовать ее: в чаше, куда бесчисленное число раз опускались грязные руки, наверняка расплодился микробы. Таким образом, чтобы довести свой план до конца, Марии был нужен литр стерилизованного физиологического раствора, изготовленного на святой воде.

По счастью, концентрация соли в святой воде не превышала физиологически допустимую норму, и Марии не пришлось, как она того опасалась, выводить из жидкости лишнюю соль. Мария боялась ослабить чудодейственную силу святой воды, ибо верила: точно так же, как крепкий рассол сохраняет припасы от порчи, соль, содержащаяся в святой воде, защищает души праведников от дьявольских сетей.

Оставался последний, решающий шаг. До сих пор огромным напряжением всех сил Мария заставляла себя участвовать в каждом субботнем сборище, как они ни претили ей. Нельзя сказать, чтобы вампиры не замечали состояния девушки, хотя толковали его на свой лад, объясняя сдержанность Марии гордым презрением свободного вампира-одиночки к своим выродившимся собратьям. Осквернив свой древний промысел консервированной кровью, они сознавали собственную неполноценность и даже испытывали чувство вины. И хотя Мария стремилась обращать на себя как можно меньше внимания, вампиры относились к девушке с явным почтением. Понятно, с каким жадным любопытством

обратились к ней взоры присутствующих, когда Мария поднялась и смущенно попросила слова.

Хороша была Мария в эту минуту — глаз не оторвать! Юная женщина, сильная и страстная, радующая глаз своей горделивой красотой, ничуть не поблекшей от поста и молитв. Глубочайшая уверенность в своих словах придавала ей величавое достоинство, глаза Марии ярко блестели, жаркий румянец покрывал щеки. Глядя на нее, вампиры понимали, что никогда им, изможденным и худосочным, не преобразиться в такое же цветущее, полное жизни существо, и с удвоенным вниманием прислушивались к тому, что говорила Мария.

Сказанное ею в тот вечер никак не могло само собой родиться в душе простой девушки из народа, эту речь, достойную Орлеанской девы, нашептало ей божественное вдохновение.

— Братья и сестры! — начала она. — Я уже достаточно знаю вас, чтобы откровенно сказать вам, что я думаю о вашем образе жизни. Имейте мужество выслушать мой приговор, он будет суров.

Неужели вы не смогли придумать ничего лучше? Как безработный, который, смирившись со своей жалкой долей, тащится на биржу за пособием, так вы привыкли являться сюда за протянутым питьем. От вас не требуется никаких усилий, разве что только доехать сюда, зато и получаете вы по заслугам — пьете старую, прокисшую кровь. Я могла бы понять вас, если бы вы делали это изредка, восполняя пехватку свежей крови. Единственное, на что годится этот убогий рацион — ненадолго продлить ваше жалкое существование.

Посмотрите на меня. Видите разницу между мной и вами? Неужели нужны еще какие-то доказательства? Как по-вашему, почему я так хорошо выгляжу? Взгляните на эти волосы, блестящие и мягкие, как у ребенка. А фигура, нравится вам моя фигура? Какие плавные изгибы, стройная шея, соблазнительные плечи! А теперь переведите взгляд на свое тело. Влюблялся ли в вас кто-нибудь хоть раз в жизни? Желал ли вас кто-нибудь? Можете не отвечать, я и так знаю, что нет. А мне, признаюсь вам, мужчины проходу не дают.

Всему этому есть только одно объяснение: я с детства питаюсь свежей, теплой кровью, вы же довольствуетесь второсортным питьем, утратившим полезные свойства, бр-р-р, холодным, точно кровь пресмыкающихся.

Я спрашиваю вас: достойна ли вампиров такая жизнь? Нет, и еще раз нет. Вы опустили на самое дно. Лучше уж умереть, чем жить так, как живете вы. Судьба не зря привела меня к вам. Я помогу вам вырваться из трясины, засосавшей вас.

Однажды мне пришлось солгать вам. Испытывая глубо-

чайшее отвращение к вашему пойлу — думаю, не заметить этого вы просто не могли, — я дома выливаю его в раковину — ни на что оно все равно не годится. Я-то уж всегда сумею достать себе кое-что получше. Я же прячусь от людей, как вы. Пусть люди меня боятся, как ведется исстари.

Итак, я уже сказала вам, что источник моей красоты и здоровья — свежая кровь. Но это еще не все. Вы сами знаете, как трудно нам сегодня подобраться к человеку. Мой путь к жертве тернист и опасен, и вся моя жизнь — цепь головокружительных приключений, закаляющих тело, укрепляющих дух.

О, как вы обедняете себя, добровольно отказываясь от несравненного, пьянящего чувства власти над спящими, ничего не подозревающими людьми. Под покровом ночи я ощущаю себя всемогущей, я — божество для этих ничтожных людишек, с которыми поступаю как мне заблагорассудится. А вы, подумайте только, влачите постыдное, никчемное существование, которое я, познавшая вкус настоящей жизни, называю прозябанием. Может быть, суровая нужда толкает вас на это? Нет и еще раз нет! Природа наделила вас умением добывать себе хлеб насущный. Я не нахожу оправдания вашей трусости и лени.

Знайте же, я пришла сюда, чтобы разжечь в ваших душах угасшее пламя гордости за наше древнее и славное прошлое, чтобы пробудить вас от спячки. Пусть вспыхнет факел свободы и озарит вас путь из душной кельи в новую, вольную жизнь, достойную настоящих вампиров. Понимаю, для многих из вас такой путь не по силам, и потому хочу помочь вам, привыкшим отхлебывать холодную жидкость из стеклянной колбы и не знающим, какую бурю чувств вызывает одно прикосновение к теплой человеческой коже. Мне кажется, я нашла выход, но об этом чуть позже.

А знаете ли вы что-нибудь о сладчайшем поцелуе смерти? Задумывались ли вы над тем, почему люди так обожают целоваться? Да они и сами не подозревают, что их поцелуй — жалкое подобие наших ласк, смутное воспоминание о ночном поцелуе вампира.

О, этот поцелуй! Легкой тенью ты подкрадываешься к спящему, боясь встревожить его случайным шорохом еще до того, как твои губы прильнут к его устам. Но вот я прилипаю к своей жертве — теперь сопротивление бесполезно. Человек сам прижмется ко мне, трепеща от желания. Моя жажда вошла в него. Нет более изысканного наслаждения, чем улыбка удовлетворения на лице спящего.

Иногда человек так и не просыпается. В блаженном сне все его жизненные соки, до последней капли, перетекают ко мне. Это ли не заветная мечта каждого человека — до конца отдаться любимому существу, слиться с ним в одно целое! Но приятнее всего разбудить свою жертву за минуту

до того, как жизнь покинет ее тело, и наконец услышать стон экстаза, ощутить страстную дрожь податливого тела. Жалкие людишки! Что мне в них? Их запоздалый призыв не тронет меня, не пробудит во мне ответа. Но вот последнее, судорожное объятие умирающего, и я, отринув брэнное тело, чья кровь удвоила мои силы, спешу навстречу новым приключениям.

Вот это жизнь, для которой мы с вами рождены! И пусть после смерти нет нам дороги ни в рай, ни в ад. Зато в наших руках сделать вечным свое пребывание на земле. Здесь мы вольны превратить отмеренный нам срок в вечный праздник — так живу я, или превратить его в сущий ад — такую жизнь избрали для себя вы. Вкусив однажды пурпурного нектара, которым я освежаюсь изо дня в день, вы никогда не прикаснетесь к своему пойлу.

Согласны ли вы вслед за мной отправиться в блаженный Элизиум? Тогда знайте: чтобы открыть для вас врата в рай земной, мне придется пожертвовать многим, очень многим. Но я докажу не на словах, а на деле, что желаю лишь одного — вернуть древнюю славу нашего племени.

В будущую нашу встречу я дам вам шанс испытать неведомое дотоле наслаждение. Я предлагаю вам свое тело. Выпейте мою кровь, и вы почувствуете разницу между свежайшим нектаром и вашими мерзкими консервами. Пусть ваши зубы вонзятся в меня, пусть! Я готова отдать свою кровь до последней капли, зная, что после этого вы непременно возвратитесь к людям и заживете новой жизнью. Знаю, мне придет конец, но я не раскаиваюсь в своем решении. Что такое конец одного вампира, если на чаше весов — возрождение всех остальных? Мое предназначение на этой земле исполнится. Итак, в следующий раз колбы отменяются! Вы получите живое тело.

Мария умолкла, и в комнате повисла тишина. Вампиры были не просто пристыжены, они были раздавлены. Во все глаза смотрели они на девушку, ощущая накачивающую волну незнакомого желания. Мария намеренно оставила обнаженными руки и плечи, сильно открыла грудь и теперь кокетливо, словно бы шутя, но вместе с тем весьма откровенно демонстрировала те уголки своего тела, где, наливаясь кровью, пульсировали крупные артерии.

— Посмотрите, как хорошо у вас получится: двое поцелуют меня в шею, двое вот здесь, у локтевого сгиба, двоим достанутся запястья, и еще двоим — внутренняя поверхность бедер.

Бура желаний захлестнула присутствующих, все жаждало крови. Во время краткого препирательства, следовавшего за предложением сестры Марии, главный врач притворно убеждал девушку отказаться от задуманного и повторял, что он не может, не хочет и не должен принимать столь драгоценный дар, коим является жизнь юной особы.

Мария же настойчиво твердила, что видит в этой жертве свое высшее предназначение и не переживет отказа. На том и порешили: через неделю сестра Мария отдаст свое тело на алтарь всеобщего блага.

В оставшиеся дни Мария проводила все свободное время в молитвах. На открывшемся ей пути избранничества девушке было необходимо постоянное духовное единение с Богом. В субботу, запершись в своей комнатке, Мария достала большой шприц, который она принесла из лаборатории, и медленно ввела себе весь литр святой воды. Дело это было несложное, на работе она колола больных каждый день. Немного полежала, чтобы жидкость как следует разошлась.

По мере того как святая вода проникала в каждую клеточку ее тела, Мария окончательно проникалась глубочайшей убежденностью в том, что она поступает именно так, как нужно. Теперь она была совершенно спокойна и как никогда уверена в своих силах. Такого безмятежного спокойствия, такой непоколебимой твердости духа не приносила ей даже молитва. Она знала, что сможет, не дрогнув, перенести ужаснейшие истязания. Вот так, наверное, встречали свои мучения святые угодники. А кто знает, может быть, они тоже вводили себе в организм святую воду и потому спокойно шли на костер и пытки? Мария решила, что ей открылось одно из величайших таинств церкви. Настроившись таким образом, Мария отправилась на субботнее собрание.

Девушку с нетерпением ждали. Возбужденное оживление присутствующих говорило о том, что им предстоит необычный вечер, благодаря которому с однообразием еженедельных встреч будет покончено, и, возможно, навсегда. Обычную для вампиров вялость как рукой сняло, они распрямились, лица оживились, громче зазвучали голоса. Табуретки стояли в круг, как было заведено, однако в центре вместо привычных штативов с колбами находился скромный топчанчик — на таких лежат доноры во время медицинских манипуляций.

Вампиры поторопились занять свои места, Мария продолжала стоять, не зная, что ей делать. Главврач, по знаку которого разрешалось начать кровавое пиршество, помянул девушку. Она ждала этого сигнала. Под алчными взорами вампиров, которые, затаив дыхание, следили за каждым движением девушки, она сбросила белый халат, под которым не было ничего, и легла на топчан, раскинув руки, вытянувшись. Главврач снова взмахнул рукой, и вампиры начали придвигаться к Марии вместе со своими табуретками. Порядок они при этом соблюдали образцовый, никто не толкался, каждый подбирался к тому уголку ее тела,

куда он метил вонзиться зубами. Все держались чинно, подходили по очереди, как будто все уже было распределено заранее.

Подойдя к девушке, каждый из них прижимался к заветному местечку на ее теле, поглаживал нежную кожу, проводил по ней губами, чтобы ощутить легчайшие токи крови. И вот прогремели знакомые слова: «Дозволь же мне причаститься этого вина!»

В первый момент страшного потрясения Мария не смогла сдержать крик ужаса, но почти тут же на лице ее заиграла улыбка ангельской кротости. Улыбка больше не покидала ее лица. Девушка улыбалась, даже когда силы оставили ее, и она, казалось, потеряла сознание. В последний раз ее черты озарились чистейшим внутренним светом, в яркой вспышке промелькнула перед мысленным взором девушки вся ее коротенькая жизнь, и Мария испустила последний вздох, внезапно подавшись вверх, навстречу общающейся все ее существо неземной благодати.

Вопль ужаса, вырвавшийся у Марии, когда вампиры набросились на нее, был последним звуком, который в ту ночь раздался в стенах городской станции переливания крови. Сотрудники станции, придя на работу утром следующего дня, обнаружили десять мертвых тел, окоченевших в самых нелепых и чудовищных позах. Предполагаемые обстоятельства смерти этих несчастных наводили на подозрения, столь зловещие и невероятные, что все свидетели трагедии никогда более ни словом не упомянули об увиденном. Самым загадочным и необъяснимым при этом было то обстоятельство, что лишь одна из погибших, обнаженная девушка, встретила свой конец спокойно и величаво. Девять остальных тел застыли в страшных корчах, словно жертвы кровавого насилия. О происшествии, кроме тех, кто обнаружили тела, узнали еще двое за пределами Вилхелмина-клиники — главный инспектор Министерства здравоохранения и министр юстиции, которые были спешно уведомлены. Более ни одна живая душа не знала об этой криминальной истории, поскольку высокие должностные лица поостереглись рассказать о ней даже собственным женам.

А жаль все-таки, что лишь немногим известно о событиях, рассказанных здесь. Это ли не подлинный триумф нашей церкви?

Перевела с нидерландского Наталия ИВАНОВА

ОБ АВТОРАХ

Дэвид МОРРЕЛЛ родился в 1943 году в Китченере, штат. Огайо. Преполагает американскую литературу в университете Айова. «Рэмбо» (оригинальное название «Первая кровь») — его первый роман. Д. Моррелл также автор нескольких боевиков и супербоевиков.

БЕЛЬКАМПО (псевдоним Хермана Питера Шенфелда Вихерса) — популярный нидерландский писатель, родился в 1902 году. В 1987 году издательство «Радуга» выпустило книгу избранных произведений Белькампо.

Под редакцией Александра ПОЛЕЩУКА
и Евгения КУЗЬМИНА

Художники Павел ДЗЯДУШИНСКИЙ и Татьяна ЕГОРОВА
Художественный редактор Валерий КУХАРУК

Учредитель литературного приложения «Искатель»:
трудовой коллектив редакции журнала «Вокруг света»,
АО «Молодая гвардия»

Рукописи не рецензируются

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская, 5а
Тел. 285-88-84, 285-80-10

Сдано в набор 13.11.91. Подписано в печать 17.11.91.

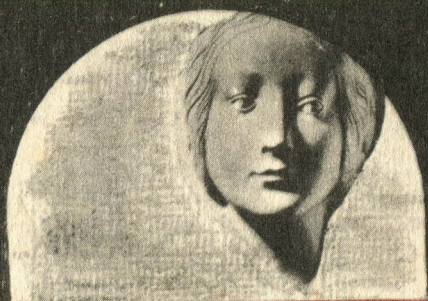
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 8,9.

Тираж 300 000 экз.

Заказ 2241.

Типография АО «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Суцьевская, 21

Дэвид МОРРЕЛЛ
БЕЛЬКАМПО

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

